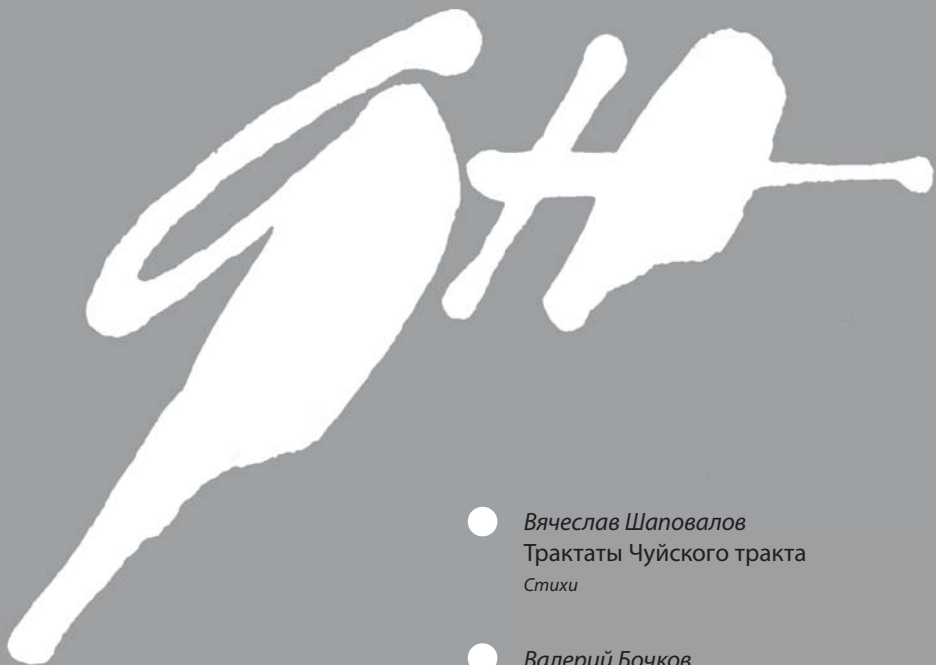

ДРУЖБА НАРОДОВ

ДРУЖБА НАРОДОВ 12/2015

- Вячеслав Шаповалов
Трактаты Чуйского тракта
Стихи
- Валерий Бочков
Время воды
Роман
- Акрам Айлисли
Там, где ирисы не растут
Повесть. С азербайджанского
- Константин Симонов
Наше время ещё занесут на скрижали...
Записи в рабочих тетрадях
- Сергей Шаргунов
Катаев и война
Главы из биографии

12'2015

Константин Симонов

Наше время еще занесут на скрижали...

Записи в рабочих тетрадях: беседы и размышления

Мы все знали, что война будет

Пересказ беседы с председателем Моссовета В.П.Прониным

В начале работы над фильмом «Если дорог тебе твой дом»¹, одним из авторов сценария которого был Константин Симонов, редактор кинокартины Лазарь Израилевич Хволовский побеседовал с бывшим председателем Моссовета Василием Прохоровичем Прониным. К.Симонов записал их разговор в пересказе Л.Хволовского, включив в текст, который никогда не редактировал, комментарии Хволовского и свои реплики в ходе записи. В данной публикации сохранены выделения курсивом, сделанные автором, а собеседники обозначены инициалами К.С. (Константин Симонов) и Л.Х. (Лазарь Хволовский).

Л.Х.: Наш разговор начался с того, что я рассказал ему о студии, о замысле фильма. Пронин сказал, что фильм такой очень нужен, особенно для молодежи.

— Но фильм будет ценен лишь в том случае, — заметил он, — если там будет сказана правда. Только правда. А то подумайте, ну что сейчас говорят о начале войны? Фактор внезапности. Ерунда все это. Никакой внезапности не было. Было чистое поражение. Ну, во-первых, весь народ был подготовлен ворошиловскими речами к войне на территории противника. Во-вторых, во главе армии стояли эти «конногвардейцы» Ворошилов, Тимошенко и Буденный. Все они в военном смысле люди ограниченные, а в общем — так и подавно.

И, наконец, в-третьих, вооружением и, главное, тактикой немцы нас превосходили. У нас ведь тактика была какая? Фронтальная. Кавалерийская. Вот немцы нас и били.

А внезапности никакой не было. Мы все, вплоть до Сталина, знали, что война будет. Помню, я еще в тридцать девятом году, еще перед Финской, был как-то на заседании Политбюро. Речь, кроме всего прочего, шла о противовоздушной обороне и, в частности, о противовоздушной обороне Москвы. Сталин вдруг меня спросил:

— Как у вас дела в этом плане?

Ну, я ему ответил, что, мол, неважно, опыта нет, варимся в собственном соку. Сталин тогда сказал, что он даст указание разведке собрать данные об опыте противовоздушной обороны.

¹ О фильме см. вступительную заметку А.Симонова к публикации «Приговорен к бессмертной славе. Беседы Константина Симонова с генерал-лейтенантом Михаилом Лукиным» («Дружба народов», № 10, 2015).

Прошло какое-то время; Сталину, сами понимаете, я не напоминал, — как вдруг приходит мне в Моссовет огромный пакет. И там надпись Сталина: «Материалы для Пронина». Это были данные нашей разведки об организации ПВО в Лондоне и в Берлине. Тридцать девятый год, там уже всю войну шла, или даже сороковой это был.

Нам все это, кстати, впоследствии очень помогло.

Потом помню другой случай. Это уже во время Финской было. Сижу я у себя как-то перед самым Новым годом. Вдруг звонок. Сталин.

— Что делаете? — спрашивает.

— Да вот, — говорю, — собираюсь Новый год встречать.

— А вас не интересует, как в Ленинграде поставлено дело противовоздушной обороны?

— Очень, — говорю, — интересует.

— А когда бы вы могли туда поехать?

— Дня через два, — отвечаю.

— Нет, — говорит, — поезжайте сейчас.

Ну, я и поехал. И провел там десять дней. А вы говорите — внезапность.

Да что там говорить. Двадцать первого июня вечером вызвал он нас с Щербаковым. Приехали мы к нему в Кремль. Было девять часов вечера, как сейчас помню. У него уже сидели Ворошилов, Тимошенко и Молотов.

Сталин сказал нам, что по данным разведки, по словам перебежчиков, сегодня должна начаться война. Он спрашивал о нашей готовности к этому.

Потом Ворошилов, Тимошенко и Молотов ушли. А мы с Щербаковым остались и сидели у Сталина до трех часов ночи. В три часа ночи, когда уже стала светло, — 22-е июня, — Сталин посмотрел на часы, подошел к окну и сказал:

— Ну, сегодня, кажется, войны не будет. Вы где отдыхаете?

Мы сказали, что в Барвихе, двадцать минут езды от Москвы.

Он говорит:

— Ну, поезжайте.

Вышли мы от Сталина, сели в машины, поехали к дачам. Только подъехали, даже в ворота не заехали. Чекисты стали нам ворота открывать и говорят:

— Война.

Мы развернулись — и обратно, в Москву.

К этому рассказу Пронина мне хочется сделать некоторые добавления. Я абсолютно верю в достоверность этого рассказа о встрече 21-го июня, потому что в воспоминаниях Кузнецова рассказывается, что Тимошенко, бывший тогда наркомом обороны, вызвал Кузнецова к себе 21-го июня в одиннадцать часов вечера и дал ему указание о боевой готовности № 1. Это указание могло последовать лишь после разговора со Сталиным о перебежчиках, о котором рассказывал Пронин. Так что показания Кузнецова и Пронина друг друга подтверждают.

Л.Х.: Дальше у нас с Прониным зашел разговор о начале войны. Я спросил, что было со Сталиным до 3-го июля? Потому что ведь был же такой разговор, что до 3-го июля первые десять дней Сталин вышел из строя и ничего не делал. Когда я его спросил об этом, Пронин сказал:

— А-а, знаю. Это Хрущев пустил слух о Сталине. А вы давайте посчитайте. Значит, 21-го июня я у него был, а 24-го июня в шесть утра мне Сталин звонил и вызывал к себе, и я у него снова был. А был я у него вот по какому поводу. Помните самую первую тревогу московскую, в ночь на 24-е июня? Откуда эта тревога взялась? А вот откуда. Тогда в газетах появилось сообщение, что тревога учебная. А на самом деле это была никакая не учебная тревога.

Летели наши самолеты, а посты ВОС дали донесение, что летят немцы. Начали стрельбу. От зенитных орудий при разрыве снарядов получаются такие белые облака. Только что война началась, никто ничего не знает — приняли эти штуки за парашютистов. И пришло сообщение от Краснопресненского райкома и от Киевского райкома, что немцы десант высадили за Киевским вокзалом. Мы сразу по тревоге —

раз — дивизию внутренних войск бросили туда. Пальба идет, страшное дело. Выскакиваю я с командного пункта обороны Москвы — он в Моссовете был — меня не пускают. Но я кое-как с трудом пробился. Приезжаем туда, на Киевский. Конечно, никаких парашютистов, ничего нет. Потом я вернулся в Моссовет, мне докладывают, что, мол, ошибка вышла.

В шесть часов мне звонит Сталин, вызывает к себе. Прихожу к нему.

— В чем дело? — говорит.

Я говорю:

— Вот обмишулились, товарищ Сталин.

— Как же так?

— Да вот, — говорю, — приняли за парашюты разрывы снарядов, обстреляли своих.

— А ваше мнение по этому?

— Я говорю:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин, все убеждены, что это была учебная тревога.

— А вы — точно?

Я говорю:

— Проверю и доложу снова. Через час я ему позвонил и докладываю:

— Точно, товарищ Сталин. Все считали, что это учебная тревога.

— Ну что ж, так и дадим сообщение в газете.

Так появилось сообщение в газете о том, что 24-го была учебная тревога.

К.С.: *А откуда самолеты, он не уточнял?*

Л.Х.: *Он не уточнял.*

«И, наконец, третьего июля Сталин уже выступал. Значит, прошло восемь дней.

Ну, я его в течение этих дней не видел, — сказал Пронин. — Был ли он в состоянии протрации в эти дни, не знаю. Я рассказываю факты...»

К.С.: *В каком состоянии он был 24-го?*

Л.Х.: *24-го — в нормальном.*

Потом я рассказал, как мы собираемся делать начало фильма. Начать с парада 2-го мая сорок первого года в Москве, на котором Тимошенко подошел после своего выступления к немцам, к военным атташе и очень любезно с ними раскланялся. На что Пронин мне сказал:

— Это все дипломатия. Вот я вам расскажу такой случай. В тридцать девятом году, когда Риббентроп приехал в Москву, он был у Сталина. Значит, присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов, я и еще некоторые товарищи. За столом сидели Ворошилов, Риббентроп, Молотов и Сталин. И получилось так, что Сталин сидел рядом с Риббентропом. А ему не хотелось, видеть, сидеть с Риббентропом. Он мне говорит:

— Пронин, поди сюда.

И посадил меня рядом — между собой и Риббентропом. Велись переговоры, разговоры разговаривали. Переводили немецкий переводчик и Павлов. А потом, когда кончились переговоры, Сталин предлагает Риббентропу идти посмотреть картину «Трактористы». Он ее очень любил. Риббентроп отказался. Тогда Сталин стал настойчиво ему предлагать — пойдём, мол, посмотреть. Тот:

— Нет, — говорит, — ни в коем случае. Встал и уходит. А прощается он таким жестом: делает гитлеровское приветствие. Риббентроп сделал такой жест, и Сталин неожиданно встал и сделал ему так, книксен сделал почему-то.

Пронин встал и дважды показал, как Сталин делал книксен.

— Почему, — говорит, — не знаю.

И не успел Риббентроп выйти и дверь закрыть за собой, он с переводчиками ушел, как Сталин говорит: «Объебли мы их», а потом помолчал минутку и говорит: «Но воевать придется».

В разговоре о том, что было между началом войны и выступлением Сталина 3-го июля, я спросил у Пронина: а, собственно, почему 22-го выступал Молотов, а не Сталин? На что мне Пронин ответил:

— Вы понимаете, обстановка была сложная. Никто ничего не знал. Не мог

Сталин выступать в такое время. Вы же поймите, что война началась 22-го, а 24-го Тимошенко — кавалерист, буденовец — взял и отдал приказ о наступлении по всем фронтам. А наша армия к тому времени вся расчленена и разбита была.

К.С.: *Т.е. смысл мотивировки в том, что Сталин не мог брать на себя ответственность за непроверенные и неуточненные сведения и подставил Молотова. Мало ли еще как что повернется...*

Л.Х.: *Да. То есть он сформулировал не так, но мысль была такая. Кроме того, тут характерен образ самого Тимошенко, кстати, и к Тимошенко, к Буденному, и к Ворошилову Пронин относится с величайшим пренебрежением и нелюбовью.*

К.С.: *Они совершенно разные люди.*

Л.Х.: *Хотя они совершенно разные люди, но их нечто объединяет. Кавалеризм, конногвардейщина, как Пронин это называет. Конногвардейцы, кавалеристы, буденовцы — вот три эпитета, без которых он ни одно из этих имен не называет. Если называет Ворошилова, то он скажет или «конногвардеец», или «буденовец», или что-нибудь в этом роде, понимаете?*

Потом, кстати, не забыть бы, пересказать его мнение о Тухачевском.

К.С.: *А вот вопрос, который, возникает в связи с этой ночью у Сталина. Видимо, он предполагал возможность войны этой ночью, но находился в полном неведении, в каком состоянии была армия. Потому что докладов на эти темы ему давно не доводилось слушать, он этого не хотел, нажимал на то, чтобы сделать все возможное, чтобы как-то оттянуть войну и чтобы немцы не могли устроить вокруг этого провокаций. Все у него было нацелено на то, чтобы этого не допустить, думал только в этом направлении, при полном отсутствии истинного представления о том, что все-таки сделано с армией после тридцать седьмого года и насколько она еще не пришла в порядок. Он опять выдавал желаемое за действительное.*

Л.Х.: *Боле того, он понимал, конечно, что война будет, и понимал, что 22-е июня — равноденствие, самое большое светлое время суток, но где-то в глубине души страстно надеялся, хотел верить, что этого не будет. И вы знаете, как игрок ли или как ребенок, кто его знает, он хотел, чтобы ее не было.*

К.С.: *В этом весь смысл пакта был.*

Л.Х.: *Вот его [Пронина] рассказ дальше:*

— Этот случай уже относится к самому разгару обороны Москвы. Когда немцы после первого наступления подошли к Можайску и после Можайска пошли дальше, они были остановлены зенитчиками, которых сняли с противовоздушной обороны и поставили на борьбу с танками. И немцы, конечно, не подозревали, что между Можайском и Москвой ничего не было. А действительно, ничего не было между Можайском и Москвой, и если бы немцы, со своей тупостью, не приняли эти несколько зенитных орудий за настоящую оборону, а пошли бы, то они дошли бы до самого города.

А с городом была сложная ситуация. 19-го октября, вечером, мы со Щербаковым шли на заседание ГКО. И мы понимали, что речь будет идти о том, оставлять Москву или не оставлять.

Темно было. Все было затемнено. Мы шли со Щербаковым, а впереди нас, метрах в пяти или даже чуть побольше, шли Берия, Молотов, Каганович и Ворошилов. И мы со Щербаковым идем и слышим, как они разговаривают, уже в Кремле, и Берия говорит, что защищать Москву не надо. Вот, мол, Кутузов сдал Москву, и мы сдадим, нельзя защищать ее, невозможно.

Вошли в подъезд, они увидели нас и перестали разговаривать.

И вот поднялись мы наверх, на заседание ГКО. И шла речь о том, защищать Москву или не защищать. Все мы сидели, а один Сталин ходил. И вот он обрисовал положение и первым подходит к Молотову и спрашивает:

— Защищать Москву?

Молотов подумал и говорит:

— Защищать.

Подошел к Кагановичу:

— Защищать Москву?

— Защищать, — не думая.

Подходит Сталин к Берия:

— Защищать Москву?

Берия говорит:

— Конечно, защищать.

И все мы сказали, что Москву надо защищать. Тогда Сталин сразу же, при нас стал звонить командующим Уральским и Сибирским округами и вызывать в Москву войска только 19-го октября, после чего подошел к Кагановичу и сказал:

— Вот что, Каганович, голову сниму, если войска не будут доставлены в Москву вовремя.

— Все будет сделано, — сказал Каганович.

После чего Сталин стал диктовать постановление ГКО знаменитое: «Сим объявляется...», помните? «А я, — говорит Пронин, — сидел и писал. Сталин мне продиктовал это постановление, я его записал на бумажке карандашом, сразу же поехал на командный пункт, передали его по радио 19-го, а утром уже напечатали в газетах и разослали по всей стране».

Этот стиль «Сим объявляется...» я все никак не мог понять, откуда это идет. «Сим объявляется...» — это Сталин придумал.

Л.Х.: Я его [Пронина] спросил:

— Ну а когда же сняли осадное положение? Он говорит:

— Положение осадное так и не снимали. Забыли. Не то что забыли, а понимаете, не до этого было, потому что, честно-то говоря, мы могли снять осадное положение раньше и снять светомаскировку могли раньше. Топлива не было, и поэтому светомаскировку сняли только в конце сорок четвертого года. А снять могли раньше. Поэтому осадное положение и сейчас существует. Указа об отмене осадного положения до сих пор нет.

Продолжая разговор с Прониным о Сталине, я сказал, что вот есть в зарубежной печати и у нас кое-какие слухи, что Сталин последние годы страдал психическим расстройством, что этим, наверное, объясняется то обстоятельство, что он был так подозрителен, от всех скрывался, аресты были большие.

— Что я вам скажу? — сказал Пронин. — Я Сталина много раз видел. И в узком кругу, и на большой аудитории. Сложный он был, конечно, человек, нельзя о нем одним словом сказать. Конечно, суров был очень на совещаниях, в ЦК. Обрубал так, обрезал, что страшно аж делалось. Сколько раз он меня срезал. Думаю — все. А потом, смотришь, — ничего. А вот в узком кругу, в семье — совсем другой человек. Вот видел я его последний раз в сорок девятом году. Отдыхали мы со Щербаковым в Сочи, и пригласил нас Сталин к себе на Рицу...

К.С.: С Поповым, очевидно. Щербаков умер в сорок четвертом году.

Л.Х.: Да, видимо с Поповым.

...Пригласил нас Сталин к себе на Рицу. Вот три дня мы там у него пробыли. И на катерах катались, и завтракали вместе, и ужинали вместе. Прогулки в горы совершали. Я, понимаете, на гармошке играю. Вот я играл, Сталин пел. Очень так душевно себя вел. А ведь на работе-то — зверь.

И это — как Пронин играет на гармошке, а Сталин поет песни — на меня произвело очень сильное впечатление.

К.С.: Любил. Жданов на рояле играл, а этот на гармошке.

Л.Х.: И еще могу рассказать случай, — говорит Пронин. — Помню, как сейчас, в ноябре еще была бомбежка. Дневная бомбежка в Москве. Как раз мы находились в это время со Щербаковым в ЦК. И туда бомба попала. Стекла повыбивало, двери повыбивало, штукатурка обвалилась. Много раненых было там у нас, и даже убитый. Мы со Щербаковым выскочили и побежали в Кремль, потому что нашу машину разбило. Бежим мы с ним в Кремль по улице Куйбышева. Едет машина заместителя

министра заготовок Ершова. Мы ее остановили. Шофер не хотел везти. Тогда я говорю охране своей: давай выкидывай, мол, без шофера, сам доеду. Ну, тогда он согласился, довез нас до Спасской башни.

Прибегаем мы в Кремль. А бомбежка-то продолжается, стрельба идет. Шарах! Бомба в Кремль попала. А в это время шла колонна курсантов училища Верховного Совета, и человек пятьдесят их убило. А Щербакова контузило. Ну, мы из Кремля к себе в Моссовет позвонили. Машина за нами пришла. Только я приехал на командный пункт Моссовета, мне докладывают:

— От Сталина все время звонят. Сталин вас всюду ищет. Я скорей Сталину звоню, докладываю помощнику: мол, слушаю, чего нужно? «Сталин вам велит срочно приехать». Приезжаем мы со Щербаковым к Сталину. Сталин к нам бросился прямо. Говорит:

— Что с вами?

Мы говорим:

— Все в порядке, товарищ Сталин.

А вид у нас страшный. Мы все грязные, в извешке, в штукатурке — после бомбежки-то. А Щербаков ранен. Ну, Сталин говорит:

— Садитесь, ужинать будем.

И вот он с нами сидел весь вечер, кормил, поил и все время шутил. О войне не говорил, о делах не говорил. Понимал, что у нас травма душевная, и хотел нас как-то отвлечь. Шутил все время. Возьмет арбуз, посылит и даст — на, мол, ешь. Возьмешь арбуз, а он соленый. Душевный был человек.

Понимаете, какая вещь. Вот как сейчас интересно получается. Когда плохо, то Сталин виноват, а когда хорошо, то все это — партия и правительство. А Сталин ведь и был — партия и правительство. Разумеется, было у него черное пятно. Аресты. Только вот в тридцать седьмом году аресты большие были.

Л.Х.: *А после войны?*

— А что — после войны? Только вот «Ленинградское дело» и «дело врачей». Так ведь это же немножко народу арестовали, несколько человек посадили. А возьмите Хрущева. Было у них пять секретарей МК, а остался один — Хрущев. А ведь без подписи секретаря МК никого бы не сажали. Так что уж ему помалкивать надо.

Л.Х.: *Очень интересно рассказал он о Молотове, о выступлении Сталина на пленуме ЦК — уже после войны, по поводу Молотова.*

Сталин говорил: понимаете, какая странная вещь получается. Вот нас, членов Политбюро, 11 человек. Собираемся мы. Двери заперты. Разговариваем. О чем бы ни поговорили — завтра на Западе знают. Видимо, товарищ Молотов — очень разговорчивый человек. А известно ведь, что жена его связана с сионистами, а все, о чем мы говорим, становится известным на Западе. Поэтому я и считаю, что нужно вывести товарища Молотова из Политбюро. Хотя товарищ Молотов и заявил, что он разводится со своей женой, но мы ее выслали, а его — выведем.

Очень убедительно говорил.

Л.Х.: *Я говорю:*

— Ну как же? Вы же знаете, что ни с какими сионистами она не была связана.

— Ну, это я сейчас знаю, а тогда очень убедительно говорил.

К.С.: *Я был на этом заседании. Интересна его реакция.*

Л.Х.: *Молотова?*

К.С.: *Нет, интересна реакция Пронина, потому что я тоже был на этом заседании.*

Л.Х.: *Спросил я Пронина о том, каковы были результаты немецких бомбежек. Он назвал мне совершенно точные цифры, из которых следует — он и сам это говорит — что Москве был нанесен пустяковый ущерб. Ни одно промышленное предприятие не пострадало, ни один военный объект не пострадал. В Кремль попало четыре бомбы. В Георгиевский зал попала 250-килограммовая бомба, но не разорвалась.*

К.С.: *Чем он это объясняет?*

Л.Х.: *Он объясняет это, во-первых, достаточно хорошим уровнем нашей противоз-*

душной обороны и, во-вторых, слишком здорова Москва, чтобы бомбежки могли ей нанести серьезный ущерб. Потому что налеты были не массированные. Бомбежки носили чисто, так сказать, психологический характер.

История про 7-е ноября, про выступление Сталина на параде. Версия, которая нам всем известна, с записью его речи, она, оказывается, несколько иная. Выступление Сталина не должны были передавать по радио, боясь, что будет бомбежка. Но в последнюю минуту решили все-таки передавать.

— И я, — говорит Пронин, — позвонил на Центральный телеграф, откуда шла вся трансляция, и приказал начать передачу выступления Сталина. А мне там говорят: «Ничего не знаем, есть приказ — не передавать». А Сталин вот-вот начнет выступать. Я побежал, пока нашел Серова и Власика, чтобы они по телефону передали приказ транслировать выступление Сталина. Сталин уже начал выступать. И его не с самого начала начали передавать. Но так он еще не выступал никогда в жизни. С таким подъемом говорил, так душевно, что мы просто были поражены со Щербаковым. Я еще спросил у Щербакова: «Что он, коньячку что ли выпил?» А потом его — насчет съежек — Щербаков три дня уговаривал. Три дня его Щербаков уговаривал. А Сталин ему говорит: «Что я, артист, что ли?» Но уговорил все-таки Щербаков, через неделю его сняли. Так что это не Варламов уговорил Сталина, а Щербаков.

К.С.: *А что насчет Тухачевского?*

Л.Х.: *А насчет Тухачевского он сказал следующее.*

В вопросе о Тухачевском и прочих Сталин поручил разбираться Ворошилову и Буденному — этим «конногвардейцам», которые, конечно, Тухачевского не любили и которые, конечно, понимали, что тот выше их. И они виновны в том, что вынесли решение его расстрелять. В общем, он валит это все на Ворошилова и на Буденного.

Сталин: «Нас никто не слушает...»

*Разговор с председателем Комитета по делам искусств
Михаилом Борисовичем Храпченко*

В день, когда заключили пакт о ненападении, Риббентроп тут же уехал, Сталин был на каком-то спектакле, туда вызвали Храпченко как председателя Комитета по делам искусств. Он пришел в ложу, где были Сталин и Молотов. Молотов спросил: «Скажите, товарищ Храпченко, вы знаете уже, что мы заключили пакт с немцами?» — «Да, я слышал». — «Ну и как вы — за или против?» — спросил Молотов. Вид у него был очень довольный, чувствовалось, что он необыкновенно рад тому, что был заключен этот пакт.

Храпченко помедлил с ответом, и Сталин вдруг сказал, указывая Молотову на Храпченко: «Мы с ним против, но нас же никто не слушает». — Этой мрачноватой шуткой и кончился разговор.

Когда мы делились с Храпченко своими впечатлениями о Жданове и Щербакове, Храпченко сказал, что, по его мнению, Щербаков, с которым ему пришлось много общаться, был человек очень точный и исполнительный. Все, что говорил Сталин, он проводил немедленно в жизнь с огромной точностью, аккуратностью и с невозможной быстротой, но от себя ничего не добавлял, не усиливал и не перебарщивал. А Жданов, как выразился Храпченко, всегда очень старался. Сколько ему с ним приходилось сталкиваться, всегда было ощущение, что Жданов очень старается пойти еще на шаг вперед, сделать больше, чем ему поручено. От этого многим в разное время не поздоровилось, когда Жданов добавлял что-то от себя, сверх того, что было поручено ему Сталиным.

И еще Храпченко рассказывал, что однажды был какой-то ужин у Сталина, на который он тоже попал по своей должности, и, обходя по очереди всех, — вернее, не

обходя, а приветствуя всех сидевших за столом тостами, — Сталин дошел и до него. Он думал, что Сталин его пропустит, но он не пропустил его, а сказал: «Выпьем за Храпченко как за такового», и вдруг Берия подал реплику: «А вы знаете, товарищ Сталин, что вот мы тут говорим, а он записывает». Наступила долгая пауза, во время которой вполне можно было считать себя, после этой реплики, конченным человеком. Сталин помолчал, никак не отреагировал на эту фразу и повторил: «Выпьем за Храпченко, как за такового». И Храпченко почувствовал, что на этот раз беда прошла мимо.

Что касается истории с оперой «Великая дружба»¹, то вышедший с ней крупный скандал Храпченко объясняет тем, что Сталин, очевидно, воспринял эту оперу как попытку противопоставить ему Орджоникидзе. Хотя это нигде не было написано и сказано впрямую, но в этом заключалась вся суть дела. А Берия к этой сути дела подвел, постарался организовать так, чтобы Сталин попал на эту оперу, а может быть, провел еще какую-то подготовку на сей счет.

И еще одна подробность по поводу Булгакова. Когда к Храпченко приехал Москвин и привез ему пьесу Булгакова «Батум» о молодом Сталине, Храпченко пьеса эта понравилась, но и он, и Москвин, конечно, понимали, что без прямого разрешения Сталина пьесе нельзя принимать к постановке. Пьеса самому ему показалась романтической и сильной. Он послал ее с письмом к Сталину. Написал, что вот Булгаков создал пьесу, по которой МХАТ хочет поставить спектакль и на это испрашивается разрешение. Прошло буквально два или три дня, как вдруг раздался звонок от Жданова. Жданов вызвал Храпченко к себе и сказал ему: «Товарищ Сталин прочел пьесу и поручил вам сообщить, что пьесу следует запретить к постановке и печати».

Едва он это сказал, как раздался звонок. Жданов взял трубку. У телефона был Сталин. — «Да, товарищ Сталин. Да, он уже у меня. Да, товарищ Сталин».

Жданов повесил трубку и еще раз, в самой жесткой форме повторил это двойное запрещение. Храпченко высказал по этому поводу свои догадки. Вряд ли, считает он, пьеса сама по себе могла вызвать какое-то возмущение, резкий протест Сталина. Она ничего такого в себе, по-видимому, не заключала. Он мог, конечно, не дать ее ставить, сказать, что это не нужно, но реакция была иная, резкая и возмущенная. Единственное объяснение, которое приходит в голову Храпченко, что в период работы над этой пьесой у Булгакова были какие-то разговоры с кем-то из мхатовцев или из других близких ему людей, в которых именно в этот период он высказывал какие-то взгляды или соображения, не соответствовавшие той оценке, которую он давал Сталину в пьесе, входившие в противоречие с этой оценкой. Может быть, какая-то домашняя болтовня, разговоры, которые поспешили сообщить Сталину. И вот это противоречие между тем, что говорится о нем в кругу Булгакова, и тем, что написано о нем в пьесе, — вот это противоречие, очевидно, и привело Сталина в крайнее раздражение.

И, наконец, Храпченко сказал мне, что, по его мнению, Сталин весьма высоко ценил Эренбурга, считая его человеком, способным сделать то, что будет поручено им, Сталиным. При чтении «Люди, годы, жизнь» Храпченко показалось, что Эренбург эту сторону дела как-то оставил в тени. Между тем, когда вскоре после войны, Эренбург написал «Лев на площади» и встал вопрос о том, ставить или не ставить эту пьесу — она была задержана реперткомом. Эренбург пришел к Храпченко с просьбой решить вопрос о том, чтобы пьесу все-таки поставили. Храпченко сказал — к этому времени он прочел пьесу, — что он считает, что пьесу можно поставить, но ведь с людьми, которые возражают против нее, надо все-таки поговорить, и ему надо на это два-три дня. «Ну да, — сказал Эренбург, — может быть даже и больше. Вам нужно ее,

¹ Опера композитора Вано Мурадели «Великая дружба» (преьера состоялась в Большом театре 7 ноября 1947 года) была посвящена дружбе народов Советского Союза. Подверглась критике за формализм в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года (*прим. ред.*).

наверное, перепечатать на хорошей бумаге», — намекая на посылку пьесы наверх. Но в данном случае Храпченко, по его словам, не собирался посылать пьесу, посылать было некому, никто бы не решил. А Сталину посылать он не видел возможности. Ровно через два дня раздался звонок от Сталина, который сказал, что пьесу надо пустить. Оказывается, прежде чем идти к Храпченко, Эренбург послал пьесу Сталину, и тот прочел ее всего за два или три дня.

О Белове

Вдова командарма I-го ранга Белова — Александра Лаврентьевна Белова рассказала мне несколько подробностей, связанных с жизнью и гибелью мужа, на которые стоит обратить внимание.

В конце двадцатых годов Белов не то кончил, не то стажировался при Академии Генерального штаба в Берлине. А после этого несколько лет оставался там военным атташе. Это несомненно сыграло роль в его последующем аресте.

Сыграло роль — это уже мой личный домысел — и следующее обстоятельство, если оно действительно имело место. По рассказу Александры Лаврентьевны, в 31-м или в 32-м году, когда Белов стал военным атташе, а Гитлер еще только приходил к власти, он, ощущая всю ту опасность, которая связана с приходом Гитлера, и ту перемену всего политического баланса, который произойдет, если Гитлеру удастся захватить власть, написал Сталину, очевидно, в зашифрованном виде, что он берет на себя решить этот вопрос, убрав Гитлера, т.е. просто физически уничтожив его, и что он имеет к этому возможности.

Сталин на это не пошел, и, когда Белов то ли по этому поводу, то ли вообще по другому служебному поводу был вызван в Москву, Сталин сказал ему: «Что это у вас за предложения, что это за монархические замашки?» Так эта фраза звучит в передаче Александры Лаврентьевны. Допускаю, что Сталин сказал не «монархические замашки», а «эсеровские замашки» или, может быть, не «монархические замашки», а «анархистские замашки», это еще вероятнее.

Я задал Александре Лаврентьевне вопрос сложный и щекотливый, что ведь Белов был в группе людей, которые были трибуналом, судившим первую группу военных — Тухачевского и других, и которые впоследствии все, за исключением Буденного, погибли тоже. Она сказала, что, насколько она помнит из разговоров с Беловым, который вообще мало говорил с ней об этом, процесс велся в крайне быстром темпе. Все это заняло буквально несколько дней.

Проводивший процесс Вышинский страшно торопил всех, кто в нем участвовал в качестве членов трибунала.

По ее словам, после процесса на ее вопрос о том, в чем виноват Тухачевский и другие, он бросил ей странную фразу: «В том, в чем они виноваты, я тоже виноват», или «так же виноват, как они».

Вскоре Белов был снят с Московского военного округа и переведен в Белоруссию. Тучи над ним сгущались. Они были старые друзья с Ворошиловым, и он любил Ворошилова. Однажды Ворошилов вызвал его к себе в Москву, он был у него дома, и Ворошилов стал прошупывать Белова, не скажет ли он чего-нибудь о нем, Ворошилове, если подойдет тугая. Видимо, Ворошилов считался с такой возможностью в отношении самого себя. А Белов его очень хорошо знал и мог многое о нем рассказать. Когда Ворошилов прямо спросил его: «Слушай, если будут обо мне спрашивать, что-нибудь скажешь на меня?», на это Белов ответил: «Лучше я мышью проглочу, но не скажу».

Эта фраза имела свой смысл, потому, что Белов, вообще человек очень сильный физически, громадного роста, могучий, истерически боялся мышей. Эта фраза свидетельствует о его высшей готовности заслонить грудью Ворошилова, если понадобится.

Когда Белов был в Белорусском военном округе, стали одного за другим сажать

его людей. Петля стягивалась все туже. Наконец его вызвали в Москву, вызвали с решением арестовать. И в общем он это чувствовал. Он приехал в Москву, но его сразу не арестовали, он поехал в «Метрополь», остановился там и с горя напился. Это было поздно вечером.

Этой же ночью за ним приехали и отвезли его на Лубянку, в кабинет к Ежову. Как только его привезли или уже к этому времени, туда в кабинет явились Сталин и Ворошилов.

Насколько я понял из рассказа Александры Лаврентьевны, Белов, когда его привезли туда, к Ежову, еще не протрезвел, был пьян. Сталин обрушился на него с криком: «Белов! Ты мне веришь?» — «Да, верю, товарищ Сталин». — «Ах, ты мерзавец! Смеешь говорить, что веришь мне, что идешь за мной, а хотел меня убить. Почему ты хотел меня убить?» На этом кончился разговор.

Мое примечание: это первый случай, когда я из чьего-то разговора услышал о том, что Сталин с кем-то пошел на очную ставку, с кем-то из обвиненных лично увиделся. Если все рассказанное соответствует действительности, то, очевидно, это свидание Сталина с Беловым в кабинете, когда, очевидно, все в голове у Сталина было предрешиено, было результатом ходатайства Ворошилова. Иначе я себе не представляю.

А теперь еще одно мое примечание. Мне кажется, что обвинение Белова в том, что он хотел убить Сталина, могло быть странным рикошетом от предложения убить Гитлера, сделанного Беловым за пять или шесть лет до этого. Особенно учитывая, что перед тем, как его отправили в Белоруссию, он какое-то время был командующим Московским военным округом и имел относительно большие возможности доступа к Сталину, чем другие военные.

Вскоре арестовали и Александру Лаврентьевну. Она была на 15 лет моложе Белова, и у них было трое маленьких детей в возрасте что-то два, три и четыре года. Она происходила из рабочей семьи, с Путиловского завода. Отец ее, старый путиловец, нес ответ перед партийным собранием. Выступая у себя на заводе, давая объяснение, как это он выдал дочь за врага народа, он сказал: «Я не верю, что Белов оказался врагом народа, он хороший человек, коммунист, это ошибка какая-нибудь». Тогда его стали снова обвинять в том, что он продал дочь врагу народа и так далее, и потребовали отказаться от своих слов. Он не отказался, его исключили и потребовали у него партбилет. Он партбилет вынул и, отдавая, сказал: «Ну, если у простого рабочего за то, что он высказал то, что у него было на душе, вы отбираете партбилет, — отбирайте, что с вами сделаешь».

Арестовать его не арестовали, он остался работать на заводе и умер там же, на заводе во время блокады Ленинграда.

Следователь, который допрашивал Александру Лаврентьевну, не разрешил ей, несмотря на все ее просьбы, увидеться с детьми. Она его просила, умоляла, говорила о том, что дети маленькие, но он отвечал: «Нет, нет, нет». И она была переполнена ненавистью к нему, ей это казалось пределом бесчеловечности. Но когда в очередной раз ее повели к нему на допрос, то пока за ней ходили во внутреннюю тюрьму, все перевернулось, и, когда ее подводили к дверям, его вывели из этих дверей — без ремня, с сорванными знаками различия и под конвоем. Следователь сам был арестован.

Остановившись на теме о том, как происходила, если можно ее так назвать, смена кадров в самом НКВД, она рассказала, очевидно, с чьих-то слов: когда уже Ежов пошатнулся, а Берия был назначен его заместителем, Берия требовал, чтобы каждый документ, который выходит из наркомата, шел через него, чтобы он был осведомлен о каждом документе, даже о тех, которые были подписаны наркомом. Вот здесь работники почувствовали, что над Ежовым сгущаются тучи. А потом, когда он был снят, однажды тот человек, который рассказывал это Александре Лаврентьевне, присутствовал при следующей сцене. Уже Берия был наркомом. Ежов, арестованный, растерзанный, без ремня, находился в его кабинете, и в его присутствии Берия из одиночек внутренней тюрьмы вызывал одного за другим людей и делал им очную

ставку с Ежовым, требовал от него документов, протоколов, письменных распоряжений, на основании которых были арестованы эти люди.

Таких протоколов, документов и распоряжений не было или они были уничтожены, и, видимо, Берия это знал заранее. В общем, это, видимо, разыгрывалась комедия обвинения Ежова в самоуправстве, в том, что то, что он делал, он делал по собственной инициативе.

Вы всегда будете вместе...

*Два эпизода, рассказанные Евгенией Владимировной Серебровской —
вдовой Александра Павловича Серебровского, заместителя Орджоникидзе*

Незадолго перед арестом ее мужа они были как-то в Кремле, навещали вдову Орджоникидзе. Возвращались поздно ночью. Вдруг сзади голос:

— Здравствуйте.

Повернулись. Гуляющий Сталин. Сталин говорит:

— Счастье ваше, что узнал вас все-таки. А то вы так нежно обнявшись шли, что я мог бы подумать, что ваш муж с какой-нибудь девушкой идет, и было бы недоразумение.

Я ответила на это:

— Иосиф Виссарионович, муж с девушкой мог встретиться где угодно, но только не в Кремле. Сюда вы пускаете только по пропускам и только с женами, так что здесь это исключено.

Он в ответ посмеялся. Посмеялся, а потом сказал:

— Ну, что касается вас, Серебровская, это я пошутил. Что касается вас, вы всегда с ним будете вместе, даже на луне...

Тогда мне этот разговор понравился, а потом он уже вспоминался по-другому, когда сначала Серебровский, а потом и я оказались в тюрьме.

* * *

Ровно за 10 дней до ареста мужа — он лежал в это время в Кремлевке с резекцией ребра — ко мне на квартиру на улице Грановского, позвонил Сталин:

— Здравствуйте. Что вы такая печальная? Говорят, что вы печальная.

Я на это ответила: конечно, я печальная, потому что, вы же знаете, Иосиф Виссарионович, что муж мой, Александр Павлович, на операции.

— Нет, — говорит он, — вы такая печальная, что можно подумать хуже.

Я ничего на это не ответила ему.

— Говорят, вы пешком ходите? Где машина ваша?

Я ответила, что наша машина на ремонте, а мне особенно-то и ходить некуда. Кремлевка напротив.

— Завтра пришлю вам машину, чтобы пешком не ходили, чтобы не создавалось впечатление, что что-то случилось.

На этом мы расстались. А через десять дней после операции мужа с высокой температурой взяли прямо из Кремлевки в тюрьму.

<Продиктовано 10 сентября 1968 года>

Рассказ посла в ФРГ

Во время пребывания в Германии наш посол в ФРГ Смирнов рассказывал мне о своих встречах со Сталиным. Среди этих рассказов было несколько интересных деталей.

Ему после другой работы было поручено ехать в Иран, тут он впервые встретился со Сталиным и в разговоре повторял «Да, Иосиф Виссарионович. Я согласен, Иосиф

Виссарионович. Я прошу вас, Иосиф Виссарионович» и так далее. В какой-то момент ему показалось, что он что-то сказал не так. И хотя, перебирая в памяти, что он говорил — у него было ощущение, что он говорил именно так, но не то выражение лица, не то какое-то движение подсказало ему, что все-таки он что-то говорил не так. А это было в присутствии Молотова, и, когда они с Молотовым вышли, Молотов ему сказал: «Товарищ Смирнов, вы не обращайтесь так к товарищу Сталину — Иосиф Виссарионович. Мы все его называем — товарищ Сталин, мы его не называем — Иосиф Виссарионович».

И тут Смирнов понял, что именно было не так в их разговоре: Сталин не любил, когда его называли Иосиф Виссарионович.

Потом Смирнов был в Австрии, назначен туда политическим советником. И вот дело обстояло так, что наши войска уже заняли Вену, и в сущности вся власть там была в наших руках. Его вызвали в Москву, он докладывал об обстановке и потом сказал, что, по его мнению, можно бы и не пускать в Вену контрольный совет, что вся власть в наших руках, и мы можем вполне не делать этого и не делить Австрию на зоны. Сталин помолчал, посмотрел на него, а потом сказал: — «Смотри, какой мудрец нашелся. Нет, мы будем делить на зоны. Будем устанавливать контрольный совет. Надо подумать о будущем, о тех зонах, которые они займут раньше нас в Германии. Надо показать пример в выполнении союзнических обязательств. То, что вы предлагаете, не так уж мудро».

Рассказ писателя Шелеста

Георгий Иванович Шелест рассказывал мне о событиях сорок второго года. Он уже к этому времени четыре или пять лет находился в лагерях, работал в строительной бригаде. Их отправили в какой-то из районов Колымы достраивать, дооборудовать новый лагерь. Это было не то летом, не то осенью. Во всяком случае, когда они достроили лагерь, вдруг туда прибыла громадная партия заключенных. Причем прибыли они странно, в небывалом виде: во всем своем, гражданском, довольно еще не обтрепанном, не тюремном, некоторые в плащах, с орденами, партийными билетами, со всеми документами. Это были немцы Поволжья. Главным образом, немецкий партийный и советский актив.

Как выяснилось, Берия, по указанию Сталина, провел следующую операцию. Был объявлен добровольный набор в национальную дивизию немцев Поволжья, и все, кто записался, были собраны. Главным образом — коммунисты, советский актив, секретари райкомов, члены бюро райкомов, не призванные в армию командиры запаса, начальники и работники районных НКВД и так далее, и так далее. И вот всех этих людей погрузили в эшелоны и заявили им, что их везут в один из сибирских районов для формирования дивизии. А вместо этого, разобшив поэшелонно, разослали по разным лагерям. Изобразив дело так, что люди эти откликнулись на призыв сформировать дивизию в целях дальнейшего перехода к немцам.

Они приехали в ужасном состоянии, были очень тяжелые разговоры. Люди вырывали и бросали ордена, не знали, как быть с партийными билетами, и говорили — что ж теперь остается делать? Умереть? Вообще это было, как говорил мне Шелест, самое дикое и страшное воспоминание о его жизни в лагерях, хотя он видел достаточно страшного и без этого.

Из записей о Сталине

Мне лично что-то так и не верится в растерянность Сталина, о которой говорят, вспоминая первые дни войны. Все-таки в моих глазах, в моем ощущении — это не растерянность, а потрясение. Во всяком случае, я бы так назвал это состояние. Состояние потрясенности, может быть, шока. Во всяком случае, когда Сталин вышел

из этого шока через несколько дней после начала войны, то перед ним предстала действительность страшная, ужасающая, никак не соответствовавшая всем его прежним представлениям. Не соответствовавшая не только потому, что он не предвидел такого начала войны и до последнего момента считал, что ему удастся дипломатическими маневрами отодвинуть это начало, но и потому, что он не предвидел тех последствий, которые вызовет это неожиданное начало войны. Он не предвидел ни глубины немецкого вторжения, ни его силы, ни меры наших поражений, ни меры растерянности многих людей, ни меры территориальных и людских потерь, понесенных в первые же дни войны.

Надо полагать, что в эти дни его собственное душевное состояние было ужасно, и он испытывал чувство ответственности за все происшедшее и понимал масштабы этой ответственности. Он был вообще человек с очень обостренным чувством масштаба.

Какие же выходы были у него из создавшегося положения? Надо рассматривать две возможности по отношению к самой войне — продолжение войны, начавшейся столь ужасно и в столь невыгодных для нас условиях и с такими поражениями, или попытка заключить мир, на самых тяжелых, но все же на каких-то условиях. Мир, который был бы передышкой, который позволил бы впоследствии, при изменении обстановки на западе, как-то собраться с силами и в более выгодной ситуации продолжить войну.

Сначала такая мысль, когда она приходит в голову, кажется и неожиданной и не сочетаемой с личностью Сталина. Однако это неверно. В такой обстановке не могло не приходиться мысли о мире на каких-то, пусть тягостных, условиях как об одном из возможных выходов из положения.

В политике, в политическом деятеле твердость означает твердость проведения какого-то плана, который проводится с твердостью и последовательностью. Если этот план связан с заключением похабного мира, то само заключение этого похабного мира может быть проявлением твердости, как это было во времена Брестского мира. Призывы к революционной войне, несмотря на их внешнюю храбрость и даже отчаянность, были признаком слабости, политической слабости, отсутствия твердого плана, которого сторонники продолжения революционной войны не имели.

Поэтому для меня лично мысль о том, что Сталину мог придти в голову и вариант заключения мира ради получения передышки, ради спасения того, что осталось, вообще не кажется странной, вполне сочетается с моими представлениями о нем как о политическом деятеле.

В конце-то концов, если быть справедливыми и отрешиться от привходящих эмоций, то пакт тридцать девятого года, пакт не очень нас украсивший, создавший массу идеологических сложностей в коммунистическом движении, был заключен как некое временное перемирие, дававшее возможность нашей стране собраться с силами для последующей борьбы с фашизмом. Если это не так, то тогда этому пакту нет и не может быть оправдания. Но это, видимо, так, что-нибудь иное предположить трудно. Политические обстоятельства, в которых был заключен этот пакт, были достаточно безвыходными или казались такими.

Ну, а ситуация в начале войны была во много раз безвыходней или могла казаться во много раз безвыходней. Так что аналогия вполне закономерна.

Я допускаю в мыслях, что в этом направлении мог быть произведен и какой-то зондаж. Я даже слышал об этом, хотя, как говорят, слухи ничего не стоят, если они не подтверждены абсолютно достоверными документами.

* * *

На процессе Берия выяснилось следующее неожиданное обстоятельство: один полковник, видимо, арестованный, но на этот процесс вызванный в качестве свидетеля, — полковник органов — сообщил, что через несколько дней после начала войны

он был вызван к Берия и тот ему передал задание, которое сам получил в свою очередь от Сталина: связаться с болгарским послом как с посредником и через него выяснить у немцев, на каких условиях готовы они остановить войну, согласиться на перемирие, впоследствии — на мир. По словам Берия, который в свою очередь передавал слова Сталина, среди прочих условий мы готовы были им уступить Прибалтику, Белоруссию по Минск и Украину по Днепр, то есть всю правобережную Украину.

Полковник обратился с этим к болгарскому послу, но тот отказался принять это поручение.

Когда эти показания были даны, в связи с ними был допрошен Берия. Берия показал, что действительно давал такое задание этому полковнику, и это было не его задание, а задание Сталина, что он был у Сталина, который в это время находился вместе с Молотовым, и в присутствии Молотова дал ему именно такое поручение. Насколько я понял, впоследствии это поручение не повторялось.

В ходе следствия пришла мысль проверить это. Решено было выяснить, где находится болгарин, который был тогда послом у нас. Если возможно — вызвать его в Москву. Связались с болгарями. Оказалось, что этот человек жив, но болен, приехать в Москву не может, однако он прислал вместо себя подробное письмо, в котором подтверждал, что этот полковник являлся к нему с таким поручением, сказал, что это поручение идет от Сталина, и что он, болгарский посол, ответил ему, что он отказывается быть посредником в этих переговорах с немцами, он просил передать Сталину, что не надо этого делать, не надо уступать этого немцам что Россию победить невозможно...

Таково было содержание письма бывшего болгарского посла. Перед людьми, проводившими следствие, возникла трудность, как выяснить, насколько это предложение в действительности исходило от Сталина, потому что вполне мог быть и такой вариант, что Берия, с его авантюристическими замашками, хотел этот зондаж произвести на собственный риск, а потом, если сложатся соответствующие обстоятельства, доложить Сталину как свою победу. То есть он мог говорить это от имени Сталина, не имея на то его указаний.

Сложность заключалась в том, что, по словам Берия, этот разговор втроем происходил в присутствии Молотова. Значит, нужно было допрашивать на эту тему Молотова. И, по тогдашним обстоятельствам, на это не пошли. Вопрос так и остался неясным.

Это я уже говорю от себя, размышляя над тем, что вероятнее: что это был собственный зондаж Берия или это был действительно зондаж Сталина в те первые дни, когда он пребывал в растерянности, что подтверждают с разных сторон разные лица. Я лично склоняюсь к тому, что это могло быть, что в этот период Сталин вполне мог поручить произвести такой зондаж. И мог даже искать для себя исторические оправдания в аналогии с позицией Ленина в восемнадцатом году, в период переговоров о Брестском мире.

* * *

Но так или иначе эта возможность, видимо, была отвергнута. И отвергнута довольно быстро. Оставалось воевать. Воевать в самых невыгодных, какие только можно представить себе, условиях с самым сильным, какого только можно представить себе, противником.

Перед лицом этой необходимости стоял Сталин, человек, который нес главную военную и политическую ответственность за неудачное начало войны, который создавал эту ответственность и в конечном итоге пронес это сознание через всю войну. И даже счел своим долгом после победы, произнося тост за великий русский народ, во-первых, напомнить о том, что страна переживала во время войны моменты отчаянного положения, и, во-вторых, сказать о том, что другой народ мог бы после первых поражений сказать правительству: «Уходите, пусть другие придут на ваше место. Вы не справились с тем, что вам было поручено». Примерно смысл таков.

Причем сказал это Сталин ни в коей мере не вынужденно. Он сказал это на гребне победы, на гребне своей популярности. То был июнь сорок пятого года. Ни до, ни после, никогда не стоял так высоко его авторитет, как именно в тот момент, сразу после окончания войны.

Еще не была сброшена атомная бомба на Хиросиму, которая сказала нам о превосходстве американского вооружения, о том, что у американцев есть нечто, чего нет у нас и что уравнивает наши силы и даже, в какой-то мере, обесценивает наши усилия. Этого еще не было, это был самый гребень победы. И вот на этом гребне Сталин сказал об ответственности правительства, т.е. о своей, таким образом, ответственности, потому что в его устах это ни в какой мере не звучало переваливанием ответственности на чьи-то чужие плечи. Он говорил о себе прежде всего.

В связи с этим очень кстати вспоминается, как в сорок восьмом году, когда я говорил с ним по телефону и когда он изложил по телефону свои предложения в связи с моей пьесой «Чужая тень», как бы надо было ее закончить, он сказал тогда, что: «Ну надо, чтобы какой-то ваш герой обратился в правительство, и правительство решило бы так-то и так-то...» Была фразеология, вполне соответствующая его ходу мысли, он имел в виду себя, а говорил — правительство.

Так он говорил и в своей речи, в своем тосте о великом русском народе; приносил благодарность этому народу в тот момент, когда все готовы были благодарить его за так удачно и победоносно завершенную войну. И именно в этот момент это произвело на всех нас особенно большое, даже огромное впечатление.

Сталин вообще редко повторялся, и он больше не повторял ничего похожего. Когда он это сказал, этим как бы был завершен этап истории. Он как бы считал, что невозможно закончить этот этап, закрыть его, не сказав то, что он считал нужным сказать по этому поводу. А это он считал необходимым сказать — о своем чувстве ответственности. Он считал, что после катастрофы сорок первого года народ был вправе не доверить ему дальнейшего. Но народ ему доверил. За это он благодарил народ.

Так ли это было в его самоощущении, во всяком случае, в том, как он об этом говорил, было так.

* * *

Теперь, если вернуться в сорок первый год, то рассмотрим реальную ситуацию. Итак, на нем лежит огромная ответственность за миллионы жертв, за неудачное начало войны, за все, что с этим связано и будет связано на всем протяжении войны. Какие два выхода у него есть? Или уйти от власти, или остаться у власти — что-нибудь среднее предположить трудно. И не такое время было, чтобы с кем-то делить власть, и не такой он человек был, чтобы с кем-то ее делить.

Итак, первое — уйти от власти, кончить жизнь политическим или физическим самоубийством, или и тем, и другим вместе. Я не верю в то, что этот человек не был лично храбрым или что он мог бояться смерти больше, чем какие-то другие люди, попавшие в его положение. Меня не разубеждают в этом и все те меры по своей охране, доходящие до патологии, которые предпринимал он в последние годы жизни. И это была патология — в этом присутствовало стремление сохранить жизнь товарища Сталина, не свою жизнь, а жизнь третьего лица, человека, который руководит страной и является вождем трудящихся всего мира, такого, без которого все пропадет и погибнет. Вот причина, лежащая в основе этой патологии.

Итак, Сталин бы нашел в себе решимость покончить жизнь самоубийством, приняв на себя ответственность за начало войны. Если бы он такое решение принял — это решение значило бы, что он уйдет, что на его место придет кто-то другой, — в той обстановке, судя по всему, Молотов. А что за этим последовало бы — остается только догадываться. Что бы мы потом ни узнали о Сталине, как бы ни переменилось наше отношение к нему за эти десятилетия, но если вернуться к тому периоду, к тому месту в жизни страны и нашей духовной жизни, которое он занимал тогда, надо признать, что его уход от власти, тем более самоубийство, да в конце

концов его отставка, навряд ли усилили бы наши позиции, национальные, государственные, военные, в борьбе с наступавшей германской армией. Наоборот, думается, это произвело бы самое тягчайшее впечатление и способствовало бы разложению фронта и разложению власти.

Это настолько очевидно, что, если мысленно представить себе такую возможность в то время, я убежден, что люди, причастные к власти и озабоченные тем, чтобы эта власть сохранилась и чтобы продолжалось сопротивление немецкому нашествию, эти люди сочли бы необходимым скрыть факт отставки или факт самоубийства Сталина. Они бы изобразили это как неожиданную смерть и были бы и с государственной, и с политической точки зрения правы.

Но Сталин выбрал второе — он остался у руководства страной, очевидно, отторгаясь от соображений личных, приняв только соображения государственные или военные, сделав выбор правильный. Так он и должен был поступить, исходя из интересов войны.

* * *

Но раз он остался у руководства страной, а страну постигла такая огромная неудача в начале войны, такие поражения, то он — и это, с его точки зрения, логично — не считал возможным брать ответственность за эти поражения на себя, человека, которому предстояло и дальше руководить войной и которому предстояло не разрушать, а укреплять свой авторитет, и так в какой-то мере подорванный началом войны. Следовательно, он сделал ответственными за неудачное начало войны других людей, в первую очередь — командование Западного фронта, наиболее неудачно действовавшего и подвергшегося самому сильному удару немцев.

С точки зрения военной этики, военной чести и т.д. и т.п. разумеется, Павлов и Климовских, командующий, начальник штаба фронта, да и ряд других генералов, особенно неудачно действовавших в начале войны, имели не меньшие моральные основания пустить себе пулю в лоб, чем Самсонов, потерпевший так называемую августовскую катастрофу в Восточной Пруссии в 1914 году, катастрофу, которая не шла по масштабам ни в какое сравнение с теми катастрофами, которые пришлось пережить нам на Западном фронте.

Вопрос о том, нес ли, скажем, Павлов ответственность за поражение, понесенное Западным фронтом, ясен — нес. Потребовать с него ответственности можно было — тоже ясно, как и с целого ряда других людей. Другой вопрос: нравственно ли было называть их предателями, зная, что они не предатели, а просто потерпевшие поражение и не лучшим образом справившиеся со своими обязанностями генералы. Но Сталин этим пренебрег. Масштабы поражений, масштабы неудач требовали, с его точки зрения, общепонятных и крайних в этой общепонятности формулировок — не просто неудачные или слабые действия, а — измена, предательство, трусость. Такие формулировки и были даны, и по этим формулировкам и было расстреляно несколько человек на Западном фронте, с публикацией этого в печати и в приказах.

Интересно — об этом я подумал уже сейчас, перечитывая приказы того времени, — что Сталин взял: командующего фронтом, начальника штаба, одного командарма, одного или двух командиров корпусов и двух или трех командиров дивизий — всего семь или восемь человек. Они были как бы выборные из большого количества людей разных рангов, разных званий. Люди, с которыми можно, по сути, поделить те же самые обвинения в тот момент. Выбраны не расширительно, все это было сосредоточено на одном фронте, не затрагивало другие фронты.

Думается, что в этом проявился элемент трезвого расчета, и в этом была своя логика.

В последующие два месяца войны пострадало большое количество авиационных генералов, в том числе людей, отличившихся в Испании. Почему именно они? Думается, это было связано с тем особенно ясно выявившимся неблагополучием

именно в авиации, которое, прежде всего, бросилось в глаза в первые дни войны. В этой области меньше всего ожидали того, что произошло.

Я допускаю, что здесь чаще выдавали желаемое за действительное, больше ввали в докладах, меньше всего докладывали истинное положение вещей. Приверженность Сталина авиации особое внимание его к ней вплоть до наименования летчиков сталинскими соколами — все это было очень хорошо, пока все было неплохо. А вот когда стало плохо, когда именно авиация оказалась в самом неблагоприятном положении по сравнению со всеми другими родами войск и это определило целый ряд наших поражений, в том числе поражение наших танковых войск в начале войны — вот все это и обрушилось на головы авиаторов. Но это уже более частный вопрос. Вернусь к более существенному.

Наиболее тяжелое поражение, которое мы понесли в сорок первом году — это Киевское окружение. За то, что там произошло, никто из людей, отвечавших за это, под трибунал не пошел. Дальше — Вяземская катастрофа Западного и Резервного фронтов. И оба командующих фронтами, и оба начальника штаба фронта тоже не были призваны Сталиным за это к ответу.

Сорок второй год — Керченская катастрофа. Командующий фронтом понижен в звании, представитель Ставки понижен в звании, но опять-таки никто не пошел под трибунал.

Харьковская катастрофа — те, кто нес ответственность за случившееся, тоже не понесли наказания.

Наконец, весна сорок третьего года, последняя наша крупная неудача — оставление Харькова и отступление на сто двадцать километров фронта, которым командовал Голиков. Тоже дело обошлось снятием командующего фронтом.

Итак, несправедливо было бы говорить, что Сталин всю ответственность стремился и в дальнейшем возложить на тех или иных генералов, по объективным или субъективным причинам провалившихся те или иные операции или понесших крупные поражения, находясь во главе вверенных им войск.

И мне думается, что всему этому существуют, по крайней мере, два объяснения, связанных друг с другом. Первое — это политическая трезвость и понимание, что воевать — сколько бы ни пришлось воевать — придется с теми людьми, которые есть, других взять неоткуда, других может выдвинуть только сама война. И швыряться людьми, хоть на что-то годными, хоть в той или иной мере, большей или меньшей, но полезными, нельзя.

Мера неподготовленности к войне, мера недостатков всякого рода в сорок первом — сорок втором году по линии вооружений, снаряжения, боеприпасов и т.д. были хорошо известны Сталину, и, видимо, он учитывал это, подводя итоги тем или другим неудачам и поражениям и соотнося эти поражения с мерой ответственности людей, перед которыми были поставлены задачи, в той или иной мере невыполнимые или не до конца выполнимые.

Само положение, сложившееся в результате нападения немцев, в результате катастрофы первого периода войны, снимало с людей, командовавших армиями и фронтами, часть ответственности за последующие поражения. Видимо, так это было и в глазах Сталина.

Второе объяснение, связанное с первым, — собственная ответственность Сталина, о которой он считал нужным сказать в конце войны, которую он чувствовал, и принимал во внимание при оценках действий подчиненных ему как главнокомандующему генералов. Он понимал, что в каждой неудаче или не полной удаче, за которую несут ответственность они, лежит и часть его собственной ответственности. Оставив себя у власти, не покарвав самого себя за ту гигантскую неудачу, которой оказалось начало войны, Сталин, видимо, удерживал себя от того, чтобы карать людей за несравнимо меньшие неудачи, первоосновой которых была та неудача, за которую несут ответственность он сам. Та, главная, основная и первая.

Допускаю, что он возвращался в своих мыслях и к разгрому военных кадров

в 37—38 году. Он знал общие цифры несомненно. Он просто фактически помнил, кого была лишена армия. Кроме того, те люди, которые вернулись, — а их было около трети, он это тоже знал — воевали так, что это могло лишь подчеркнуть неоправданность репрессий 37—38 года.

* * *

Говорили, верней, не говорили, молчаливо думали — он знал, что так думают, что без них, без тех — не справиться на войне. Ничего, справились. Незаменимых людей нет.

Он понимал эту фразу в своем, в совершенно определенном и жестоком смысле. Говоря ее или мысленно возвращаясь к ней, он не думал ни о старости, ни о смерти кого-то; он думал о снятии или замене. То, что было в тридцать седьмом — было формой замены, только и всего. Ждать старости этих людей не приходилось, об их пенсиях не думал он, да и они сами не думали о своих пенсиях. Ждать их старости не приходилось хотя бы потому, что он был старше большинства из них, некоторых намного старше — на пятнадцать лет.

Он не любил обид и не любил обиженных. Людей лучше уничтожать, чем обижать. Начатое надо доделывать до конца. А те, что выпущены — не первые, не первостатейные, не те, что могли бы претендовать на большее, на самое большое, этих в живых не осталось, а другие, выпущенные второй категории и третьей, — они хорошо воюют. Да, хорошо. Он, впрочем, другого и не ожидал.

Но он не дал, не позволил им считать себя обиженными. Он не допустил и намека на создание атмосферы, в которой они могли бы считать себя обиженными вообще и тем более им персонально. Они были не обиженные, а прощенные, благодетельствованные, поправленные. И поправил дело он. Другие испортили, а он поправил. Он внял их обращениям; они почти все писали ему. Они не знали о других, что писали ему все, но о себе они знали: писал и считал, что именно это помогло. Хотя помогло не это, во всяком случае, в большинстве случаев, не это.

* * *

Если Сталин ни в какой форме не нашел нужным возвращаться к этому вопросу, то, как свидетельствуют воспоминания некоторых людей, его отношение к Рокоссовскому, к Мерецкову и к ряду других людей, в то или иное время оказавшихся в положении Рокоссовского, было подчеркнуто внимательным, с подчеркнутым выражением доверия.

Думаю, что и эта деталь связана с тем чувством ответственности, о котором я уже говорил.

О Мехлисе и Запорожце

В отношении к Мехлису Сталин проявлял своего рода нравственное двурушничество. Это интересная психологическая черта. С одной стороны, он знал цену Мехлису, в чем-то не любил его и высмеивал. С этим связано множество фактов, приведенных мне разными людьми. А с другой стороны, он не давал его до конца обиду. И даже после керченской катастрофы все-таки Мехлис не получил сполна то, чего заслуживал по общему мнению.

После Финской войны, где он тоже неудачно действовал в качестве члена Военного совета армии, кроме того, вообще неудачно высказывался на Военном совете, тем не менее он при довольно уничижительной оценке, которую Сталин ему тогда дал, пошел на Госконтроль, то есть был убран из армии. Но как только началась война, решительный момент, опасный момент, — Сталин назначил его немедленно начальником Политуправления армии взамен Запорожца. Назначил, очевидно, как

абсолютно преданного себе человека, который, по его мнению, в критический момент мог увидеть измену и доложить о ней, и принять против нее меры, находясь на этом посту.

Чем-либо иным трудно объяснить назначение Мехлиса на этот пост в начале войны.

Что касается Запорожца, то я сейчас прочел в Архивном управлении две резчайшие докладные записки Запорожца Сталину, непосредственно Сталину, кажется, в конце мая — в начале июня 41-го года: одна о неготовности новых укрепленных районов на территории Западной Украины, а другая записка о неготовности аэродромов к войне. В обеих записках указываются катастрофические факты, сводившиеся к тому, что, например, зенитные полки наши могут в полную силу стрелять только через три дня после начала войны, после того как в них явится приписной состав. Если начнется война, то в первый момент они могут стрелять только вполсилы, что аэродромы абсолютно не готовы ко взлету истребителей, что в укрепленных районах потребуется время для того, чтобы их привести в боевую готовность, что они тоже не укомплектованы воинскими частями, что нет амбразур и так далее и так далее. Целый ряд вопиющих фактов.

Эти две докладные записки наводят на мысль, что может быть и снятие Запорожца с этой должности в первые дни войны было связано с неприятными воспоминаниями об этих записках и, возможно, с ощущением, что надо убрать из Политуправления, с главного поста в нем человека, который предупреждал и теперь может ссылаться на то, что он предупреждал, и которого не послушались.

В облик Запорожца для меня это вносит совершенно новые черты. Я не представлял себе этого человека способным на такие акты, как эти записки, на которых можно было сломить голову в два счета.

Остается выяснить, собственная ли это была инициатива или подсказка. Допускаю, что Кирпоноса, допускаю, что и Хрущева, а может быть, и кого-то другого, из непосредственно военных, с которыми он имел дело там, в Киевском военном округе, но факт того, что этот человек так или иначе — кто бы его ни подготовил и кто бы его ни подтолкнул на эти записки — подписал их и направил Сталину, говорит о проявленном им в тот момент и в той атмосфере незаурядном мужестве, когда безопасным было делать вид, что все хорошо.

Да, комвойска кое-что доносили Сталину перед войной, но если он и не слушал их, то надо взять и вторую сторону дела: доносят, а сами ничего не делают, палец о палец не ударяют. Ну, кто им мешал привести войска хотя бы в относительную боевую готовность? Кто бы с них за это спросил? А в основе всего этого лежат кадры. Незнание, непонимание кадров. И конечно, то, что из пяти командующих фронтами, трех командующих направлениями, которые были в начале войны, ни один не остался к концу войны на должности командующего фронтом — это не случайность. Это свидетельство того, что кадры перед войной были продуманы и подобраны неправильно.

О странах народной демократии

Когда я думал о тех послевоенных процессах, которые проходили в Польше, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, о процессах Паукера, Костова, Сланского, Райха, которые потом все оказались фальсифицированными и за которые задним числом возлагается и не может не возлагаться ответственность на Георгиу-Дежа, на Димитрова и Червенкова, на Готвальда и Ракоши, — я думал о том, почему Сталин толкал к этим процессам, и уж если не толкал, хотя, наверное, можно будет доказать, что толкал, — почему одобрял их и разрешал, ибо если бы не одобрял и не разрешал, их бы не было.

И рождается мысль, что это происходило, помимо других причин, еще и потому,

что он хотел крепче держать в руках людей, руководивших этими странами и партиями, хотел туже привязать их к себе и к своему собственному образу действий.

Хотел, чтобы у них за спиной осталось то же самое, что осталось за спиной у него. Чтобы они не были чисты, чтобы они были скомпрометированы тем, что произошло, и тем самым надежнее привязаны к нему, к его воле, к его политике, не могли бы пытаться вести независимую политику. Чтобы помнили, что ему есть о чем напомнить, если они будут делать не то, что он считает нужным.

При этом, насколько я понимаю, он оставлял для себя и запасные ходы: запросы, настояния, чтобы лучше разобрались: «Посмотрите, так ли это?.. Ах, так? Вы уверены в этом? Ну, действуйте тогда».

И это уже второй ход, для того чтобы самому не оказаться привязанным к людям, которых он накрепко прикрутил к себе. Как в театре — запасный выход.

Октябрь 1968 года

Из записей, сделанных во время поездки в Монголию

Сталин вызвал Малиновского, Захарова, который был тогда начальником штаба, и меня. Сказал, после того как поздоровался:

— Вам предстоит ехать на Дальний Восток. На вас лежит задача восстановить исторические права России на Дальнем Востоке, вернуть все, что было отнято, восстановить положение. Мешкать с этим нельзя. Это вы должны учесть и готовиться в возможно более сжатые сроки. Американцы и англичане проиграли войну здесь, в Европе, и мы не должны допустить, чтобы они выиграли ее там, на Дальнем Востоке. Они будут торопиться взять реванш. И если мы задержимся, то Япония может капитулировать без нас, без нашего участия. Этого допустить нельзя.

Наступление было первоначально спланировано на 18-е августа, а началось оно 8-го или 9-го, на следующий день после того, как американцы бросили свою атомную бомбу.

1964 год

О судьбе Абхазии

Как решалась судьба абхазского народа. Запись из третьих рук.

В 49-м году у Сталина на даче, здесь в Абхазии, был тогдашний первый секретарь обкома Абхазии Мгеладзе и тогдашний председатель совета министров Абхазии Делба.

Сталин занимался, видно, ближневосточными вопросами. Во всяком случае, Поскребышев развесил ему карту Ближнего Востока, довольно крупную, не специальную, не стратегическую, а общую карту. Когда Мгеладзе и Делба приехали по вызову Сталина, он с ними поздоровался, приветствуя их, не за руку, а продолжая ходить, куря трубку. Они тоже стояли, хоть он предложил им садиться.

Он походил возле карты, потом сказал:

— Сваны — грузины, абхазцы ближе к грузинам, чем сваны. Кому могло прийти в голову говорить, что абхазцы не грузины? Бедный Лакоба не мог этого понять.

На том и кончился разговор. И люди, которые присутствовали при этом разговоре, уехали с дачи Сталина и проводили соответствующую политику. Это было безоговорочно данное таким образом указание: считать абхазцев — грузинами. Стали закрываться абхазские школы, и вскоре были приняты различные меры к тому, чтобы абхазцев превратить в грузин, растворить, ассимилировать...

Гульриши

Ошибка Черняховского

Очень характерно в воспоминаниях Мернова о Черняховском упоминание о том, что Черняховский считал, что он допустил ошибку, сказав Сталину подробно о группировке немецких войск в Пруссии и о том, что там сильные оборонительные укрепления.

Что значит — совершил ошибку? То есть он не приспособился к тому, чего хотел и чего не хотел слышать Сталин. Ошибку он совершил не в том смысле, что он сказал об этом, потому что об этом надо было сказать. Оценка противника, группировки его, его укреплений была необходимой предпосылкой к тому, чтобы развернуть свои предложения. Но Сталин этого не любил. Знал, что Восточная Пруссия — крепкий орешек, безусловно, но он не хотел об этом слышать. Он воспринимал это как стремление застраховаться трудностями или как желание больше выторговать себе при начале операции. И вообще не желал об этом слышать.

В том, что Черняховский это не учел, и состояла его ошибка. Или, вернее, это приходилось считать за ошибку, хотя по сути дела все это было совершенно верно.

Проход немцев по Москве

Решить, кто из героев книги будет¹ наблюдать за прохождением немцев по Москве. Может быть жена сына Серпилина?

Разговор об этом прохождении между Серпилиным и Иваном Алексеевичем; спор о значении этого.

Не хотел ли Сталин, кроме того что намеревался произвести этим проходом немцев по Москве внушительное впечатление, еще и показать всему миру, что вопреки распространяющимся слухам эти капитулировавшие немцы живы и целы и проходят по Москве во главе с генералами. Вот они, никто их не убил на месте, не уничтожил. Условия капитуляции соблюдены.

Таким образом, этим проходом немцев по Москве убиты сразу два зайца: и унижены немцы, и доставлено удовлетворение населению, подчеркнута победа и дано понять общественному мнению Запада прежде всего, да возможно и тем немцам, которым предстоит попасть в плен, что они остаются живы и целы. Возможно ведь, и немецкая печать — пусть в возмущенных тонах, каких угодно — напишет, что вот русские варвары провели пленных по Москве, что это незаконно, подло и так далее, но раз напишут, то будут знать, что те, кто сдались в Белоруссии, те остались живы и прошли по Москве.

Проход немцев по Москве. Дать в этот день все, чем живет Москва, суетное и несуетное — все подряд.

Аресты 41 года

Аресты весны и лета сорок первого года, происшедшие после обострения ситуации, после нападения Германии на Югославию и после выявившейся уже совершенно четко опасности войны, видимо, носили тот самый превентивный характер, который носили и другие акции такого рода. Арестованы были Штерн, Смушкевич, Рычагов, еще ряд командующих авиационными округами, некоторые другие генералы. А ряд людей был подготовлен к аресту. Как теперь выяснилось, должны были арестовать, например, Говорова.

¹ Речь идет о романе К.Симонова «Живые и мертвые» (прим. ред.).

Видимо, это была акция — в предвидении войны ликвидировать еще каких-то недостаточно надежных — с точки зрения Сталина или не его прямо, а соответствующих органов и анкет — людей.

Вместо того чтобы в преддверии войны собрать армию в кулак и думать о действительной опасности, об опасности, надвигавшейся на границах, о приведении войск к предельной боевой готовности, думали о том, кто еще может оказаться изменником, кто еще может оказаться на подозрении, кого еще надо изъять до того, как немцы нападут на нас, если нападут. Вот о чем заботился в это время Сталин. Наряду с другими, конечно. Но эти заботы отнимали у него, видимо, немало внимания.

* * *

Нелепо было бы, конечно, предполагать, что Сталин как верховный главнокомандующий в каждом случае не хотел бы обойтись наименьшими потерями.

Но дело в том, что стиль руководства сверху, шедший от Сталина, и в первую очередь та черта этого стиля руководства, которая была связана с систематическим, постоянным запозданием в переходе от наступления к обороне, в стремлении выжать из войск все, последние километры, на которых больше всего и теряли, и остановиться как можно позже, вопреки предложениям и докладам командующих армий и фронтов, — этот стиль руководства объективно вел к растрате сил, к неоправданно большим потерям в конце каждой операции и тем самым в итоге — и к затяжке начала последующей операции. Или к сокращению времени ее планирования и подготовки. Что опять в свою очередь в итоге приводило к лишним потерям.

Словом, эта черта в стиле руководства неотвратимо вела к потерям большим, чем они могли бы быть при другом стиле руководства.

Попробовать психологически вскрыть, почему он так поступал. Что в нем говорило, кроме безжалостности к людям и равнодушия к потерям. Стремление выжать из людей все, на что они способны? Мобилизовать внутренние ресурсы?

Непогрешимость

Сказать о психологическом влиянии неограниченной власти, вернее, того постепенно создающегося ощущения отсутствия реальных препятствий для выполнения задуманного и намеченного, которое возникает при неограниченной власти, как это ощущение разрушает личность.

Один из пиков такого ощущения был у Сталина в 37—38 году. В объяснение всех массовых репрессий того времени, а в особенности в объяснение той ликвидации партийной и военной верхушки, которую он в то время предпринял, можно высказать следующие соображения.

Конечно же, он готовился к войне и думал о ней. Конечно, он страстно хотел победить в этой войне с фашизмом. Конечно, он понимал до какой-то степени, что ликвидация — возьмем только этот вопрос — верхушки военных кадров наносит определенный ущерб делу обороны. Но он понимал это именно до какой-то — и до очень небольшой степени, потому что к тому времени у него настолько сложилось ощущение масштабов своего величия, всевластия, что ему казалось: был бы он во главе страны и коммунистического движения, был бы целиком и полностью обеспечен его авторитет, было бы целиком и полностью обеспечено выполнение его воли и его планов, — и остальное все приложится. Дело не в людях, которые будут его окружать, то есть не в их собственных способностях и талантах, дело в том, чтобы его окружали люди, которые будут безоговорочно и при этом — и из страха, и из веры, и из безграничного преклонения перед ним — тщательно выполнять его волю и его планы. Если будет это, то все остальное приложится, все будет в порядке. Он уже не придавал

значения способностям других людей, их инициативе, их возможностям что-то увидеть, чего он не видел, или что-то посоветовать, чего он сам не мог себе посоветовать.

А люди, которых он уничтожил и уничтожал, хотя и были способными людьми, но в его представлении отнюдь не незаменимыми. В то же время эти люди напоминали ему о тех временах, когда он не был еще безусловным авторитетом; их мировоззрение, их мироощущение сложилось именно в тот период, и, по его представлениям, они были в чем-то правы, такими и должны были хотя бы отчасти сохраниться, несмотря на всю меру его возвышения. У него не было оснований считать, что эти люди недостаточно преданы делу коммунизма или своей родине. Но у него имелись известные основания считать, что они менее преданы лично ему, чем те, кто всем обязан ему и только ему, чем те, кто сформировался от начала до конца под его непосредственным воздействием. Я допускаю даже и такую мысль, что 37—38 год был, в скрытой форме, связан непосредственно с подготовкой к войне, с тем, что он предвидел эту войну и в чем-то опасался ее. И опасался именно того, что в решительную минуту войны, когда армия — он понимал это — приобретет большее значение, чем в мирное время, а следовательно, и военачальники приобретут большую власть, что они могут стать такой силой, которая окажется опасной для него лично.

В это надо внести еще одну значительную поправку. В силу своего самоощущения он, очевидно, и в собственных глазах становился все неотделимее и неотделимее от коммунизма, от победы дела коммунизма в мировом масштабе, от Советской России, от партии. И эта подмена одного другим, сначала искусственная, становилась для него все более истинной. Допускаю и это. И люди, которые казались недостаточно преданными ему, в условиях, когда он стал олицетворять партию, и советскую власть, и вообще все на свете, таким образом, механически считались людьми, недостаточно преданными советской власти, партии, всему на свете.

Если задним числом заглянуть в души этих людей, в частности расстрелянных тогда военных, то, конечно, можно допустить, что у них были свои взгляды на Сталина, на Ворошилова, на то, кого он выдвигает в армии и кого задвигает, на полезность тех или иных его мероприятий, словом, были и критические взгляды, тем более, что в их памяти он не возникал как организатор победы во время гражданской войны, а являлся лишь одним из нескольких самых крупных военно-политических деятелей периода гражданской войны, каким он и был в действительности. Но одним из, и не более того.

Эта точка зрения на него, разумеется, ничего общего не имела с изменой делу партии и родине, а просто была до известной степени критической точкой зрения, которая в обстановке, созданной Сталиным к тому времени в стране, будучи сформулированной, ощущалась бы как измена.

Первое отрезвление пришло с Финской войной. Он совершенно искренне не ожидал такого хода этой войны, и то совещание, которое было весной сорокового года, с анализом итогов Финской войны, было попыткой посмотреть правде в глаза, хотя дело после этого и не было доведено до конца. Но во всяком случае, снятие Ворошилова, назначение Тимошенко и то, что Тимошенко были развязаны руки в смысле наведения порядка в армии после того развала, до которого ее довели 37—38 годами, — все это были серьезные и положительные факторы, свидетельствовавшие об отрезвлении.

Ряд мер, принятых к перевооружению армии, к ускорению производства новых танков и самолетов, «катюш» и так далее, тоже свидетельствовал о более трезвом взгляде на будущее, чем было до этого.

Сталину казалось, что война в Европе будет происходить иначе, чем она произошла. Самым страшным ударом по его планам был разгром Франции

в сороковом году. Этого он никак не предвидел и не мог предвидеть. Я лично думаю, не имея для этого никаких документальных оснований, что его план сводился к следующему — и таков был его план с самого начала, с периода переговоров с Риббентропом. Во-первых, выйти на как можно более передовые европейские рубежи, в непосредственную близость к фашистской Германии, сойтись с нею бок о бок. Это было сделано. Во-вторых, он предполагал, что немцы ввяжутся в другую, может быть победоносную, но тяжелую и изматывающую войну с Англией и Францией. И в-третьих, насколько я понимаю, он планировал, перевооружив армию, укрепив ее, переведя промышленность если не на военные рельсы, то в положение, при котором она быстро могла перейти на них, — ударить по фашистам, занятым войной на Западе, разгромить их, на их плечах пройти всю Европу, может быть вплоть до Испании — он всегда помнил о неудаче в Испании — и установить в ней социалистический строй.

Вот его программа максимум так, как она мне рисуется — без всяких к тому документальных оснований.

Судя по тому, как в ужасающих условиях сорок первого-сорок второго года мы тем не менее огромными темпами начали наращивать свою военную промышленность, выпускать танки, самолеты, артиллерию и так далее, видно, насколько серьезная подготовка шла к этому заранее.

Мне лично кажется, что он этот военный удар по фашистской Германии планировал на лето сорок второго года и именно поэтому так слепо и невероятно упрямо не верил в возможность нарушения этого своего плана, за которым для него стояла победа социалистического строя во всей Европе. Именно потому, что он не хотел отступить от этого плана, потому что он спал и видел, как это будет, и был убежден, что будет так, как он запланировал, он не принимал во внимание сведения о надвигающейся войне в сорок первом году и так до конца и считал возможным, что все это провокация, что англичане, находясь в отчаянном положении, пытаются столкнуть нас с немцами, в то время как от этого преждевременного столкновения еще можно уклониться.

Я думаю, что если даже встать на его позиции и исходить из его собственных планов, его главной и тяжелейшей ошибкой было то, что он не пожелал в достаточной степени серьезно пересмотреть эти планы после разгрома Франции, то есть игнорировал реально сложившуюся обстановку, которая делала его планы нереальными и ставила нас под угрозу войны, причем войны, начатой не по нашей инициативе и на год раньше, чем он предполагал сам ее начать. А предполагал он ее начать, кстати сказать, — я глубоко убежден — под лозунгом освобождения поработенной фашизмом Европы, а не под великодержавными лозунгами, хотя некоторые оттенки великодержавности в некоторых его действиях прощупывались уже к тому времени. Но все-таки это было не главным в нем. Во всяком случае, субъективно война, если не считать первого момента растерянности, о масштабах которой и о формах выражения которой я еще не составил себе представления, была в общем периодом наибольшего взлета его государственных и политических способностей.

И если брать психологическую сторону дела, то, думается, после долгого периода самоуправства, отвычки от сопротивления, рождавших действия произвола, доходившие до нелепости, он столкнулся с реальным и огромным сопротивлением фактов и обстоятельств. Гитлера мало было объявить врагом страны и человечества, его надо было разбить. Его нельзя было просто посадить за решетку, объявив врагом; его надо было разгромить и только потом можно было посадить за решетку. Рузвельту и Черчиллю ничего нельзя было приказать; с ними надо было вести дипломатическую игру и борьбу. Причем в этой борьбе и игре надо было добиться того, чтобы в целом ряде ее моментов эти два лидера капиталистического мира не противостояли ему, Сталину, как нечто единое. Надо было дифференцировать свое отношение к ним и их

отношение к себе и к ряду военных и политических вопросов, чего он, надо отдать ему должное, добился — Черчилль с его мемуарами достаточный тому свидетель.

В ходе войны выяснилось, что те военачальники, на которых он делал ставку до войны, как правило, не оправдали его надежд. Командовать фронтами нельзя было, оставаясь только проводниками его воли. Надо было иметь свою собственную. Фронтами нельзя было командовать, являясь только проводниками его ума. Надо было иметь собственный. Война показала это с достаточной очевидностью, и он, как потом выяснилось, только на время примирился с этим положением, и, насколько я понимаю из разговоров с несколькими командующими фронтами и другими высшими военачальниками, те взаимоотношения, которые у него, как у верховного главнокомандующего, были с командующими фронтами, были наиболее разумными и правильными взаимоотношениями со своими подчиненными за весь период его деятельности, начиная с тридцатого года, то есть со времени приобретения неограниченной власти. Были в этих отношениях и неправильности, но относительно меньшие по сравнению с другими периодами его деятельности. И это положительно сказалось на ходе войны.

Надо сказать также, что после первого периода войны, когда в сорок первом году были названы изменниками и расстреляны просто-напросто плохо воевавшие и не на место поставленные перед войной генералы и названы изменниками другие генералы, по несчастному ходу обстоятельств попавшие в плен, — даже уже во время тяжких неудач сорок второго года и самых тягчайших из них по отношению к высшим военным начальникам подозрительность не проявлялась и изменниками их не объявляли.

В этом смысле Сталин в период войны постепенно пришел к другому характеру отношений со своими подчиненными, чем это было у него раньше.

После войны, которая была как бы верхней точкой его политической и государственной деятельности, он еще вернулся к состоянию непогрешимости. Он в своем тосте за русский народ в июне 45-го сказал о войне правду, которую никто другой в стране не решался сказать, да и не дай бог никому бы ее сказать тогда. И поставил точку, подвел черту, больше он к этому не возвращался.

В его сознании начался обратный процесс. Внешний враг был разгромлен, и он как бы обернулся и посмотрел на страну и постепенно стал искать внутренних врагов. По разным поводам был снят ряд выдающихся военачальников, потом наступил разгром в артиллерии и в авиации. Несколько крупных людей погибло, другие на долгие годы уехали в лагерь. Потом возникло «Ленинградское дело», оказалось, что Вознесенский, Кузнецов и ленинградцы вообще решили противопоставить себя Сталину и захватить власть в стране. Потом дело постепенно дошло до находившегося уже на грани безумия процесса «врачей-убийц».

По дороге к этому был целый ряд ступенек, которые я пропускаю, и перед смертью Сталина, по моему ощущению, мы были на пороге возвращения к 37—38 году.

Таков в общих чертах этот цикл, ощущение которого надо найти возможности и способности дать в романе.

1964 год

Сергей Шаргунов

Катаев и война

1941

Валентин Катаев напророчил войну СССР с гитлеровской Германией еще в 1935-м.

Тогда он написал сценарий «Лицо героя», фильм по которому «Родина зовет», снятый Александром Мачеретом, вышел в 36-м, но был убран с экранов.

«Вражеская эскадрилья внезапно, точно вор, темной ночью, напала на советскую территорию, — пересказывала сюжет газета «Правда», сухо констатируя: сценарист и режиссер «постарались заглянуть в будущее». — Глаза долго-долго смотрят на портрет Сталина... Родина зовет! Это доминирует над волей и сознанием... Враг должен быть уничтожен. Не разбит и отброшен, а именно уничтожен... На крыльях его машин, точно щупальцы каракатицы, — фашистская свастика».

Лето 1941-го Катаев проводил в Переделкине. Наступление немцев встретил запоем.

В самом начале войны над их домом низко пролетел самолет, и маленькая Женя (дочь Катаева. — *Прим. ред.*), задрав голову, пролепетала:

— Война едет...

«Стреляли зенитки, — вспоминал другой «переделкинец» Аркадий Первенцев, — вечерами артиллеристы расшивали с треском ящики со снарядами. Во дворах, у сосен, зияли траншеи укрытий... Быстрое продвижение врага не способствовало оптимизму».

Уже 3 июля Эстер (жена Катаева. — *Прим. ред.*) и дети вместе с семьями других писателей уехали в эвакуацию: Берсут, Чистополь, позже Куйбышев...

Из Берсута (где Эстер некоторое время раздавала еду в столовой вместе с женами Пастернака и Лебедева-Кумача) в Чистополь плыли на пароходе. Безумно хотелось пить. Женю укусила дурной комар, и она заболела малярией на много лет.

В Чистополе Эстер поселилась в гостинице в одном номере с женой Долматовского Софьей и устроилась нянечкой в детсад-интернат, куда отдала Женю и Павлика. Оттуда как-то вечером Женя совершила побег. Она пришла укладывать братика, стала толкать его и шептать: «Павлик, плачь!». Мальчик заплакал. Собрались недоуменные взрослые. Под шумок девочка выскользнула на волю. Она пошла по улице, не зная, куда идти, но решив найти маму. На счастье, повстречался писатель Николай Ляшко, который подхватил ее и притащил в гостиницу — ночью Эстер вернулась и обнаружила сюрприз — дочку у себя в постели.

20 июля в «Литгазете» Катаев выступил в знакомом для себя жанре «приветствия англичанам» в связи с Соглашением о совместных действиях между СССР и еще месяц

назад «империалистической» Британией: «Я знаю, что поют англичане, что написано на их знамени: «Никогда, никогда англичанин не будет рабом»... Я счастлив, что в эти великие дни мы вместе». 30 июля он заявил в «Литгазете», что вносит в «фонд обороны» свой месячный заработок.

Немцы наступали стремительно.

16 августа Первенцев записал в дневнике: «Пришли Катаев, потом Фадеев и Баталов¹. Катаев, по обыкновению, был пьян до бесчувствия, падал и бил посуду. Противно смотреть. На груди орден Ленина». И далее о «Коньяк-Фадееве»: «Вместо того чтобы избивать и издеваться над писателями, он должен был бы хотя бы примитивно воспитать своих собутыльников типа Кагор-Катаева. Фадеев с жадностью пил водку и пиво».

Первенцев злился на более успешных коллег. Особенно его разъярило то, что 23 августа «братья-писатели» не пришли на спектакль по его патриотической пьесе «Крылатое племя»: «Позже я встретил пьяного Валентина Катаева вместе с Валей Барнетом² у подъезда кабака Жургаза... Я не очень обижен тем, что несколько знатных алкоголиков во главе с А.А.Фадеевым не отравляли коньячным запахом театра. Пьесу приняли хорошо и без этих представителей, без этих истребителей коньяка».

16 октября 1941-го советские войска покинули Одессу и переправились в Крым (как когда-то армия Деникина). В город вошли румынские войска.

Вернулся «Вертер» — художник Витя Федоров — и устроился в Одесский театр. Пётр Ершов, поэт и критик, один из лидеров «Зелёной лампы», выживший в 30-е, при оккупантах сделался деканом драматического отделения консерватории, начал выступать с докладами и публиковать статьи³.

5 октября в «Огоньке» вышел рассказ Катаева «Их было двое»: младший командир «советский еврейский поэт» двадцатитрёхлетний Вергелис ведёт пленного ровесника голубоглазого стрелка-радиста Вилли Ренера. «В голове тяжело гудело. Ослабшие ноги нетвердо ступали... Во рту пересохло. Очень хотелось пить и курить». Похмельные муки переданы со знанием дела... «Немец обернулся на ходу. С перепоя ему хотелось болтать».

А вот и болтовня:

«— Я облетел почти всю Европу... Я был в Бухаресте... В Бухаресте много публичных домов... Я также был в Голландии.

— Что же вы видели в Голландии?

— В Роттердаме отличные, богатые магазины... Кроме того я был в Польше.

— А что вы заметили в Польше?

— Польские девушки — змеи: они кусаются.

— А в Греции?

— В Греции душистый коньяк».

(Любопытно, что поэт и фронтовик Арон Вергелис впоследствии стал вторым мужем Евгении Катаевой, которой в 1941 году было пять лет).

«Ох, какое это было кошмарное время, — говорила героиня катаевской военной повести "Жена". — вспомнить страшно. Украина занята. Белоруссия занята. Ленинград в кольце. Волоколамск. Истра. Подумайте только — Истра! Проносится слух, что немецкие танки в Химках». Этот слух охотно распространял сам Катаев.

В октябре к Москве вплотную подошли танки Гудериана. Перед эвакуацией писательница Мария Белкина писала в открытке на фронт мужу — критику Анатолию

¹ Владимир Баталов (1902—1964) — режиссер и актер.

² Очевидно, здесь описка, имеется в виду Борис Барнет — актер и режиссер, внук потомственного печатника, приехавшего в Россию из Великобритании, для которого позднее Катаев написал повесть-сценарий «Поэт».

³ В марте 1944-го П.Ершов уехал в Германию, а оттуда сумел перебраться в США, где стал преподавать в Колумбийском университете и вспоминать в текстах о литературной молодости.

Тарасенкову: «Очень тяжелый день... Последние впечатления о клубе, пьяный "Белеет парус одинокий" целует мне руки и говорит какие-то странные вещи, а рядом сумасшедший Володя Луговской...» Вот как затем расшифровывала Белкина ту запись: «У плохо освещенного буфета стояли писатель Катаев и Володя Луговской, последний подошел ко мне, обнял. "Это что — твоя новая блядь?" — спросил Катаев. "На колени перед ней! Как ты смеешь?! Она только недавно сына родила в бомбоубежище! Это жена Тарасенкова". Катаев стал целовать меня. Оба они не очень твердо держались на ногах. В растерянности я говорила, что вот и билеты уже на руках, и рано поутру приходит эшелон в Ташкент, а я все не могу понять — надо ли?.. "Надо! — не дав мне договорить, кричал Луговской. — Надо! Ты что, хочешь остаться под немцами? Тебя заберут в публичный дом эсэсовцев обслуживать! Я тебя именем Толи заклинаю, уезжай!.." И Катаев вторил ему: "Берите своего ребеночка и езжайте, пока не поздно, пока есть возможность, потом пойдете пешком. Погибнете и вы, и ребенок. Немецкий десант высадился в Химках..."»

В 1985-м Катаев в новомировском эссе вспоминал «страшные дни, когда фашистские генералы уже рассматривали в свои цейсовские бинокли кремлевские башни».

Между тем, по мнению Первенцева, некоторые писатели готовились к «грядущему режиму». Он вспоминал встречу с Александром Авдеенко в октябре 41-го в клубе писателей.

«Я сравнил его с плутоватым Фадеевым, с пьяницей Катаевым...

— Я знаю, — сказал Авдеенко, — идут немцы, которым я нужен...

Он хотел остаться. И не потому, чтобы видеть героиню города и страдать его страданиями. Нет! Он хотел лучше переметнуться в связи с изменением политической ситуации».

Говорят, той осенью в клубе писателей подавали отменные соленые грузди — грибной год войны...

7 ноября 41-го, несмотря на панику горожан и постоянные авианалеты, прошел военный парад на Красной площади с уверенной речью Сталина (он упомянул «перепуганных интеллигентиков») — ночью по его приказу были расчехлены и зажжены кремлевские звезды. В декабре атаки немцев захлебнулись, началось советское контрнаступление.

Но ощущение страшной опасности не отступало. В сентябре 42-го поэт Виктор Гусев, приехав из Москвы в ташкентскую эвакуацию, рассказал Всеволоду Иванову: «Катаев пьет так, что даже Фадеев должен был ему посоветовать уехать на время: «а то за тобой уже посматривают»». Иванов в своем дневнике связал то, что Фадеев и Катаев «пьют без просыпа» с большими успехами Гитлера.

1942

Однако миф о несокрушимости и победоносности гитлеровской армии кончился под Москвой.

16 февраля 1942-го Катаев написал в «Правде»: «Довоевались!» В статье «Сверхчеловеки» он не жалел средств для высмеивания «хваленного "немецкого воина"»: «Чрезвычайно обессиленный, умственно отсталый, исхудавший, опустившийся... Вшивый. Грязный. Вороватый. Блудливый. В жилете из газеты "Фёлькишер беобахтер", в штанах из газеты "Ангрифф", заплатанных сзади страницами "Майн Кампф"».

За десять дней до этого, 6 февраля 42-го Катаев рассматривал в «Правде» снимки, найденные у убитого немецкого офицера в районе Яропольца. Пятеро повешенных. «Они прямо смотрят смерти в глаза. Они знают, что умирают от рук гитлеровских палачей за родину, за Сталина. Они не боятся смерти... Секунда — и стол выбит из-под их ног. Это уже не люди. Это трупы... Русского патриота, человека сталинской эпохи, запугать нельзя».

18 февраля, тоже в «Правде», он вчитывался в приказ фашистского коменданта одного из районов Ленинградской области (к статье прилагалась фотография записки): «Каждый, который у себя есть одна корова, сдай в восемь часов один горшок с молоком». «Какой "лингвист" потел над этим приказом? — возмущался Катаев. — Растрепанная душонка, потерявший остатки совести и чести, проклятый родной страной и забывший родной язык белогвардеец, продавшийся фашистам?».

В ответ на «краски Геббельса» (название статьи Катаева от 19 июля 41-го) у нас найдутся свои... 19 марта 42-го «Правда» напечатала его первый военный рассказ — «Флаг». Немцы осаждают маленький гранитный остров. Когда боеприпасов и продовольствия уже не остается, советским воинам предлагают вывесить белый флаг капитуляции. Немецкий контр-адмирал видит это огромное знамя, темное от предрастветных сумерек, потом оно кажется ему красным от восходящего солнца... Скалы взрываются вместе с десантом, а оставшиеся бойцы отстреливаются до конца. «Флаг никогда не был белым. Он всегда был красным. Он не мог быть иным». Он еще полыхнет над Берлином...

Рассказ очень показательный для эстетики Катаева, в которой наш мир — красный, хотя и считается, что белый цвет вмещает все цвета радуги. Катаев был перепачкан красками, но главная — горячая краска жизни и смерти. Конечно, наш мир — это волшебный цветик-семицветик, но все же трепетные лепестки тянутся от багровой мясистой сердцевины.

Описание флага страны вообще удавалось Катаеву. С особой поэтичностью изображал еще в «Растратчиках»: «Высоко над Красной площадью, над смутно светящимся Мавзолеем, над стенами Кремля, подобно языку пламени, струился в черном небе дивно освещенный откуда-то, словно сшитый из жидкого стекла, насквозь красный флаг ЦИКа». И репортаж из Западной Белоруссии завершал словно бы стихотворной строчкой: «В ясном, фарфоровом небе реют прозрачно красные флаги». Вот и теперь, вдохновляя воюющих не сдаваться, опять погружался в тайны цвета: «Он был сшит из заветных шелковых платочков, из красных косынок, шерстяных малиновых шарфов, розовых кисетов, из пунцовых одеял, маек. Алый коленкорный переплет первого тома истории гражданской войны и два портрета — Ленина и Сталина, вышитых гладью на вишневом атласе, — подарок куйбышевских девушек — были вшиты в эту огненную мозаику... Как будто незримый великан-знаменосец стремительно нес его сквозь дым сраженья, вперед, к победе».

То, что в рассказе «Флаг» Катаев занят собой и решает эстетические вопросы, переходящие в метафизические, уловил неугомонный Абрам Гурвич. «Холодный огонь неодоушевленного эстетизма», — так он выразился в статье «Ответственность художника» 10 апреля 43-го в газете «Литература и искусство»¹ (по мотивам выступления на творческо-критическом совещании в Союзе писателей). «Это должен был быть рассказ о героических защитниках острова Н., но он стал рассказом об игре световых пятен». Вердикт Гурвич выносил суровый: «Незахваченный пафосом борьбы художник будет говорить не то и не так, и краски его будут мертвыми».

На той же полосе наставлял Шкловский: «Писать во время величайшей войны не о ней — не только бессовестно, но и нельзя».

Между тем, в разгар войны Катаев написал как никогда много стихов, далеких от исторических потрясений — о природе и женщинах...

Её глаза блестели косо,
Арбузных косточек черней,
И фиолетовые косы
Свободно падали с плечей.

¹ Так с 1942 по 1944 г. называлась «Литературная газета».

Пройдя нарочно очень близко,
Я увидал, замедлив шаг,
Лицо скуластое, как миска,
И бирюзу в больших ушах.

С усмешкой жадной и неверной
Она смотрела на людей,
А тень бензиновой цистерны,
Как время, двигалась по ней.

Первый его выезд на фронт случился весной 42-го — в Подмосковье, под Сычѳвкой. Был Катаев и под Ржевом. Советские войска несли большие потери и безуспешно пытались выбить неприятеля. 23 марта в «Правде» появилась его фронтовая зарисовка разведки боем: рвутся немецкие мины, советские танки врезаются в снежную стену, из-за которой тюкают противотанковые ружья... По воспоминаниям Давида Ортенберга, Катаев потребовал, чтобы его посадили в танк и дали участвовать в атаке, при этом в дивизии из-за тяжелых боев оставалось всего три танка. «Долго ему в этом отказывали, наконец, после настойчивых просьб, разрешили». Катаев забрался в «тридцатьчетверку», но от боя его уберегли. Когда танк остановился, «вылез из него писатель разочарованным. А потом ему признались, что танк шел не на запад, на противника, а на восток, в наш тыл.

— Ругайте нас, не ругайте, — каялись танкисты, — но мы боялись, что вас убьют».

А вот Катаев полагал, что танк все-таки участвовал в бою. Встретившись с художником Виталием Горяевым, иллюстратором его «Паруса», он воскликнул: «Черт меня дернул попроситься в танк, идущий в бой!.. Вернулся весь избитый и ничего не увидел. Амбразура была загорожена круглыми спинами, а вокруг острые углы холодного металла. Ухватиться абсолютно не за что, и я весь в синяках и ссадинах, а говорят, был бой...»

А война не отпускала и Москву...

Был май, стояли ночи лѳтные
И в белом небе без движения
Висели мѳртовые животные
Аэростатов заграждения.

В одну из бомбовых ночей Катаев и Пастернак дежурили с песком на крыше дома в Лаврушинском.

Это был их хрупкий заслон на пути войны — «озаренный зловещим заревом пылающего где-то невдалеке Зацепского рынка, подожженного немецкими авиабомбами, на фоне черного Замоскворечья, на фоне черного неба, перекрещенного фосфорическими трубами прожекторов противовоздушной обороны, среди бегающих красных звездочек зенитных снарядов, в грохоте фугасок и ноющем однообразии фашистских бомбардировщиков, ползущих где-то вверху над головой».

Пастернак жил на последнем этаже, а на крыше стояло зенитное орудие, и он пошутил: «Наверху зенитка, а под ней Зинаидка» (впрочем, его жена Зинаида к тому времени уже была в эвакуации).

«А у вас когда-нибудь погибал младший брат?»

Евгений Петров с самого начала войны постоянно бывал на фронте.

Жена с сыновьями уехали сначала в Берсут, потом в Ташкент. Он переселился в гостиницу «Москва», которая стала тогда «творческим общежитием» для писателей, журналистов и даже артистов. Там же получил номер и Катаев, работавший в

Радиокомитете и Совинформбюро на границу (братья передавали материалы для американского газетного объединения «NANA» — North American Newspaper Alliance).

Адмирал Иван Исаков, который уже осенью был тяжело ранен и потерял ногу, вспоминал: «Никто из тех, кто встретился в этот июньский вечер в гостинице "Москва", не думал, что следующий, кому предстоит дорого заплатить за стремление все увидеть и все понять, находится среди нас». Петров стал упрашивать Исакова взять его с собой в осажденный Севастополь, отбивавшийся от немцев днем и ночью — завоз подкрепления и вывоз раненых проходил под страшным обстрелом.

Накануне отлета у Петрова в «Москве» побывал Борис Ефимов.

«Он себя неважно чувствовал, — вспоминал художник, — лежал на диване, укрытый пледом. Вокруг него суетилась Варя, его милая подруга. В номере находились также его старший брат, Валентин Катаев, Евгений Долматовский и еще кто-то, не помню. На столе лежали карты и деньги — играли в покер... За столом зашел по какому-то поводу разговор об Александре Фадееве, в ту пору одном из руководителей Союза писателей. И дернуло же Долматовского шутливо переименовать его фамилию — вместо "Фадеев" сказать "Фадейкин".

— Не Фадейкин, а Фадеев! — неожиданно взревел Катаев. — Замечательный русский писатель!

И добавил трехэтажное матерное ругательство. Женя Петров буквально подскочил на своем диване.

— Немедленно убирайся отсюда вон! — закричал он на старшего брата.

Катаев как-то сразу съезжился и сказал:

— Пожалуйста. Я только заберу свои деньги.

И, взяв со стола трехрублевку, как побитый, вышел из номера. Всем было неловко. Варя успокаивала Петрова, уложила его обратно на диван и укрыла пледом. Я посмотрел на Женю. Он был явно расстроен только что происшедшим инцидентом».

Ефимов постарался развеселить Петрова, и тот вроде бы оттаял.

— Ну, Женя, — сказал я, — счастливо. Вернетесь, расскажете, как там наш Севастополь».

Сумев получить нужные разрешения, через сутки Петров был на аэродроме, прилетел в Краснодар, а там со все той же горячностью настоял на Севастополе.

26 июня из порта Новороссийска вышел эсминец «Ташкент», лидер эскадренных миноносцев. Бомбы падали со всех сторон. Шедший впереди эсминец «Безупречный» взорвался и потонул, остановиться и подобрать немногих уцелевших было нельзя — сверху атаковали «юнкеры». В Севастополе под разрывами бомб, снарядов, гранат и мин в полной темноте корабль забрал более 2100 раненых, женщин и детей — выше всяких возможностей. На обратном пути с 5 до 9 утра его непрерывно атаковали 90 самолетов, сбросивших более трехсот бомб — «Ташкент» получил множество повреждений и едва не затонул, многие погибли. Петров остался с ранеными до конца (поил их водой), несмотря на подоспевшие торпедные катера.

2 июля он вылетел из Краснодара в Москву, казалось, оставив угрозу гибели позади. С ним в пассажирском самолете «Дуглас» оказался и все тот же Первенцев, вспоминавший: «Летчик с бородкой. Фамилия Баев. Ждем Петрова. Приехал возбужденный. В 11.00 Баев ухарски отвернул "Дуглас" от земли, как будто вырвал пробку из бутылки. Баев передал управление штурману, а сам подбострастно болтает с Петровым. Ищет выпить. Тоска грызет мое сердце... Петров идет в кабину управления. Ложусь спать и моментально засыпаю. Удар. Я лежу на земле облитый кровью. Самолет, его обломки впереди. Кричу. Я изувечен. Пробую подняться, но, кажется, перебита спина, вытек левый глаз; я падаю на землю головой в пшеницу и бурьян. Чья-то рука тянется из-под обломков дюралья... Крики... Я приказываю снять с меня

пиджак, рубаху. Обматываю рубахой голову и чувствую, как она вскипает и пузырится кровью. Больница. Я зверь... Но ранен глубоко. Я завидую Петрову. Он обложен льдом в мертвецкой».

Корреспондент «Красной звезды» Михаил Черных рассказал о катастрофе в подробностях: «Штурману вздумалось пройти в пассажирское отделение. На его место стал пробираться Евгений Петров... Ни штурман, ни пилот не имели права разрешать Евгению Петрову проходить в отделение пилота. Пилот Баев, разговаривая с Петровым и давая указания ему, отвлекся от управления. Самолет летел на высоте 15—20 метров со скоростью 240 км в час. Впереди подымался широкий холм. Пилот заметил его, но уже было поздно. Самолет ударился о землю...»

«Его вытащили из-под обломков. Он несколько раз повторил: "Пить... Пить... Пить!" Ему поднесли кружку воды, он глотнул — и умер», — утверждал Эрлих.

Петрова похоронили в Ростовской области в селе Маньково-Калитвенское.

«И он навсегда остался лежать в этой сухой, чуждой ему земле», — написал Катаев, крайне скупой на слова о случившейся трагедии (тело в Москву не привезли, в тех местах лютовала война), однако хранивший в ящике стола фотографии, на которых был запечатлен мертвый среди похоронных цветов.

Евгения Катаева однажды увидела, как отец перебирает их и плачет.

— Как это можно не прийти на вечер памяти твоего родного брата? — сетовал как-то Виктор Ардов, присоединяясь к хору раздосадованных очередным своенравием Катаева.

Да вот так — можно. Память о брате была для Катаева — остро-болезненной, запрятанной, глубоко личной.

Когда погиб Женя, пьяный Катаев пришел в Малый Головин к бывшей жене Анне Коваленко и сидел на лестнице, отключенный.

В 68-м в повести «Кубик» Катаев вспомнил крещение в Одессе: «Я увидел его, поднятого из купели могучей рукой священника... и уже тогда меня охватило темное предчувствие какой-то непоправимой беды, которая непременно должна случиться с этим младенцем, моим дорогим братиком, и потом, через много лет, точно с таким же выражением зажмуренных китайских глаз на удлинившемся, резко очерченном лице мужчины с черным шрамом поперек носа лежал мертвый Женя...»

В 86-м он написал, что крещение происходило на дому: «Из церкви везли на извозчике немного помятую серебряную купель, куда налили подогретой на кухне воды... Я ужасно боялся, что мой маленький братик захлебнется...»

«Прощай, Евгений Петрович! Может быть, ты виноват в катастрофе, но смерть большое искупление...» — стонал изувеченный Первенцев, находивший причины всех несчастий в алкоголе.

«Красная звезда» напечатала статью, черновик которой был в полевой сумке погибшего. «Держаться становится все труднее. Возможно, что город все-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса...»

2 июля эсминец «Ташкент» был потоплен при внезапной бомбардировке в порту Новороссийска. Адмирал Исаков писал, что случилось это «именно в те часы, когда Петров летел в Москву» и «сочетание трагических событий» было «необыкновенно».

3 июля Совинформбюро дало сводку о потере Севастополя.

Петров, как и Ильф, не дожил до сорокалетия.

Читаю этот горький петровский отчет и другие его трагично-пафосные корреспонденции времен войны — все-таки журналистские тексты Катаева того же времени гораздо более легкомысленны и водевильны, и дело, мне кажется, не в степени испытываемой опасности, а в настрое. Например, 5 июля, в день похорон Петрова, между прочим, главного редактора «Огонька», в журнале вышел катаевский очерк об артисте-осетине Туганове, ставшем конногвардейцем. Он блистал на сцене москов-

ского цирка вместе с «труппой донских казаков», пока не пришла война, на которую все они и отправились добровольцами. Однажды капитан по ошибке заехал в село, занятое немецкими автоматчиками. По наезднику открыли шквальный огонь. «Он свалился с седла и повис на стремях под брюхом лошади. Это был его излюбленный номер джигитовки». Когда лошадь вынесла его из села, циркач «вскочил на седло и умчался, как вихрь, в развевающейся бурке и в развеваемомся алом башлыке. Немцы ахнули, но было уже поздно».

«Я никогда не видела такой привязанности между братьями, как у Вали с Женей, — вспоминала Эстер. — Собственно, Валя и заставил брата писать. Каждое утро он начинал со звонка ему — Женя вставал поздно, принимался ругаться, что его разбудили... "Ладно, ругайся дальше", — говорил Валя и вешал трубку».

Долматовский, присутствовавший при конфликте в гостинице «Москва», рассказывал, как много позднее, сидя у моря в Коктебеле, Катаев обернулся с лицом, искаженным болью:

— А у вас когда-нибудь погибал младший брат?

Эренбург вспоминал: «Пришло сообщение о смерти Петрова. Я пошел к Катаеву, у него был Ставский. Мы сидели и молчали». (Ставский погибнет в 43-м.)

Да, молчали. Катаев молчал. И молчал о случившемся всю жизнь... Он даже домашним ничего не говорил. Павел Катаев записал: «У меня сложилось убеждение, что отец готов говорить о живом брате, но никогда — о мертвом».

А вот воспоминания Эрлиха: «Мы с Валентином Катаевым достали ключ от осиротевшего номера в гостинице «Москва». Бродили по комнате, машинально притрагивались к ручкам и карандашам в пластмассовом стаканчике на письменном столе, которые так и не дождались на этот раз возвращения своего хозяина.

Мы долго не находили никаких слов. Наконец Катаев сказал:

— Завтра или послезавтра, не позднее, здесь поселится новый жилец.

Это значило: надо позаботиться о вещах покойного, и прежде всего об его рукописях.

— Да, — согласился я, — давай, я помогу перенести вещи к тебе в номер.

— Нет, не надо их здесь, в гостинице, хранить. Забери их лучше с собой, на Лаврушинский... Домой отвези. А когда будет комиссия по наследству, все передашь будущему председателю...»

В «Разбитой жизни» Катаев писал о янтарно-коричневых глазах брата, «как бы знающих что-то такое, чего никто, кроме него, больше не знает», и несколько манерно, вероятно, искусством камуфлируя боль, продолжал: «Он был обречен. Ему страшно не везло. Смерть ходила за ним по пятам...»

«Смерть долго гонялась за Петровым, наконец его настигла», — написал и Эренбург.

«В 1942 году в январе месяце я оказался в одном купе с Валентином Петровичем во время поездки в Ташкент, — вспоминал критик Валерий Кирпотин. — В Челябинске в купе подседа Герасимова. Катаев сильно скрашивал томительность поездки. Разговорчивый, веселый, гибкий, он легко подхватывал любую житейскую или литературную тему и весело, остроумно развивал ее. Говорили о погибшем брате, Евгении Петрове. Он его осуждал. Он бы избежал на его месте любой опасности». Так воспроизводит слова Катаева тот, кто относился к нему недоброжелательно.

Однако в январе Петров был жив (да и Герасимова в Ташкент не ездил, зато позднее рассказывала, как заступалась за Эстер в Берсуге, когда завистливые писательские жены требовали от той, нарядно-изящной, мыть полы. А дочь поэта Алексея Суркова Наталья передала мне родительский рассказ: однажды Эстер в подаренных мужем бриллиантовых серьгах, с которыми не расставалась, стирала в корыте. Мимо

шла местная женщина, которая с издевкой окликнула: «Барыня!» — «Закончу стирать — и буду снова барыней!» — в тон ей ответила Эстер).

Но о чем бы и когда бы Катаев ни разглагольствовал, он и сам рисковал в поездках по войне под обстрелами, а впереди был даже полет на штурмовике...

Кирпотин выписал из их разговора в поезде (ну, может не январского, а осеннего) одну катаевскую юношескую историю времен «румынского фронта»: измотанный (прежде всего — психологически), холодной ночью лег в студеную воду, надеясь получить воспаление легких. Все это было «близко к передовой линии», — подчеркнул Кирпотин, недвусмысленно связав то «малодушие» с уползанием от новой войны в среднеазиатский тыл.

Такой эпатажный разговор в те адские дни был сам по себе небезопасен... Зачем Катаев выставил себя пораженцем? Решил подыграть собеседнику, считая его трусоватым?

Или унижение паче гордости? Может быть, тревожила память об отваге, ныли геройские раны, и бывший офицер гасил горечь злейшей самоиронией...

В Ташкент Катаев был командирован в августе и прибыл осенью. Перед командировкой руководитель Бюро национальных комиссий СП Пётр Скосырев просил его выяснить положение дел у всех эвакуированных и предупредил о ненадежности и лукавстве «узбекских товарищей»: «Есть подозрение, что Алимджан¹ прямо заинтересован в непопадании узбекских вещей в русской печати». «Приехал В. Катаев, — записал Всеволод Иванов. — Встретились в столовой — не поздоровались». (Скорее всего, Катаев разделял недовольство писательского руководства тем, что Иванов будто бы «дезертировал» — нарочно застрял в Ташкенте, хотя изначально направился туда просто сопроводить семьи.)

В Москве в Союзе писателей Катаеву выдали опросник, чтобы проинспектировать эвакуированных и выяснить их «бытовые условия». Он навестил детей и вдову Петрова, пил с жившими среди пустынь в немалом количестве писателями, вдыхал «густой осенний зной» и сочинял стихи... «Ахматова переживает вторую славу, надо обязательно зайти к ней и посмотреть, как это выглядит», — сказал по приезде Надежде Мандельштам. А еще недавно, пока не было Катаева, Эстер с детьми в Куйбышеве проведаль Петров. Павлик запомнил, как дядя, худой человек в гимнастерке, снял его с грузовика. Катаев привозил детям «фронтной» пористый шоколад. Они его любили. Вообще же, ели мало и делились пищей с местным полуголодным мальчиком во дворе.

Иванов записал в дневнике, что его приятель поэт Виктор Гусев «жаловался на Вальку Катаева, который не любит свою семью и семью Петрова, который суть загадочный человек». Много ли мог знать о чужих чувствах Гусев? Если он говорил об участливости и заботе, то Катаев, как слон, нес на себе не только свою семью, но и родных жены, постоянно помогал и вдове брата с племянниками. Но человек он и правда был загадочный. Обособленный. Закрытый. Сложно сказать, насколько он откровенничал с родными и был им понятен, если для них до самого конца оставалась тайной его служба у белых...

В Ташкенте Катаев — тосковал и любовался.

Это ведь в тех краях он признался Надежде Мандельштам, что, увидев верблюда, вспомнил ее мужа, и сразу потекла лирика:

Пустыни Азии зияют,
Стоит верблюд змеинородый.
Его двугорбым называют,
Но я сказал бы: он двугордый.

¹ Хамид Алимджан (1909—1944) — ответсек Союза писателей Узбекистана, погиб в 1944-м в авткатастрофе.

Четверостишию явно не хватало посвящения «О.М.».

И там же написалась такая стихотворная «Лолита», которую спокойно печатали в советском собрании сочинений:

Есть у Гафур Гуляма дочь.
По очерку лица
Халида смуглая точь-в-точь
Похожа на отца.

Но только меньше ровный нос,
Нежнее кожи цвет.
И говорят пятнадцать кос,
Что ей пятнадцать лет.

Она в саду цветет, как мак,
И пахнет, как чабрец.
Стучи в резную дверь... но так,
Чтоб не слышал отец.

Тем же 1942-м годом датировал Катаев четверостишие «Могила Тамерлана».

Бессмертию вождя не верь:
Есть только бронзовая дверь,
Во тьму открытая немного,
И два гвардейца у порога.

По мнению Павла Катаева (сына В.Катаева. — *Прим. ред.*), стихи посвящены Мавзолею Ленина на Красной площади, что, в общем-то, лежит на поверхности. Спустя годы возникнет переключка, когда Катаев назовет свою повесть об Ильиче «Маленькая железная дверь в стене». Но тут было и пророчество о развенчании другого «гения и вождя», «великого полководца»...

Да уже и тогда, минуя любую цензуру, в военной повести «Жена», «памяти Евгения Петрова», героиня Катаева, переживая гибель мужа-летчика, увидела в трагическом бреду: «Слава и смерть складывали в пустыне войны свой мавзолей из гигантских, полированных плит. Смерть клала — черные лабрадоровые плиты. Слава клала — красные, гранитные. Я подвела Андрея к темной бронзовой двери. Дверь отворилась. Я поцеловала Андрея в закрытые глаза и гипсовые губы. И уже нечем было дышать».

Кстати, именно это — по-моему, самое пронзительное — место заметил критик Ермилов в газете «Литература и искусство», назвав «"изобретением" плоховато-эстетского пошиба», «чуждым простому и суровому величию наших дней».

Смерть побеждает славу.

Какие войны? Только разные двери, вот бронзовая — пустой прах, вот резная — пятнадцать девичьих кос...

В 49-м Катаев вернулся к тому же образу в романе «За власть Советов»: у Мавзолея «в красных и черных, гранитных и лабрадоровых плитах» у открытой двери «на часах стояли два курсанта»: «За этой бронзовой дверью мерцала таинственная, бархатная тьма».

«Бессмертию вождя не верь»...

1943

Немцы уже для всех очевидно проигрывали.

Катаев писал:

Голубой пожар метели
И победный шум знамён.
Волга в белой спит постели.
Грозно стынет синий Дон.

Льётся огненная лава.
Враг бежит, от страха пьян.
Где ж твоя былая слава,
Потрясенный великан?

Погоди-ка, погодика-ка,
То ли будет, то ли ждёт!

Волжский лёд тебя остудит,
Русский пламень обожжёт.

Вижу я, как у дороги,
У крутого бережка
Рухнут глиняные ноги,
Треснет медная башка!

Силой нашу проучен,
Ты рассыплешься навек
У таинственных излучин
Двух великих русских рек.

В феврале 1943 года чудовищная Сталинградская битва завершилась разгромом и пленением отборной группировки противника.

Летом состоялось самое крупное танковое сражение в истории — Курская битва. Стратегическая инициатива окончательно перешла на сторону Красной армии, которая дальше только наступала.

Тем летом по дороге на фронт Катаев заехал в Ясную Поляну. В пруду купалась солдатская рота, и в этом ему привиделось что-то толстовское, будто из «Войны и мира».

Без обмундирования и нужных бумаг он прибыл в 12-й танковый корпус генерала Митрофана Ивановича Зиньковича. Встретили сурово: не шпион ли. Но недоразумение быстро разрешилось, писателя обрядили в военную форму.

Катаев вспоминал, что искал корпус Зиньковича по компасу, идя по необрунным полям, мимо мертвых танков. Вдруг он услышал звук бомбардировщика, а затем — оторвавшейся от самолета тонновой авиабомбы. Он прыгнул в ближайшую воронку и лежал, уверенный, что бомба падает прямо на него. «Я понимал, что наступили последние секунды моего существования на земле, и в эти последние секунды под ужасающий свист бомбы я не увидел, а как бы ощутил не только всю мою жизнь от самого рождения до смерти, но как бы соединился таинственным образом со всеми моими предками, как ближними, так и самыми отдаленными... Тесно прижавшись ко мне, стояли на коленях мои маленькие дети — Павлик и Женечка — и жена, которых я мучительно любил больше всего на свете и которых я видел последний раз в жизни...» Бомба взорвалась в стороне.

Из впечатлений Катаева о боях на Орловско-Курской дуге родился рассказ «Виадук». Бои за Орёл. Полевая жена генерала девушка Клава подала вареную гусятину и водку, но времени нет — генерал и гость поехали на передовую в сопровождении этой девушки и лейтенанта. «Дорогой лейтенант успел объяснить обстановку... По приказу Верховного Главнокомандующего, вся танковая часть должна быть переведена на тот берег и взять Золоторёво не позже 23.00, а переправа находилась под сильным воздействием немецкой артиллерии». Катаев, по рассказу, попал со всеми под сильный обстрел, в дожде помогал эвакуировать мирных жителей из трубы туннеля: «Я схватил за повод двух лошадей, жавшихся к стене, и выбежал вместе с ними».

Генерал спросил: есть ли у него оружие. Была «дрянь» — итальянский пистолет «Brevettato» и то без патронов.

«— Лейтенант, при первом удобном случае достаньте писателю приличный пистолет.

— Слушаюсь.

Лейтенант был очень вежливый молодой человек с утомленными глазами и сдержанным, тихим голосом... Вероятно, он был хороший сын и аккуратно писал матери».

Вскоре генерал, сбжав с насыпи, протянул рассказчику «какой-то красный предмет, похожий на печень».

«— Что это?

— Пистолет, который я приказал для вас достать лейтенанту.

И он сунул мне в руку маленький пистолет в кобуре, сплошь залитой кровью.

— С убитого немца? — спросил я.

— Нет, это пистолет лейтенанта... Лейтенант убит... Возьмите, — сказал генерал решительно. — Выполощите кобуру в ручье, а свой «Бреветато» выкиньте.

Я некоторое время стоял, не зная, что делать, и держал перед собой окровавленную кобуру с пистолетом лейтенанта. Это все было как во сне. Потом я вынул из кобуры маленький, ладный, чистенький, хорошо смазанный маузер и выполоскал кобуру в ручье».

Когда вернулись с передовой к генеральской палатке, рассказчик увидел, что после авианалета «миска гусятины была вся засыпана черной, рыхлой землей».

По воспоминанию Павла, пистолет с простреленной кобурой лежал в Переделкине в ящике письменного стола и был для него привлекательной игрушкой. С войны Катаев привозил и осколки — разложив на столе, рассказывал историю каждого и о местах, где подобрал. На том же столе «мал мала меньше, точно матрешки» стояли и снарядики. Но от них, так же, как от пистолета, Катаев вскоре избавился — все-таки дома подрастал мальчишка...

Митрофан Иванович Зинькович, по катаевской характеристике, «неслыханной храбрости человек», погиб через несколько месяцев 23 сентября 1943 года у города Григоровка при форсировании Днепра и получил посмертно звание Героя Советского Союза.

«Я приехал в танковую армию от "Правды", как раз когда Зинькович должен был прорываться на Орел.

— Что же вы хотите? — спросил он напрямик.

— Я хочу видеть, как воюют, но только по-настоящему.

— Можем показать, — сказал он слегка иронически, — но не забудьте, на фронте часто убивают...

— За день, за два авось не убьют.

— Убивают и за две минуты.

И правда, тут же, почти что на глазах, погиб чудный молодой офицер — он был при нашем разговоре.

А дальше взяли переправу».

5 августа Орёл и Белгород были освобождены (в честь чего был дан первый салют во время войны).

Катаев лежал с генералом и боевым охранением в полевых зарослях «на великолепной орловской земле» под непрерывным минометным обстрелом и пулеметным огнем «мессершмиттов». Он рассказывал снарядившему его в командировку Ортенбергу, что риск был велик, но почему-то это не тревожило: «Первый раз, когда я не почувствовал особого страха — впереди никого из наших не было, а только... восемнадцать немецких танков».

А мины ложились на поле густо и близко, так что генерал в сердцах сказал:

— Ну, чего вас сюда принесло?

Но Катаев трезво и опытно оценивал вероятность смерти. Он писал 13 августа в

«Красной звезде» в очерке «Во ржи»: «Немец бьет наугад, а все остальное уже дело случая... Все "безопасные" звуки, как бы громки они ни были, не задерживали на себе внимания, существовали где-то, как бы на втором плане. Все звуки "опасные" в свою очередь делились на просто опасные и смертельно опасные и в соответствии с этим занимали в сознании более или менее важное место».

И вот началась атака.

«— За родину, за Сталина! — крикнул чей-то хриплый голос.

И мы услышали протяжное, раскатистое "ура".

Грянули пулеметы, автоматы...

Неслись на запад немецкие грузовики, самоходные пушки, кухни, танки. В жизни я не видел более приятного зрелища!

...На душе было восхитительно легко. Я смотрел на потную рабочую спину генерал-майора, и почему-то мне вспомнилась «Война и мир» и Багратион, идущий по вспаханному полю, "как бы трудясь"».

Возвращаясь с фронта, Катаев купил у колхозницы бельевую корзину грибов — белые, подберезовики, грузди, маслята — которые с трудом увязал в шинель. Эти военные грибы он вспоминал всю жизнь.

Уже летом 43-го Эстер с детьми вернулась в Переделкино. В сентябре Катаев с ней и дочерью перебрался в Москву, а за городом оставили Павлика с бабушкой Анной и двоюродным братом Лёвой, чей отец погиб в начале войны в московском ополчении.

В начале июля Катаев принял участие в совещании в Союзе писателей «о юморе», где присутствовали и Эренбург, и Зошенко. О последнем Катаев говорил как об одном из моторов журнала «Крокодил» и призывал без оглядки смешивать смешное и страшное, легкомысленное и мужественное: «Я был на фронте под Сморгонью, как и Зошенко. Мы были между двумя очень серьезными боями. Человек начинает жарить анекдот невероятный — хохот стоит, все веселы, начинают танцевать, а потом в бой идут веселые».

Осенью он вернулся на дачу, оставив в Лаврушинском Эстер и Женю, которая пошла в первый класс. Помногу работал в своем кабинете на первом этаже, иногда выезжал в Москву и на фронт, и гулял по Переделкину с Павликом и Лёвой. Как-то на переделкинском поле они подобрались к зенитному орудию, которое вблизи оказалось муляжом.

Той же осенью Катаев на Калининском фронте. «Здесь русский город был», — писал он, оказавшись среди руин недавно освобожденного города Белого, через который лежали дороги на Смоленск, Вязьму, Ржев и Великие Луки.

Здесь думал я: ведь это вся Европа
Сюда стащила свой железный лом,
Лишь для того чтоб в зарослях укропа
Он потонул, как в море золотом.

Кто приподнимет тайную завесу?
Кто прочитает правду на камнях?
...И две старушки маленьких из лесу
Несут малину в детских коробках.

Затем — под Духовщиной, где тогда шли тяжелые бои и стоял вражеский полк, командир которого приказал повесить Зою Космодемьянскую. Отсюда для «Красной звезды» был привезен очерк «В наступлении», там и тут вспыхивавший метафорами: «Беспрерывно впереди, в кустарнике раздаются маленькие взрывчики, как будто кто-то бьет электрические лампочки. Это разрывные пули... Автоматчики ведут пленных немцев. Их только что взяли. Мокрые, грязные, похожие на арестантов, бредут они, низко опустив головы в серых пилотках. И дождь вокруг них блестит стальной решеткой».

Здесь, на фронте Катаев встретил Шолохова. «Я не сразу узнал его. Пилотка, шинель, пистолет. Ничего похожего на знаменитого писателя. Скорее всего, это пехотный капитан. С небольшой группой товарищей он пробивался по лесу к командному пункту. Над лесом с шумом пронеслись немецкие пикирующие бомбардировщики. Изредка свистели бомбы, и лес был потрясен разрывом крупной фугаски. Падали ветки, сбитые осколками. Впереди заливались пулеметы. Шел бой. Мы встретились как будто вокруг не происходило ничего особенного...»

8 сентября 1943 года состоялся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, избравший Патриарха — участников доставляли в столицу на военных самолетах. Вместо прежних гонений на духовенство власть начала возрождение религиозной жизни. В Ленинграде было возвращено двадцать ведущих топонимических названий имперского времени (Советский проспект стал опять Суворовским и так далее). В официальных церковных документах, прошедших государственный контроль, стало встречаться наименование Москвы «Третий Рим». Катаев откликнулся на такие перемены стремительно. Уже в октябре 43-го в журнале «Красноармеец» появился прямо-таки дореволюционный рассказ «Отец Василий». Немолодой священник с глазами «твердыми и прозрачными, как лед», словно бы срисованный со старика из повести «Отец», рассказывает, как служил в храме «под немцами» и о проповедях, которые произносил: «Я говорил моим прихожанам о святом Александре Невском, победителе немецких псов-рыцарей на Чудском озере, я говорил им о Дмитрие Донском, победителе татар на поле Куликовом, я говорил о двенадцати языках, вторгшихся на нашу родину под знаменами Наполеона... И каждую службу я возносил молитвы о великом русском воинстве — о даровании ему победы и одоления над всеми его врагами и супостатами». Пономарем у отца Василия был партизан Никита Степанович, синеглазый, «с черепом лысым, как у апостола».

Отметим здесь, что Михаил Кедров, третий, младший брат умученных святых — архиепископов Пахомия и Аверкия (троюродный брат Валентина Петровича), после революции оказавшись в Польше, избежал репрессий и в 1948 году в Елоховском Соборе был рукоположен Патриархом Алексием Симанским во Вроцлавского епископа для Польской Православной Церкви. Умер в 1951 году и похоронен в Белостоке.

В 43-м в «Новом мире» вышла странно отстраненная от войны, вливавшаяся в уютный мир досоветской Одессы повесть «Электрическая машина». Петя Бачей сэкономил на гимназических завтраках и получил сберкнижку с суммой вклада — три рубля. Он встретил на улице Гаврика — о, эти русские Том и Гек! — они сняли деньги в Государственном казначействе с золотым орлом на фасаде и двумя портретами внутри — «царя в голубой ленте и царицы в жемчужном кокошнике» — и провели целый день в поисках страстно желанной таинственной «электрической машины»: если крутить ее ручку, загорится лампочка. В магазинах эта машина была отчаянно дорога, и в конце концов они купили «элементы Лекланше»: цинковые палочки и угольные пластинки, затем в аптеке — перекись марганца и пять фунтов нашатыря и кокс на угольном складе. Но дома весь мальчишеский пафос разбился о холодный скепсис Бачея-старшего:

— Лампочка не будет гореть... Слишком слабый ток...

Гаврик, поняв, что «это был обман, как и все в жизни», дал Пете в нос, за что получил в лоб.

Инженер-электронщик из Зеленограда Александр Трубицын обратил мое внимание на техническую сторону повести, меняющую ее смысл. Итак, Петя и Гаврик купили восемь элементов Лекланше. Напряжение каждого — полтора вольта. Следовательно, батарея из них дает двенадцать вольт, как современный автомобильный аккумулятор. Самая маленькая лампочка, которую вручил им приказчик «в виде премии», скорее всего именно 12-вольтовая. Емкость этих элементов, если судить по размерам, достаточно большая, т.е. лампочка могла светить долго. И если бы папа не был гуманитарием, он помог бы ребятам составить батарею, провести опыты, Петя со свойственным ему азартом блистал бы знаниями электричества и дома, и в гимназии.

Вот в чем подлинный драматизм «Электрической машины». Счастье было рядом, но не был сделан последний шаг.

В 43-м же в «Новом мире» вышла уже цитированная мною катаевская повесть «Жена» о встрече на войне с молодой красивой женщиной по имени Нина (фабула была основана на рассказе жены летчика Морозова, который Катаев услышал по радио).

Инженер-технолог, чей металлургический завод эвакуирован в Куйбышев, она получила вызов из «штаба фронта» и едет на могилу мужа Андрея, командира истребительного авиационного полка. Она сидит ночью в траве на расстеленной шинели автора, вглядываясь в «дымно-голубой столб» вдаль («немецкий прожектор из Орла светит») и рассказывает историю своей любви. При всем объяснимом героическом схематизме сюжета в повести есть то, что незаслуженно сделало ее малоизвестной (раскритиковали, вот и прошла мимо читателя) — человеческие чувства и переживания. Нина бесконечно возвращается мыслями в солнечный Крым, Севастополь, где они с Андреем полюбили друг друга и провели самые яркие дни: теперь муж убит, а Севастополь сдан... В повести есть просто превосходные страницы. А 21-я глава уж точно достойна включения в любую военную антологию: утреннее блуждание по подмосковному лесу в предчувствии катастрофы, две бегущие старухи в серых платках, нарастающая догадка, возникшая из самого воздуха, — все наложено на «Седьмую симфонию» Шостаковича, которого женщина слушает в исполнении эвакуированной труппы Большого театра, и одновременно, как в кино, проступает другая картина: наступление маленьких бодрых барабанщиков («безумная флейта осторожно, как шакал, шла за ними по слоистым пескам»). Тут, несомненно, Катаев — уже мовист. Даром что «в ложе правительства поднимался со своего места, отставляя бархатный стул, товарищ Вышинский».

И это не Нина, это Катаев в Куйбышеве, куда приезжал, навещая семью, и 5 марта 42-го слушал первое исполнение «Седьмой симфонии» в театре оперы и балета.

В повести есть психологически интересный эпизод с рабочим Волковым, «неприятным стариком с дурным характером». Его тоже поначалу принимаешь за врага: груб, харкает на пол, часто пахнет водкой, запорол аж пятьдесят тысяч деталей на неналаженном им станке. Читатель ждет уж рифмы — «вредитель», и Нина ее, конечно, выкрикивает. Но тут же замечает бессмысленные стеклянные глаза «браковщика», кричит иначе: «Вы просто пьяны, отойдите от станка!» После выясняется, что эта «диверсия» простительна, не заслуживает кары, надо вникнуть в беду человека и общими силами перекрыть недостачу: в Тульской области немцы убили всю его семью, включая внучку Наташу пятнадцати лет...

«Жену» разругали. Например, в 44-м в журнале «Знамя» Берта Брайнина отмечала «отсутствие идейного стержня» в повести, особенно негодуя по поводу героини: «Трудно поверить, что такую бездумную овечку воспитала и вырастила наша действительность... Если автор хотел показать верную и крепкую любовь жены, то почему сразу после гибели мужа происходит столь быстрое сближение Нины Петровны с летчиком Петей, другом покойного? Читателю не совсем ясна и цель поездки Нины Петровны на фронт: то ли она едет на могилу мужа, то ли на свидание с Петей».

1944

В марте Катаев побывал под Уманью во время перехода через болота армии Конева.

В марте же был свидетелем боев за город Кодыма.

Говорил ли он тогда в поезде, два года назад, Кирпотину о том, что не стал бы рисковать, как Петров, или нет, но в путевых молдавских заметках в «Красной звезде» все время едва ли не мистически показывал себя в сложных полетах, словно бы ожидая повторения судьбы брата... «После Умани неожиданно сильный снежный буран.

Сквозь белые, газовые вихри с большим трудом находим аэродром. Когда приземляемся — вокруг уже ничего не видно». Перелет над Днестром. Сердцевина Молдавии. «Самолет идет на посадку. Но вдруг, не коснувшись земли, опять круто взмывает вверх». Наконец, Карпаты. «Мощный ветер ревет, как водопад» — это Катаев несется в штурмовике над Прутом.

С войсками 2-го Украинского фронта он наступал по тем районам Молдавии, где шел со своей батареей в Первую мировую. Пил винцо в хате, закусывая мамалыгой с брынзой. «Он прилетел самолетом, с одним блокнотом в кармане, пришел в нашу деревеньку, с доброй улыбкой спросил:

— Ну, как тут живем?» — вспоминал военкор Леонид Кудреватых.

В апреле 44-го советские войска вышли на рубежи крепко защищенного румынского города Яссы.

Тогда-то Катаев и попросился лететь на боевое задание. Он прибыл в 8-ю гвардейскую штурмовую авиадивизию и, пообщавшись с отчаянными летчиками, обратился к командиру Владимиру Павловичу Шундрикову: посадите меня в штурмовик. Тот наотрез отказался — слишком опасно. Но в тот день по радио передали благодарность Сталина за форсирование реки Прут и непосредственно «летчикам подполковника Шундрикова». Вечером начали отмечать, и среди застолья Катаеву удалось заполучить у командира разрешение на полет.

Пришлось сдержать обещание.

— Стрелять умеете?

— Я ведь артиллерист...

— Что увидите в воздухе, стреляйте.

— А если это будут наши?

— Наших не будет.

Полетели бреющим, на пятьдесят километров за линией фронта...

Кудреватых писал: «Валентин Катаев на самолете-штурмовике занял место стрелка, место в хвосте самолета, ничем и никем не прикрытое, продуваемое и простреливаемое со всех сторон. И слетал в роли стрелка на этом самолете на вражеские позиции, исполнил все положенные стрелку обязанности. А когда самолет, к счастью, успешно вернулся на свой аэродром, Валентин Катаев пересел на другую машину и улетел в Москву».

По горячим следам Катаев отчитывался так: «Я опускаю над собой прозрачный колпак и крепко его привинчиваю. Я сижу — глубоко и удобно — на широком брезентовом ремне, подвешенном между двумя бортами штурмовика против пулемета, обращенного назад».

Спустя двадцать лет он рассказывал: «Сверху, из самолета, я видел дороги, бегущие обозы фашистов, панику, горящие Яссы и аистов, которые летели на нашем уровне. Спокойно, как веслами, махали своими крыльями, белые с черным. Возвращались на родину».

«Я сидел на заднем сиденье спиной к спине летчика и, прижав к плечу приклад крупнокалиберного пулемета, всматривался в облачное небо ранней весны», — вспоминал он через тридцать лет.

2 мая 44-го в «Правде» появилась его миниатюра «Кузнец». «Славные советские конники» преследовали немцев и румын. Но остановились: стерлись и сбились подковы. Тогда, как из-под земли, возник старец-молдаванин, когда-то кузнец, ныне похожий на мертвеца, показал нехитрые инструменты — щипцы, молот, меха, «выкопал в земле маленький первобытный горн» и начал ковать... Конники полетели снова вперед. «Туманное солнце и нежная апрельская лазурь мигали в зеркальных клинках».

10 апреля 1944 года советские войска освободили Одессу.

В августе во время Яско-Кишиневской операции была разгромлена Румыния.

А вот какие стихи сочинял Катаев в том году в Переделкине:

За стволы трухлявых сосен
Зацепившись вверх ногами,
Разговаривали дятлы
По лесному телеграфу.

— Тук-тук-тук, — один промолвил.
— Тук-тук-тук, — другой ответил.
— Как живёте? Как здоровье?
— Ничего себе. Спасибо.

— Что хорошенького слышно
У писателя на даче?
— Сам писатель кончил повесть.
— Вам понравилась? — Не очень.

— Почему же? — Слишком мало
В ней о дятлах говорится.

— Да, ужасно нынче пишут
Пожилые беллетристы.

— А писательские дети?
— Всё по-прежнему, конечно:
Павлик мучает котёнка
И рисует генералов.

— А Евгения? — Представьте,
С ней несчастье приключилось:
Нахватала в школе двоек
И от горя захворала.

Но теперь уже здорова,
Так что даже очень скоро
Вместе с мамой на дачу
На каникулы придет.

Это для своих.

А вообще для детей в том же 44-м вышла книжечка «Бочка», состоящая из одного стихотворения, основанного на военном анекдоте:

Окопы немцев под горой,
А наши — на горе,
И вот мы занялись «игрой»
Однажды в январе.

Бойцы скатили с горы бочку с камнями, после чего перестреляли любопытных фашистов. На следующий день, когда наученные горьким опытом фашисты затаились, бочка с толом беспрепятственно докатилась до них и взорвалась.

16 сентября 44-го в газете «Литература и искусство» поэт Надежда Павлович недоумевала: «Война — не игра, не забава, и не стоит воспитывать в малышах такое представление о ней».

Тогда же под раздачу попал Корней Чуковский. Он написал стихотворение-сказку «Одолеем Бармалея», поначалу расхваленную, но в последний момент вычеркнутую из антологии советской поэзии лично Сталиным (немедля «Правда» назвала сказку «пошлой и вредной стряпней»). К слову, и сам Чуковский никогда не переиздавал эту странную, отдающую живодерством вещь. Звери политизированы и поделены на классово-правильных и неправильных. Они мучают и убивают друг друга, хорош и смельчак Ваня Васильчиков:

И всадил он Каракуле
Между глаз четыре пули...
Но взмахнул он что есть силы,
Острой саблей раз и два,
И от бешеной гориллы
Отлетела голова.
И, как бомба, над болотом
Полетела к бегемотам,
Изувечила хорьков,
Искалечила волков...
Ненавистного пирата
Расстрелять из автомата
Немедленно!

Не сомневаюсь в читательской искренности Катаева, сказавшего (по воспоминанию Кирпотина) на президиуме СП соседу по Переделкину, с которым оставался и впредь в приятельских отношениях: «Ваша сказка "Одолеем Бармалея" — дрянь!»

«Сын полка»

В 1965 году Театр на Таганке поставил спектакль «Павшие и живые» — артисты читают стихи военного времени. Критик Наталья Крымова вспоминала: «На просмотре я слышала за спиной глухие рыдания, в антракте увидела — это был Валентин Катаев. Жена его плакала открыто, не стесняясь».

Катаев рассказал сыну, что однажды на фронте встретил солдата-мальчика, в форме, пошитой по его росту... Одичавшего, обозленного, как волчонок, его подобрала в лесу разведчица, и он прижился. Потом в войсках Катаеву встретился еще один ребенок, и стало понятно, что это — типичная ситуация. Дети, которым некуда деться среди пожаров и пепелищ, прибывают к солдатам.

Но, пожалуй, мне удалось найти наиболее вероятный прототип. Он возник еще 2 декабря 43-го в катаевском очерке «Труба зовет» в «Красной звезде» — о посещении Калининского Суворовского училища: «11-летний воспитанник Коля Мищенко два года воевал с немцами. Его отца и мать расстреляли немцы в 1941 году. Коля ушел в отряд белорусских партизан. Потом он вместе с партизанами перебрался через линию фронта. Здесь он вызвался провести группу наших разведчиков во вражеский тыл...».

«Отец читал маме эту повесть по мере написания, и мы с сестрой так же при этом присутствовали, — вспоминает Павел. — Очень хорошо помню папу во время работы... Он сидел, низко и как-то боком склонившись над столешницей, и быстро писал, заполняя страницу за страницей буквами, словами, фразами, соединяющимися в ровные строчки».

«Сын полка» появился в 1945-м в журнале «Октябрь» — сюжет хорошо помнят многие. Три солдата, возвращаясь с разведки, нашли в лесу в окопчике в вонючей зеленой луже спящего измученного ребенка.

«— Тише! Свои, — шепотом сказал Егоров.

Только теперь мальчик заметил, что шлемы солдат были русские, автоматы — русские, плащ-палатки — русские и лица, наклонившиеся к нему, тоже русские, родные.

Радостная улыбка бледно вспыхнула на его истощенном лице. Он хотел что-то сказать, но сумел произнести только одно слово:

— Наши...

И потерял сознание».

Ване Солнцеву двенадцать. Отец погиб на фронте в первые дни войны. Мать убили оккупанты. Бабушка и сестренка померли с голоду. Деревню спалили. Сбежал из немецкого «детского изолятора». Прятался в лесах. При всей упрощенности сцен, обстоятельств и характеров Катаев подтверждает образы доблестных богатырей какой-то точно найденной былинной интонацией. Если в повести и есть условность, то она неразрывно связана со сказочной поэтичностью. А главное, виден и вызывает сочувствие мальчуган-сирота с его страхами, надеждами, упрямством. Командир артиллерийской батареи капитан Енакиев отсылает его в тыл, но мальчик дважды с ловкостью чертенка ускользает от «профессора разведки» артиллериста Биденко, возвращается к бойцам и добивается своего: остается в полку. Он ходит по вражеским тылам со старой клячей, изображая «пастушка» и ведя за собой разведчиков, попадает в немецкий плен... Кошмар допроса, чудо освобождения, волшебна вкусная еда из солдатского котелка, фронтовая парикмахерская, баня, обмундирование, собственноручный выстрел из пушки «по Германии» — «На, паршивая! Получай!»... И еще одна картина, выпукло-жуткая: контрнаступление немцев превосходящими силами — неотвратимая гибель для капитана, замершего у орудия. Капитан спасает мальчика «боевым заданием» — доставить донесение в штаб, а сам принимает бой и под конец «вызывает огонь на себя».

Командир полка направляет Ваню в Суворовское училище.

Венчает повесть беспокойный сон суворовца. Бег по громадной мраморной лестнице, где поджидает старик-генералиссимус Суворов «с алмазной звездой на груди

и с серым хохолком над прекрасным, сухим лбом»: «Он взял Ваню за руку и повел его по ступенькам еще выше, туда, где на самом верху, осененный боевыми знаменами четырех победоносных войн, стоял Сталин с бриллиантовой маршальской звездой, сверкающей и переливающейся из отверстов его шинели.

Из-под прямого козырька фуражки на Ваню требовательно смотрели немного прищуренные, зоркие, пронизательные глаза. Но под темными усами Ваня увидел суровую отцовскую усмешку, и ему показалось, что Сталин говорит:

— Иди, пастушок... Шагай смелее!».

Вот оно — обретение отца.

(В поздней версии повести усатый призрак растаял, как не было, а финальные слова говорил все тот же Суворов.)

Безотцовщина, нашедшая приют в Суворовском — жизненная правда: например, мой дед погиб под Ленинградом, а отца приняли в Суворовское в Свердловске, где в основном были такие же сироты...

Ежедневно Катаеву приходили письма от узнавших себя в «сыне полка». Павел вспоминает:

«— А ты его знаешь? — каждый раз спрашивал я в надежде на чудо.

Но чуда не случалось.

— Конечно нет! Его же не существует!

Такой ответ каждый раз меня ужасно разочаровывал».

Успех повести был огромен, быстро вышел фильм, где главную роль сыграл детдомовец Юрий Янкин, Ленинградский театр юного зрителя поставил спектакль... Катаев, первым показавший отражение той войны в ребенке, не без сарказма называл Ваню Солнцева «своим оброчным мужичком» (по примеру Пушкина, называвшего так Емельяна Пугачева в связи с работой над «Историей Пугачева»)¹.

20 февраля 45-го Президиум Союза писателей обсуждал, кого же выдвигать на Сталинскую премию. Надо признать: произведения подвергались достаточно квалифицированному разбору. Общее мнение по поводу катаевского «Отчего дома» выразил Леонов: «Когда прочитаешь эту пьесу, остается чувство неудовлетворенности... В сердце не остается...» Зато 15 марта 46-го при обсуждении «Сына полка» возражений не возникло: достоин.

Повесть получила Сталинскую премию второй степени в области литературы (первая степень — «Молодой гвардии» Фадеева). В номере «Литературной газеты», посвященном лауреатам, детская писательница Александра Бруштейн писала: «"Сын полка" читаешь залпом, как в жаркий день пьешь родниковую воду. Повесть В. Катаева, несомненно, останется жить для многих поколений грядущих читателей, как глубокохудожественный документ эпохи». Произведение включили в школьную программу, использовали для «громких чтоток» в библиотеках и школах.

(«Читал деревенским мальчишкам несколько дней подряд, они слушали меня, раскрыв рты со все выражающим увлечением...» — в 45-м хвалил «Сына полка» в письме Катаеву их общий с Булгаковым приятель писатель Юрий Слѣзкин).

Одновременно Сталинской премии второй степени по драматургии удостоилась пьеса Владимира Соловьѣва об Иване Грозном. Похоже, за текстом критика Юрия Осноса в «Литературной газете» скрывался нехитрый подтекст — перебросить мост к Сталину: «Соловьѣв в своей пьесе «Великий государь» показывает Грозного как великого русского патриота, передового государственного деятеля, осуществляющего исторически необходимую задачу создания мощного, централизованного русского государства. Грозный в «Великом государе» — это человек, творящий волю истории и глубоко сознающий эту волю, и поэтому оправданный перед современниками и перед потомками». Рецензент обелял и репрессии против враждебных бояр, от чего страдали невинные, сентенцией воеводы Воротынского: «Казался мне порой жестоким нрав царя. Но прав был государь: когда окрест него кишат такие змеи, так и ужа, принявши

¹ Правда, не в пример катаевской, пушкинская книга изначально успеха не имела, и большая часть экземпляров осталась не распроданной.

за змею, убить не грех». Характерно, что еще 3 апреля 44-го Кирпотин записал в дневнике: «Катаев — намеком: Пьеса о Грозном. О народе забывают, пишут только о государях».

Одесса

Катаев жалел, что не попал в Одессу сразу после ее освобождения. Но туда попали его друзья военкоры Семён Гехт и Сергей Бондарин. Весной 44-го их арестовали и приговорили к восьми годам лагерей по 58-й «антисоветской» статье УК. По словам родственников Гехта, в вину ему ставилось чтение (и видимо, обсуждение) подшивок газеты «Молва», выходившей в занятой Одессе. К этой прессе обратится и Катаев, когда через год приедет в родной город.

В марте 45-го в четырех номерах «Известий» он напечатал очерк «Одесские катакомбы».

Валентин Петрович отправился с несколькими подпольщиками в катакомбы, образовавшиеся за сотни лет до этого в результате разработок ракушечника — камня, из которого построен город. В этих лабиринтах партизаны скрывались на протяжении всей румынско-немецкой оккупации: пекли хлеб, делали взрыватели для мин, печатали листовки, отсюда устраивали вылазки для диверсий: «Я то и дело хватался за блокнот и за карандаш, пытаюсь как можно больше записать из того, что они рассказывали. Но потом я понял, что это — безнадежное дело. Об этом надо написать роман. И я дал себе слово непременно его написать».

В оптимистично-романтическом очерке Катаев умалчивал о том, что почти всех «катакомбников» разгромила румынская сигуранца, и о предательстве одного из чекистов-партизан Федоровича, из-за чего была схвачена и казнена главная группа во главе с капитаном госбезопасности Владимиром Молодцовым.

«Проходя мимо небольшой ниши в стене, я заметил несколько растрепанных, заплесневевших книг без переплетов. Я взял одну из них. Это была книга "Об основах ленинизма" И.Сталина. Я осторожно перелистал книгу и заметил, что многие места ее были отчеркнуты карандашом и на полях сделаны заметки».

Написать роман, приближенный к правде, было не так-то просто. Наиболее дерзко «катакомбники» действовали только в начале войны: взорвали румынскую комендатуру, расположившуюся в здании НКВД, где в 20-м году дождался гибели Катаев, пустили под откос люкс-эшелон с администрацией для Одессы. Дальше были успешные «зачистки», которыми руководили бывшие белогвардейцы — начальник Восточного округа Румынской службы специальной информации Георгиу Ионеску (Георгий Андреевич Иванов, офицер царской армии, сотрудник деникинской контрразведки), его заместитель Ион Курерару (Иван Степанович Кунин, сотрудник деникинской контрразведки) и начальник отдела агентурной разведки Аргир Николау (царский и белогвардейский офицер Николай Васильевич Голушко).

В оккупированной Одессе происходило действие одного из лучших и самых страшных произведений Катаева — небольшого рассказа 46-го года «Отче наш».

Женщина приехала с четырехлетним сыном к Чёрному морю за два месяца до войны и не выбралась. «Женщина была похожа на русскую. Мальчик тоже был похож на русского. У мальчика отец был русский. Но это ничего не значило. Мать была еврейка. Они должны были идти в гетто». Такое могло случиться с Эстер и Павликом... Вместо гетто они весь день кружили по морозному городу, а ночью замерзли насмерть на скамейке в парке. «Солдаты раскачали и легко бросили мальчика с подогнутыми ногами. Он стукнулся об женщину, как деревянный, и даже немного подскочил». А из уличного рупора, как и в прошлое утро, пропел музыкальный петушок и ангельский детский голос начал читать по-румынски «Отче наш»...

По сюжету следующей повести Катаева, в Одессе оказались отец (Пётр Бачей) с сыном Петей, приехавшие из Москвы накануне войны, отрезанные от нее войной, и войной разлученные...

Анатолий Цирульников

Страна между двумя берегами

Калмыцкая сказка

Есть у степи замечательное свойство... Всегда и прежде всего степь говорит человеку о свободе. Степь напоминает о ней тем, кто потерял ее.

Василий Гроссман. «Жизнь и судьба»

Помимо хрестоматийного пушкинского «...и друг степей калмык», большинство из нас в сущности мало что знает об этом крае, и многие в силу полученного в школе географического образования убеждены, что Калмыкия находится то ли в Средней Азии, то ли в Сибири.

Отправляясь в путешествие, я, как и многие, знал о современной Калмыкии несколько ярких фактов, которые сообщало центральное телевидение конца прошлого — начала нынешнего века. Первое — что молодой (ныне экс) президент Кирсан Илюмжинов общается с инопланетянами. Второе — что Калмыкия единственная в Европе страна буддизма, которую посетил пребывающий в изгнании Далай-Лама XIV. Третье — что в Элисте выстроен шахматный чудо-град, где проходят международные турниры, как задумывал в Нью-Васюках товарищ Бендер, скромный памятник которому стоит неподалеку от осуществленной мечты.

Министерство науки, образования и культуры Республики Калмыкия, любезно пригласившее меня и ставшее проводником в здешних краях, поселило меня именно в этом Citi-chess, в Шахматной академии, и тем самым сделало первый ход белыми в игре, имеющей, как известно, множество вариантов...

Что я хотел узнать в Калмыкии?

Была у меня гипотеза, основанная на многолетнем опыте кочевий по России, который свидетельствовал, что нечто интересное, перспективное можно обнаружить, как правило, в тех местах отечества, где сохранилась хоть какая-то культурно-национальная подкладка. Некий растительный покров, культурный слой, без которого песчаная буря, вызванная безответственными действиями власти и населения, превращает ландшафты в пустыню. Сфера образования — не исключение. Маразм крепчает, из дум, минобров и администраций выходят одна причудливая задумка за другой: молельные комнаты в средней школе, единая форма одежды солдат-учеников, а то и «замечательная» идея некоего вице-преьера раздать по школам оружейные склады времен Второй мировой — все это в соединении с единым школьным центром продвинутых и отсталых в психическом развитии, помноженное на ЕГЭ, создает картину, достойную великой державы. И там, где не за что зацепиться, где дувший

целый век ветер ленинизма-сталинизма едва ли не начисто сдул культурный слой, делать нечего. Разве что дожидаться, когда обрушится.

Но тут-там — в Якутии, Бурятии, Татарстане, Чувашии, Марий-Эл, в Горном Алтае, Сибири, — где еще остались очаги (я называю их культурно-образовательными гнездами), где удастся вывести птенцов и они взлетают в небеса, я находил свидетельства будущих положительных перемен. И по мере сил старался помочь выращиванию — вместе с местными сообществами — другой школы и другой жизни.

В Калмыкии я надеялся увидеть живое, отметить еще одну точку на культурно-образовательной карте опустыненной страны. Но что это за точка, понятия не имел...

Справка из энциклопедии

Республика Калмыкия находится в Нижнем Поволжье, между долинами Дона, Волги, Кумы и северо-западным побережьем Каспийского моря. Граничит со Ставропольским краем, Дагестаном, Волгоградской, Астраханской и Ростовской областями.

Самый безлесный регион России.

Климат резко континентальный, лето долгое и жаркое, температура до +50°, с засухами, суховеями, пыльными бурями. Зима малоснежная, часто бесснежная, с морозами до -40°.

Население Калмыкии (по переписи 2010 г.) составляет 289 486 человек, 57% — калмыки (диаспоры имеются в других районах РФ, ближнего и дальнего зарубежья), 32% — русские, в республике проживают также даргинцы, казахи, турки, чеченцы, аварцы, корейцы, немцы, татары...

Селян 55,9%, на двадцать процентов больше, чем горожан.

Три города, 262 сельских населенных пункта.

Основа сельского хозяйства — скотоводство и овцеводство. Есть залежи нефти, горючего газа, соли, урано-фосфорных руд.

Столица республики Элиста — город с развитым научным и образовательным потенциалом: здесь находятся Институт гуманитарных исследований РАН, НИИ сельского хозяйства Российской сельскохозяйственной академии, Институт комплексных исследований аридных территорий, Калмыцкий государственный университет — один из ведущих вузов юга России...

Часть I

Блюдо для бедных

Путешествовать по Калмыкии, читатель, нельзя исключительно в настоящем времени. Я это почувствовал, лишь только очутился в здешних краях: наряду с «сегодня» в путешествии присутствуют «вчера» и «завтра». Как они соединяются в этом воздухе и ландшафтах, понятия не имею. У каждого путешествия — своя драматургия, свой сценарий, но то, что выходит, мало похоже на задуманное. «Сейчас» — столь быстротечно и неуловимо, что вот уже то, что «есть», — «было». Сказка, миф... Но где грань, отделяющая их от реальности? А уж про историю и говорить нечего — в иных краях она умерла, застыла в старинных дворцах и булыжных мостовых, а у нас все лязгает затворами и воротами, жульнически выглядывает из подворотни, забавляется, как дитя малое. И всего этого так много, что можно понять Ключевского, пожелавшего, вопреки собственной профессии, «чтобы вокруг нас было поменьше истории».

А калмыцкая история — часть русской.

Правда, не только...

День первый. Вчера

С приходом калмыков в Россию эти земли стали называться Калмыцкой степью, а до того звались Половецкой. Заселившие степь калмыки стали единственным в Европе монголоязычным народом. Откуда они пришли? Из Великой степи, с территории западной Монголии и Джунгарии — так называется равнина между гор на западе Китая. «Секиз мурэн» — восемь рек, «восьмиречье». Это верховья Енисея.

Охота была их главным занятием, а со временем степь породила кочевое скотоводство. Ойраты — так назывались предки калмыков — жили географически близко с тюрками, держались старых обрядов, шаманистской веры, считались могущественными колдунами. Ойратский правитель умел «делать погоду» — вызывать дождь, ураган, снежную бурю.

Ойраты охраняли северную границу монгольского государства, находились в брачных союзах с монгольской знатью и поэтому занимали привилегированное положение. Участвовали в завоевательных походах Чингисхана и его потомков. Войсковые подразделения с наследственной передачей обязанностей и привилегий со временем превратились в этнические группы. Они до сих пор есть у калмыков: торгуты — так называлась стража при монгольских ханах; хошуты — передовая часть войска, авангард; хойты — арьергард; дербеты — конница, построенная в каре.

В пору монгольских завоеваний много народов исчезло с лица земли, но ойраты уцелели, численно возросли, стали еще более влиятельными. На рубеже XIV и XV веков они уже обитают в Западной Монголии, и скотоводство — главный способ их существования. Кочевой быт позволял экономить силы, которые шли на создание оригинальной культуры и социального устройства. Два века спустя ойраты приняли буддизм, а с ним вместе — письменные традиции. Сохранилась «ойратская библиотека»: калмыцкие историко-генеалогические сочинения, восточномонгольские летописи, исторические источники на китайском, тибетском и персидском языках.

В XVI—XVII веках на карте Евразии появилось три государственных объединения кочевников — Джунгурское ханство в Китае и Западной Монголии, Хошутское ханство в Кукуноре и Калмыцкое — в Нижнем Поволжье. Эта была сила. Кочевья ойратов простирались от низовьев Волги до Великой Китайской стены и предгорий Тибета!

Многое из того, что было у приволжских калмыков, имело ойратское происхождение: красная порода коров, грубошерстная курдючная овца, неприхотливые и выносливые лошади, верблюды-бактрианы. Их исторической родиной была Джунгария, откуда в XVII веке люди со скотом и пришли в Нижнее Поволжье. В российских хрониках XVII века ойраты именуются уже калмыками. Сами они называли себя «калмыки с красной кистью» — ее пришивали к макушке головного убора в виде опознавательного знака. Калмыцким этносом они стали в пути. Этноним «калмык» (хальмг), обозначающий ойратов, переселившихся в Россию, стал самоназванием народа.

Вхождение в состав государства российского не было одномоментным, длилось полвека (до подписания «письменной шерти» — присяги 1657 года) и сопровождалось войнами и внутренними разборками. Между тем, калмыки уже перешли Яик и кочевали в верховьях Самары. Самочинное продвижение к Волге вызвало недовольство русской власти. Между ногайцами, поддерживаемыми стрелецким войском, и калмыками вспыхнули военные столкновения. Но тут активизировалось Крымское ханство, и в итоге, в обмен на военную службу и вечное подданство (хан Дайчин объявил себя холопом великого государя), калмыкам определили новую территорию кочевий. По правой стороне Волги от Астрахани до Царицына, по левой — до Самары.

Так на Нижней Волге возник новый «субъект» — Калмыцкое ханство. Это было

взаимовыгодное решение. Калмыки приобрели пастбища и вышли на новые русские, среднеазиатские и персидские рынки. А Россия получила надежного военного союзника, на долгие годы обезопасившего южные границы страны.

Калмыки исправно платили дань, получали жалованье от государя и сохраняли свое особое устройство жизни. К примеру, у калмыков не было крепостного права, и в русских документах XVIII века калмыцких простолюдинов именовали «вольными людьми» — в противоположность «холопам».

Все было хорошо, пока в 1771 году двадцатилетний Буши-хан не увел 160 тысяч калмыков из России. Тому были несущественные на взгляд русской власти, но оказавшиеся решающими для калмыков причины — судили людей не по калмыцким, а по-русским законам, нарушали договоренность — не давали воды, пастбищ, а главное — калмыцкие ханы всегда вели свое войско в бой сами, а тут появились командиры-иностранцы. И молодой хан увел калмыков в Китай. Тридцать три тысячи кибиток внезапно повернули на восток, прорвали заставы и ушли на свою историческую родину.

На берегах Волги осталась малая часть некогда большого кочевого народа. После этого ханство в Нижнем Поволжье было упразднено, а оставшееся население стало подчиняться русской бюрократической организации со смешным названием «канцелярия управления калмыцким народом».

В XIX — начале XX века калмыки несли службу в составе казачьих войск: Донского, Уральского, Астраханского, Ставропольского, Оренбургского... Выразительная фотография того времени: духовное лицо, калмыцкий лама с висячими усами — типичный донской казак.

К началу Первой мировой войны численность калмыков в Российской империи составляла 200 тысяч человек. Через шестьдесят лет не дотягивала до 140 тысяч. Что-то между тем и этим происходило...

День первый. Сегодня

В элистинском аэропорту меня встретил Арслан Эрдниев, внук знаменитого калмыцкого академика, педагога-математика, известного еще с советских времен. Его сын — тоже педагог-математик, доктор наук. И внук тоже, продолжает династию: преподает математику в гимназии. А кроме того работает в министерстве образования и пытается оживить в Калмыкии общественно-педагогическое движение, заглохшее в России лет двадцать тому назад.

По дороге из аэропорта Арслан накачивал меня разрозненной информацией, рассказывая про легендарную калмыцкую жару, про народ, уезжающий на заработки в Москву и на севера, — в республике остаются в основном бабушки да дедушки с детьми. В Калмыкии четырнадцать районов, полторы сотни школ, тридцать тысяч учеников.

Математика на шахматной доске

Въезжаем в Сити-Чесс. Арслан размещает меня в трехэтажном особняке Шахматной академии — детско-юношеской спортивной школы, подведомственной министерству. Турниров сейчас нет, народу никого, я один блаженствую в просторных апартаментах. Прогуливаюсь по тихому поселку — оазису с кустами роз, туями, тропическими деревьями, буддийским храмом и рестораном «Фламинго». Все это возникло полтора десятка лет назад — построили к Всемирной шахматной олимпиаде. Но уже чувствуются следы увядания... Коттеджи для размещения гостей со всех концов света скупают частные лица, Сити-Чесс, наподобие московской олимпийской дерев-

ни, превращается в микрорайон Элисты. За оврагом — обычный город, панельные облупленные дома с узорчатыми лоджиями (их называют «ташкентскими»). На исходе дня зашел в великолепный, словно из сказок «Тысячи и одной ночи», Дворец шахмат. В вестибюле на мраморном полу — шахматные фигуры величиной с подростка, винтовая лестница в несколько этажей ведет к стеклянному куполу. На стендах детские фотографии — «Шахматные надежды Калмыкии»: двенадцатилетние международные мастера, четырнадцатилетние гроссмейстеры. Выше — турнирные залы, флаги всех стран и народов.

Когда-то, подростком, я тоже ходил в шахматный клуб — старинный особнячок с балкончиком на Цветном бульваре сохранился поныне, — поэтому мне было интересно встретиться с калмыцкими ребятами и учителями-шахматистами.

С учеником 9-б класса гимназии поселка Комсомольский, вице-чемпионом Калмыкии Алиханом Алхастовым, я познакомлюсь на третий день поездки, но забегу вперед и дам ему слово здесь.

Умный, взрослый парень. Написал работу (я выделяю ее и разговор с девятиклассником курсивом, скоро объясню почему) *«Математика на шахматной доске»*. Эпиграфом ученик взял слова члена Лондонского королевского общества Г. Харди: *«...Игра в шахматы — это как бы насвистывание математических мелодий»*.

По мнению юного Алихана, в мышлении математика и шахматиста много общего. Не случайно чемпионы мира по шахматам — Эммануил Ласкер, Макс Эйве, Михаил Ботвинник, отчасти Гарри Каспаров, Михаил Таль и Анатолий Карпов — имели склонность к серьезным занятиям математикой. Девятиклассник Алихан, вице-чемпион Калмыкии, показал мне разделы своего исследования: «математика в истории возникновения шахмат», «математическое свойство шахматной доски», геометрия, графы, элементы комбинаторики — все на шахматной доске.

Этот серьезный мальчик благодарен своему Учителю (в работе так и написано, с большой буквы) — Очиру Дорджиевичу Мацаеву. «Он пришел к нам в класс, когда мне было 7 лет, и так увлеченно рассказывал о шахматах, что весь наш класс захотел заниматься. Но шахматы требуют очень много сил, не все выдерживают. Нас осталось четверо, но те, кто остались, до сих пор верны шахматам и нашему Учителю...»

Алихан считает, что шахматы помогают решать сложные жизненные проблемы — «это можно сравнить с выбором хорошего хода в шахматной партии в цейтноте», — развивают творческие способности, воспитывают волю, вырабатывают бойцовский характер. «Я, — говорит Алихан, — поставил себе цель найти связь между шахматами и математикой и считаю, что выполнил поставленную задачу. В дальнейшем я разберусь в том, что осталось для меня загадкой...»

Как строить дебют

Если бы люди действовали по правилам шахматной игры, а не занимались подковырными играми, мир был бы чище. Такого мнения придерживается Александр Абушинов — директор Шахматной академии. Под ее кураторством шахматы преподают по всей республике, это обязательный предмет в калмыцких школах, а дети общаются с ведущими шахматными сообществами в стране и мире.

В Калмыкии три гроссмейстера. «Они все наши», — сказал мне директор детской Шахматной академии.

Десять «звезд» проводят учебные сессии для юных шахматистов. Регулярно проходят турниры по быстрым шахматам, увлекательная республиканская олимпиада, которую придумал директор, соревнования детей с ограниченными физическими возможностями. Шахматы в Калмыкии образуют и воспитывают. Я попал в пересменку, поэтому могу только представить, как проходит личное первенство среди детей всех деревень, сел и трех городов Калмыкии. Соревнуются одновременно

мальчики и девочки в возрастных группах до 10, 12, 14 и 18 лет. Самая напряженная борьба — среди тех, кому нет еще и десяти. «Раз пришлось играть в девять туров, даже шахматного инвентаря не хватило», — сообщил директор.

Быстро растут дети, а с ними и мастерство. Есть совершенно уникальные создания. Одиннадцатилетняя Айса Сангаджи-Гаряева год как начала играть в шахматы и за это время умудрилась стать призером, а на первенстве республики по классическим шахматам в группе до 13 лет — победителем. У Александра Санчировича Абушинова немало знаменитых воспитанников, покинувших родные края. Одна звезда уехала в Тольятти, другой стал чемпионом Чехии, третий — международным арбитром в Стамбуле. А могли бы составить славу Калмыкии. В словах Учителя гордость за своих учеников, но и сожаление.

Уроки шахмат в общеобразовательных школах идут со второго по четвертый класс, а дальше детей смотрят в академии и рекомендуют заниматься индивидуально у определенного тренера.

«А как, по-вашему, шахматы влияют на ребенка? — поинтересовался я. — Лучше учатся по математике?» — «Не только по математике, — заметил Абушинов. — У ученика-шахматиста систематизируется процесс учения. Строить дебют, миттельшпиль, эндшпиль — все равно что осваивать новый учебный материал, выполнять исследовательский проект. Я брал в районе ребят, доводил до призеров республики, и они говорят: спасибо, благодаря шахматам я продвинулся, стал тем-то и тем-то» — «Они что, особенные, эти "шахматные" дети?» — «А вы понаблюдайте. Сразу же видно, что за люди. Обдуманно подходят к любому вопросу. Планируют. Разносторонне развиты. Я наблюдаю за детьми, знаю их с раннего возраста и вижу, что они не только чего-то достигли в шахматах, они и профессией овладели. И, главное, не грубияны, — подчеркнул директор, — воспитанные люди».

В шахматах ли дело? — думаю я. Но в Калмыкии они — часть культуры. Еще у ойратов, вычитаю я в трудах историков, были шахматные фигурки, которые вырезались из дерева и кости.

Примечательная особенность: в биографиях людей, с которыми я общался в Калмыкии, обязательно присутствовали две вещи: ссылка и шахматы.

Заместитель министра образования Ирина Дмитриевна Кавкишева, с которой мы встретились в первый же день, рассказала, что ее отца выселили из Калмыкии в годовалом возрасте. Дед погиб на фронте. Осталась большая семья — шестеро детей. У бабушки было пять классов образования, но она сумела всех детей сберечь, никто не погиб по дороге в Сибирь. Папа, еще в Сибири, мальчишкой, увлекся шахматами. «И матушкой своей, — рассказывала Ирина Дмитриевна, — был ругаем и бит за то, что "отвлекался от дел". Но он все равно бегал к учителю истории, и тот учил его шахматам».

Кончил школу, техникум, работал агрономом, рос по службе... Когда грянули девяностые и все рассыпалось, папа Ирины Дмитриевны, уже на пенсии, остался без всего — кроме шахмат. Позже сказал: «Если бы знала моя мама, *что* меня в жизни спасет!» Ведь он не только играл, но вырезал шахматные фигуры, изготавливал шахматные столики, а в те годы этого ничего не было — пользовалось спросом. Потом ушел в школу преподавать шахматы. Дети его безумно любили.

«И сейчас, слава богу, — говорит Ирина Дмитриевна, — он жив-здоров. И знаете, когда ему исполнилось семьдесят, его больше чествовали не как агронома, начальника оросительного участка, ударника производства, а как преподавателя шахмат».

Интересно, о чем думал первый президент Илюмжинов, когда строил калмыцкие Нью-Васюки? Есть разные версии. Может быть, считал, что шахматы приведут к успеху в образовании народа. Что они в истории, философии калмыков и поэтому надо их поддерживать? А может, это было просто личное сумасбродство?

«Но когда, — говорит Ирина Дмитриевна, — мы видим, как шахматы ложатся на нашу жизнь, то понимаем, что это был обдуманный шаг».

Отложенная партия

Впрочем, есть же свой, личный опыт. В шахматном клубе рядом с московским цирком, в особнячке с балкончиком, что я получил помимо шахмат?

Припоминаю: воскресным утром аккуратно одетый мальчик, с носовым платком в кармане, доезжал на тридцать первом троллейбусе до конечной остановки, ощущая волнение перед партией. В большой комнате уже стояли расставленные фигуры, шахматные часы, лежали бланки, на которых записываются ходы. Мальчики в чистых рубашках. Что-то в этом было, может быть, от синодального хора.

Я учился не просто логически мыслить, считать на несколько ходов вперед, проводить комбинацию, а побеждать. Да, пожалуй, если бы не эта кульминация — победа, шахматы ради шахмат меня бы не привлекли. У меня были не бог весть какие шахматные способности, просто был неглупый, способный в широком смысле мальчик, такие обыкновенно достигают определенного успеха в разных видах деятельности, но если становятся мастерами, — то в каком-то одном.

Шахматы не были для меня этим видом деятельности, на шахматной доске я, по-видимому, «проигрывал» какие-то личные качества, необходимые для другого: сосредоточенность (увы, при неумении быстро переключаться), усидчивость, терпеливость (далеко не во всем), трудолюбие (в том, что любишь). Проигрывая партию, я переживал, но не настолько, чтобы бросить игру. Я думаю, что это имело какое-то значение поздней, при преодолении жизненных трудностей.

А еще остался чистый носовой платок в кармане, может быть, понимание того, что нужно продумывать свои ходы и находить сильные ходы за противника, не рассчитывая «на дурачка». Приносить жертвы за инициативу. Взвешивать собственные шансы.

Иди в тень под дерево

Ирина Дмитриевна Кавкишева сделала педагогическую карьеру, прошла по ступенькам от учителя, потом завуча до заместителя министра. И вот, говорит она, иногда думаешь: а нужно ли это все — бумаги наши, циркуляры — школе? Не живет ли она по каким-то своим, независимым от нас законам?

Я вспоминаю вычитанную в одной умной книжке старинную историю. В конце XVII — начале XIX века в лесоводстве Пруссии пришли к выводу, что наибольшие доходы можно получить от норвежской ели, и стали выращивать ее, высаживая в армейском порядке деревья одного вида и возраста, а все остальное, что было в живом лесу, вырубали. Первая генерация «научного леса» дала превосходные результаты: росла прибыль, лесом было удобно управлять, но со второй начались трудности: исчезли подлесок, бурелом, сухостой — почва стала истощаться. В старом, смешанном лесу шторм валил деревья одного возраста, но могли устоять другие, эпидемия вредителей точила деревья одного вида, но выживали остальные. А в научно выращенном картина получилась совершенная иная — гиб весь лес. В немецком языке даже появилось специальное выражение: *Waldsterben* — «смерть леса».

Прошло двести лет, но вопрос остался. Чего мы хотим: простого, понятного «научного лесоводства» или сложного и разнообразного живого леса образования?

В перестроечные годы Ирина Дмитриевна работала завучем и хорошо помнит те романтические времена. Тогдашний министр, он был живой человек, приходил в школу и говорил ей: «Ну, что ты сидишь с детьми в кабинете у глобуса? Иди в тень под дерево, поговори с ними, посмотрите на небо». И она пыталась делать все, чтобы дети

вышли из душного, ограниченного четырьмя стенами класса. А министр приезжал снова и спрашивал: почему ты бегаешь с учениками в тесном спортзале? Иди на улицу. Но, отвечала она, сегодня же двенадцать градусов, санитарные нормы... «А, — говорил министр, махнув рукой, — иди на улицу!»

Мы с Ириной Дмитриевной сидим в ее кабинете в министерстве образования, пьем калмыцкий чай.

Первому президенту республики Илюмжинову уже за пятьдесят. Теперь он президент ФИДЕ со штаб-квартирой в Европе. Ирина Дмитриевна говорит про него, что это необычный человек. Пришел во власть в тридцатилетнем возрасте, был уже миллионером. Неординарная личность. Делал то, что другому человеку в голову бы не пришло. И самое удивительное — получалось. Вот же они, Нью-Васюки. И буддийские храмы возродил в Калмыкии.

Время было такое, размышляю я. В Якутии подняли науку и образование. А в Калмыкии — шахматы и хурулы...

В кабинет заглядывает профессор университета. Занимается этнопедагогикой. А нужна ли она сегодня? «У нее, — говорит про коллегу Ирина Дмитриевна, — акцент в речи и обороты такие, что мы, когда у нее учились, посмеивались. А потом поняли: это сохранилась родная речь».

В кабинете на стене — фотография народного поэта Давида Кугультинова. По профессии Ирина Дмитриевна — учитель русского языка и литературы, по призванию — завуч, по должности — заместитель министра. Калмыцкому образованию повезло. Всех директоров школ в лицо знает. Не то что на прусской картинке.

Калмыки боятся леса

Я думал, что с министром, к которому меня привела Ирина Дмитриевна, пойдет разговор официальный: стандарты, бюджеты... Но Лариса Борисовна Васильева — министр образования, культуры и науки, зампред правительства республики Калмыкия, женщина с необычной внешностью, не похожая на чиновницу — заговорила о другом.

«У калмыков очень мощная тяга к образованию, в частности высшему. Родители считают своим долгом дать ребенку высшее образование, независимо от социального статуса. Порой доходит до абсурда, когда продают последнее имущество, чтобы оплатить учебу сына или дочери в вузе. Конечно, иногда это бывает оправданно, если ребенок одарен и оснащен базовыми знаниями, полученными в школе. А уровень школьного образования в Калмыкии традиционно был высоким. Но меня беспокоит вот что: это стремление ведет к росту числа людей, призванных заниматься только интеллектуальным трудом, а традиционный уклад жизни калмыков предполагал непременно и физический труд, утрачиваются наши традиции, наше национальное миропонимание.

У нас осталось считанное количество мастеров-прикладников — резьба по кости, ювелирное дело есть (особая техника чеканки по золоту и серебру), кошму валяют, — но, как правило, их дети этим уже не занимаются. У нас, к сожалению, нет поселков мастеров, какие, по вашим рассказам, есть в Якутии. Но мы тоже идем к этому, создаем условия для возрождения традиций. Помню, еще лет десять-двенадцать назад исполнителей нашего народного эпоса «Джангар», сказителей-джангарчи, в республике было всего несколько человек. Но они научили молодых ребят, которые сегодня уже блистают своим исполнительским мастерством и обучают новую поросль».

И еще ее волнует:

«О периоде депортации в годы сталинских репрессий можно не читать книг, поговорите с любым калмыком и калмычкой — прошло по судьбе каждого. Тогда

кучками расселили калмыков по всей Сибири. Оторвали от естественной среды. Бросили туда, где калмыки никогда не жили. До сих пор — вы будете смеяться — калмыки боятся леса. Привыкли — степь: солнце, трава, все видно до горизонта... И генетически этот страх живет даже в детях. Я повезла сына в санаторий в Подмоскowie, он говорит: «Мама, мне страшно».

Когда наши мужчины попали в Сибирь на лесоповал, для них это был шок — откуда в степи деревья? Нечеловеческие условия жизни многих свели в могилу. Дед мужа был узником Широкага, вернулся инвалидом. У бабушки было одиннадцать детей, выжили только четверо. И по-русски же не говорили и не понимали. Хотя, знаете, удивительно: мой папа до сих пор по-доброму вспоминает сибиряков, их помощь. И в Казахстане, куда сослали калмыков, тоже было кого вспоминать добрым словом. Там находилась ссыльная ленинградская элита — моя свекровь, ее братья и сестры получили от них прекрасное образование».

Слушая Ларису Борисовну, я вспомнил уникальную закономерность отечественной истории: там, где политссыльные — всплеск грамотности. Тюрьма и ссылка — проверенный способ развития образования в России.

«Нам культура не позволяет»

Калмыцкая история втекает в русскую, но не всегда из нее вытекает. Дальним преемником Чингисхана в степях Калмыкии считался хан Дондук-Даши. В восемнадцатом веке он ввел беспрецедентный закон о всеобщем образовании для мальчиков. Не выполнить закон было нельзя — калмыки не имели тюрем, но налагались крупные штрафы скотом.

От Дондук-Даши произошли князья, помещики Дондуковы, Корсаковы... В русской истории нередко можно обнаружить «калмыцкий след». Взять хоть знаменитую «ледовую свадьбу», которую устроила царица Анна Иоанновна придворной калмыцкой карлице Бужениновой, для чего между адмиралтейством и Зимним дворцом в несколько дней был выстроен ледовый дворец. Карлица пожаловалась Анне Иоанновне: вот уж, матушка, годы идут, а мужа нету. Царица поглядела на двухметрового женатого гренадера и отдала карлице в мужья. У них были дети...

Подсчитано, что российские калмыки участвовали в шестидесяти малых и больших войнах, подавляли крестьянские бунты (порой участвуя в них), воевали с мусульманами, использовались в военных действиях за границей. Калмыки уральские, донские, запорожские, новочеркасские были рассеяны по всей территории России. А когда возникала необходимость, собирались в полки и доходили в сражениях до Парижа.

Екатерина II опрометчиво расселила немцев на территории калмыков. Те, кочуя, разрушали германские дома. Немцы стали вести военные действия, но все кончилось миром. Калмыки показали бывшим противникам грязи соляные источники, и немцы в бутылках отправляли лечебные воды в Германию. Вывезли туда и часть северных калмыков — дербетов. Жители Германии поначалу восприняли калмыков как призраков (те мчались на скачках со страшной скоростью), но спустя два месяца калмыки уже сносно изъяснялись по-немецки.

И никогда не теряли своего достоинства.

Лев Гумилев выделил два народа: калмыков и североамериканских индейцев, предпочитавших рабству смерть. Шапку калмыки «не ломали» даже перед царем, говорили: «Нам культура не позволяет».

У этого народа огромная тяга к образованию. Не знаю, насколько это верно, но говорят, что еще недавно в московских и петербургских вузах студенты-калмыки по удельному весу занимали второе место. Ходит байка, что, когда ректор МГУ В.А.Садовничий спросил, зачем вводите платное обучение, ему ответили: «А вы хотите, чтобы одни евреи и калмыки учились?»

День первый. Завтра

Кто знает, что будет? Уж точно не президенты и не учителя — носители завтрашнего не они. Догадки о нем можно почерпнуть только в одном месте — в детской голове, в ученических проектах, задуманных и осуществленных. Там, по моему, надо искать ростки возможностей, тропинки альтернатив.

Путешествуя по разным районам Калмыкии, я собрал кучу исследовательских и практических работ учеников, и мне бы хотелось, чтобы детские работы составили стержень этого повествования, стали одним из его пластов — «завтра». Вот, например...

Куда они чешут?

Необыкновенно интересное исследование провела ученица гимназии из г. Лагана Маргарита Покопаева (под руководством учительницы русского языка и литературы Е. Г. Горяевой). Работа называется «Сленг как форма самовыражения личности подростка».

Маргарита, что случается крайне редко, дружески приоткрывает для взрослых особый язык (а с ним — уникальный мир) человека переходного возраста — подростка. По моему, это все равно как если бы волшебник согласился раскрыть тайну волшебства. Конечно, что-то Маргарита взяла из взрослых книжек, где написано про молодежную культуру. «Это свой, ни на что не похожий мир. Он отличается от взрослого экспрессивной, порой даже резкой и грубой манерой выражать свои мысли, чувства; словесным абсурдом, который могут употреблять только молодые люди, смелые и решительные, вызывающе настроенные против всего мира и создающие свой неповторимый мир...»

Как образуется сленг, заинтересовалась Маргарита, откуда он берется? И обнаружила источники.

Компьютерные технологии («вирусняк», «глючит», «фотожаба»).

Компьютерные игры, видео, мультфильмы («гильда», «нуб» — начинающий игрок, «манчить» — повышать уровень, «раснуть» — оживить).

Музыкальная масскультура, не всегда хорошего вкуса («попса», «попсытина» — популярная музыка, «дарк» — тяжелая музыка, «свежак» — новая).

Иностранные языки («фифти-фифти», «пардон», «аллес-нормалес»).

Уличный жаргон, уголовная лексика («фраер», «мусор», «замочить», «грохнуть»).

Все это источники сленга. Проведя систематизацию, Маргарита составила таблицу школьного жаргона. В нем — названия школьных предметов («физра», «инглиш», «био»), оценок («параша», «двойка», «тройбан», «пятак»), содержание свободного времени учащегося средней школы («дискач», «скачки»), виды учебной работы («контроша», «домашка», «лабораторка»), различные действия, например, «чесать» (убегать), «тащиться» (получать удовольствие), «угорать» (веселиться), ну и, конечно, учителя («дирик», «физичка» и прочие).

Для чего нужен сленг? Маргарита и ее друзья, понимающие взрослые, отвечают: сленг делает речь более краткой, эмоционально выразительной. Служит опознавательным знаком, указывая, что этот человек принадлежит к определенной социальной группе.

А что касается языка подростков, то он далеко не всегда понятен учителям и родителям. Так и задумано: «зашифроваться» — ради сохранения автономии — от «чужаков», главным образом, старших.

Но вот что примечательно. Исследование Маргариты показывает, что наиболее развитые и толковые ребята менее склонны к употреблению сленга. Им претит

уродование родного языка. К тому же «успешных в учебе не так достают предки, и нет особой нужды шифроваться...»

Во всех школах всегда были такие слова, которые понятны любому человеку. И пока на свете существуют ученики, учителя и надоевшее всем до смерти, но продолжающее мурьжить детей классно-урочное обучение, будут, видимо, «домашки», «училка», «сменка»... «Сленг нельзя ни запретить, ни отменить. Он меняется с течением времени. Это часть языка, это игра, маска, попытка преодолеть обыденность. Сленг, конечно, не может быть основой национальной культуры, он сводит общение к примитивной коммуникации. Сегодня засилие сленга связано и с гипертрофией материальных ценностей, с резким делением общества на богатых и бедных, с меняющимися отношениями между людьми... Молодежь все чаще сталкивается с безразличием, грубостью, злостью, — пишет ученица. — А это приводит к протесту, он выражается и в повышенном использовании сленга при общении».

Но «общение со сверстниками, а также друзьями старшего возраста продолжает быть значимым», — подает нам надежду Маргарита.

От чего «тащатся», «угорают» наши дети? Куда они от нас «чешут»? И какую «шпору» заготовливают впрок на экзамен жизни?

День второй. Вчера

По сравнению с русской историей, в сених которой стоят злополучные грабли, на которые вечно наступают, калмыцкая история поучительна.

Это не значит, что потомки не повторяют ошибок предков, но мне кажется, они ведут себя более осмотрительно. Возможно, это особенность маленьких народов, которых угораздило поселиться рядом с разудалым большим. Впрочем, соседство бывает и полезным. Через историю малого народа можно лучше понять большой.

Бывали воинственные времена, когда калмыки не были тихими.

Начало калмыцкой военной истории в России

В Элисте мне подарили редкую книгу: «Военное прошлое наших калмыков» (изданные в 1912 году труды Ставропольской ученой архивной комиссии). Автор, русский человек, рассказывая о доблестных страницах военной истории калмыков в России, задается, по-видимому, очень тревожившим его вопросом: почему сильный, здоровый народ, имевший крепкую военную организацию, отважный, героически храбрый, с переходом за Волгу в какие-нибудь три столетия поник головой, погряз в пьянстве и вымирает? Автор приходит к выводу, что одной из причин *«были те нескончаемые войны, которыми сопровождался уклад гражданских отношений на Кавказе, куда судьба бросила калмыков»*.

Военное прошлое калмыков в России, о котором я узнал из этой книги и других источников, вряд ли стоит представлять в розовом цвете, хотя калмыкам есть чем гордиться. Издавна они считались блестящими воинами — хроники свидетельствуют, что в XV, кажется, веке некий ойратский хан с двадцатью пятью тысячами калмыков разгромил полумиллионную армию китайцев и захватил в плен императора.

В России калмыцкая военная история начинается с 1630 года, когда предки калмыков приходят в южную Сибирь, а затем в приволжские степи. Официально заявляют о себе, просят в подданство и с окончанием Смутного времени получают «жалованную грамоту» царя Михаила Федоровича.

В заволжских степях жизнь калмыков протекала бурно, в столкновениях с соседями, в раздорах между владетельными князьями. В первой половине XVII

столетия племена объединяются в «ойратский союз», а чуть позже, в 1672 году, на исторической арене появляется знаменитый хан Аюка.

Это был выдающийся воин и тонкий политик, его правление считается блестящим периодом калмыцкой орды в России. В первый же год правления он разбивает войско непобедимого Аблая, громит под Перекопом крымцев и берет в плен брата Азовского паша. Аюка-хан воюет за Уралом, гонит киргиз-кайсаков, покоряет туркмен Мангышлакского полуострова и «становится твердой ногой по обе стороны Волги».

Петр I устанавливает с Аюкой дружеские отношения и отправляет к нему посольство с просьбой охранять русские пределы. Между царем и ханом заключается договор, согласно которому калмыки сохраняют право добровольного вступления в русскую службу. У них свои обычаи, свое старинное знамя. Калмыки становятся пограничным войском. Русское правительство искусно пользуется военными услугами, прощая калмыкам мелкие провинности, грабежи и разорения, ласкает и награждает подарками. Калмыки были нужны России.

Павел I лично покровительствовал калмыкам, защищая от местных властей. Строго указывал подчиненному: «Повелеваю вам не вмешиваться никак в дела калмыцких орд, поелику хочу Я, чтобы оные зависели от Меня непосредственно, под опасением для вас, а в противном случае, лишение чинов и всего Моего гнева».

Павел предлагает калмыкам самим избрать себе начальника, быть независимыми от донцов, зависеть прямо от Государя, переписываться лично с ним. И ведь переписывались.

«Нашему любезному братскому иррегулярному войску.

Верность ваша и усердие, к Нам оказываемые во всех случаях, заслуживают Монаршее Наше благоволение, в знак признательности коего жалуем вам семь знамен...» Да еще своему генералу разъяснял, что на этих знаменах — крест, «а они, быв некрещеные, могут от одного быть в сумнении, то растолкуйте им (*«братским иноверцам»*), что сей крест до их веры совсем не касается, а находится на знаменах, принадлежащих гербу Нашему...»

Каково? Император Павел, говорят, был страшный солдафон, но по тонкости отношения к национальным вопросам сравнимо ли это с нынешними дуболомами?

Калмыки с эполетами

1812 год, манифест Александра I: «Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие свое внутрь России...»

Калмыки встают на защиту отечества. Быстро, невзирая на погодные условия и отсутствие дорог, собирают ополчение. Как и по всей России, вносятся пожертвования. Жертвовали «для пользы отечества» лошадьми, рогатым скотом, деньгами — и все сверх необходимого возвращалось обратно жертвователям вместе с благодарственной «Высочайшей грамотой Калмыцкому и Туркменскому народу». (Сейчас это кажется немислимым — представьте, что собраны народные средства, а излишек власть, не разворовав, возвращает с благодарностью людям!)

Воевали вместе с атаманом Платовым, Денисом Давыдовым, Кутузовым. Брали высоты, мосты, редуты. От отрядов калмыков, с диким криком несущихся на верблюдах, в ужасе, бросая пушки, разбежался француз. В течение всего похода калмыки сражались с удивительной стойкостью и мужеством, невзирая на примитивное оружие (далеко не у всех были ружья, чаще калмыки использовали лук и стрелы). Командование отмечало выдающуюся личную храбрость и бесстрашие калмыков-воинов.

Сохранились архивные свидетельства о непрерывных сражениях калмыцких отрядов под Дмитровом, под Волоколамском, в Рузе, при преследовании неприятеля

от Москвы к Смоленску, «имея по тракту непрерывные сражения», под городом Вильно, за границей — в Тильзите, «под командою генерал-адъютанта Кутузова», «в Берлине при вытеснении неприятеля и занятии оногo», «а равно в генеральном сражении под Бауценом» и далее, и далее — до Парижа...

Но что стало с калмыками после войны? Да то же, что и с русскими (часть которых вышла на Сенатскую площадь). Героев Отечественной обуздали. С 1825 года распространили на них крепостное право, чего прежде калмыки не знали (оно было отменено у калмыков на 30 лет позже, чем у других народов империи).

Главное же, действовала эта тревожившая автора книги причина, вследствие которой сильный здоровый народ за исторически короткий срок поник головой: «..надо отдать дань и калмыкам, которые в русское дело на Кавказе вложили все свои силы, всю душу и, может быть, эти именно войны, уничтожив среди них массу лучших людей, и сделали тот надлом в народе, который привел его на степень жалкого существования... Геройство — удел немногих, и война берет именно лучших людей, более крепких душою и телом».

Автор книги, изданной в 1912 году, заканчивает ее словами: «Прошлое минуло невозвратно. Но славные тени его призывают народ к будущему... С верой в свои силы и надеждой на поддержку русского народа калмык не сойдет бесследно с исторической сцены».

Написано в пору подъема России, развития экономики, народного образования, наделения правами и свободами — тем, что обеспечивает возрождение народа. И ни автор, никто другой не могли и помыслить, что всего через два года начнется Первая мировая, потом грянут революция, гражданская, голодомор, ГУЛАГ, сталинская депортация — и все будет сделано для того, чтобы целые народы бесследно сошли с исторической сцены.

И все-таки... Сохранился именной список храбрых калмыцких воинов 1812 года. Рядовые, командиры. Старшины, сотники, полковые писари. И автор этой удивительной книги, благодаря которой мы узнали о них, — Григорий Николаевич Прозрителев (1849—1933). Родился в Ставрополе. Учился на юрфаке Петербургского университета, «ходил в народ». Жил одно время за границей. Был писцом в государственной управе, преподавателем французского языка, физики и математики в гимназии, помощником присяжного поверенного. Пользовался безупречной репутацией. Автор книг, исторических исследований. По его инициативе в Ставрополе в 1906 году был создан музей Северного Кавказа. Просветитель, словом...

Старинную книжку, которой отыскалось два экземпляра, переиздали ротاپринтным способом. Поместили несколько фотографий. Ни на одной нет военных действий, все — мирные.

Губернатор, перетянутый лентой со звездой. Главный пристав кочующих народов. Калмыки в степи, едущие на свадьбу. И школа. За партами сидят по четыре ученика, мальчики и девочки — кто в сапогах, кто в ботинках. Учитель стоит среди детей. На школьной доске что-то пишет ученик.

Класс как класс: шкаф с пособиями, глобус, приборы. Часы на стене. Счеты на столе. Все, что нужно для образования...

День тот же. Сегодня

Рядом с правительственным домом в Элисте, где находится министерство образования, построили «Пагоду семи дней». Цифра «семь» не случайна, в буддизме она означает духовный рост, развитие, возвышение.

Мы с Арсланом Эрднеевым бросили монетку в священный барабан учения и отправились к главному храму города — Золотой обители Будды Шакьямуни. Увлека-

тельную экскурсию по ней провела для нас сотрудница национального музея, маленькая женщина Мария Балвыровна Доджиева.

Обитель, в которую мы прибыли, построена за девять месяцев и завершена в день калмыцкого Нового года. На этом месте когда-то находился домик священнослужителя, которого, как и других служителей, расстреляли после октябрьского переворота. Все храмы были уничтожены. Спустя шестьдесят лет, за год до строительства нового главного храма Калмыкии, приехал Далай-Лама XIV и освятил камень. Храм вышел грандиозный, самый большой буддийский храм в Европе.

Некогда у калмыков-ойратов была своя конституция, основанная на Степном уложении Чингисхана. Она запрещала уничтожение монахов и монастырей. В восемнадцатом веке всех мальчиков отправляли обучаться в монастырь. «Откосить» можно было, если заплатишь штраф «девятками» — три верблюда, три лошади, три коровы или овцы. Но людей не унижали, до середины девятнадцатого века калмыки не знали телесных наказаний. Казнили лишь в двух случаях — если не предупредил о неприятеле или сбежал с поля боя. А тюрем, как уже было сказано, вообще не существовало — какая тюрьма может быть для живущего в степи, в кибитке?

Арслан Эрдниев, как все калмыки, любит чудеса. Однажды, говорит, перед Золотой обителью фотографировал семью и получил на снимке фантомы. В особые дни, когда приезжают высокие учителя, то орел возникнет над солнцем, то серебряная радуга. Учение, считает Арслан, повлияло на менталитет калмыков: до буддизма были воинственным народом, а теперь — мирные, степенные, успокоились...

Вот и нам бы так.

Зашли в кафе, подзаправились перед дорогой: заказали «берек» — большие такие пельмени, калмыцкий хлеб «борцик» и, конечно, «джемба» — молочный чай.

Вчера, забыл сказать, подавали на обед «дотур» — вареные потрошки в бульоне — очень вкусно. Типичная калмыцкая еда — мясо, лапша, чай и молоко. Мясо понятно — скотоводы, а молоко потому, что в степи мало воды и она соленая.

Еще есть замечательное «блюдо для бедных», у кого нет собственных овец и они вынуждены пасти чужих. Пастухи оглядываются по сторонам, режут овцу хозяина, разделявают ее и набивают мясом пузырь. Потом закапывают в землю, разводят костер и ждут. Если прискачет хозяин, скажут — гремся. Через сутки бедные пастухи пузырь с мясом выкапывают — пальчики оближешь...

Часть II. Белая дорога

День третий. Сегодня

Не в ту степь...

Едем с Арсланом Эрдниевым и министерским водителем Валентином сто километров на северо-запад — в Кетченеровский район. Здесь самые чистые источники, единственная в Калмыкии возвышенность, Эргенинская, и единственное место, откуда видны экономические перспективы: строят мясокомбинат, огромный «мясной пояс страны». На степных просторах вольно пасется элитный скот. Калмыцкая красно-бурая порода коров быстро набирает вес, мясо получается «мраморное», с перемежающимися слоями мяса и сала.

Мы едем на возвышенность, там живет дядя Арслана. Необычная личность. Народный мастер, охотник, коневод, сказитель-джангарчи... «Еще он философ», — добавляет Арслан.

Дядя Арслана в Кетченерах «обнаружился» не случайно — там «культурное гнездо», наподобие тех, что встречаются в разных местах отечества. В Коми, скажем, село Помоздино, из него будто взрывом вышли все основоположники национальной

культуры, полярные исследователи, авторы букварей для детей и взрослых. В Якутии — знаменитая Татта. Кетченеры для Калмыкии — то же самое. Колыбель культуры. Здесь сохранился язык.

Слушая его, я подумал, что калмыки — такие же исторические переселенцы, беженцы из монгольской степи, как и саха-якуты. Только при Чингисхане они двинулись разными путями. Поразительно, но когда мой друг, известный якутский ученый Николай Бугаев, узнал, что я был в Калмыкии, то первым делом нарисовал мне на карте направление миграции якутов и калмыков и сказал с сочувствием: они не туда пошли, это была ошибка. Им надо было на север...

Не туда, понимаешь, пошли. Не в ту степь...

В роду Арслана, внука академика и сына профессора, все — образованные люди. И дядя, к которому едем, не только уникальный самородок, а образованный человек. «У калмыков страсть к образованию, — подтверждает Арслан слова министра. — Если человек образованный, считается, что умный, мудрый. Поэтому у нас все дети, окончив школу, поступают в институты».

«Все? — уточняю я. — А кто же на "малой родине" остается?»

В Кетченерах остаются. Овец больше, жизнь крепче...

Рейсовый автобус без капота

В отличие от людей, проклинаящих «лихие девяностые», Арслан считает, что они тогда жили в золотом веке. Республика была оффшорной зоной, через нее шли большие деньги, часть оставалась. Хотя к первому президенту Калмыкии относится без восторга. Какие после него остались следы? Молодой, хватка была — выбрали. А потом ему надоело, сказал: я человек Земли, мирового масштаба. И ушел в шахматы, в республике его уже не видно было.

«У нас в Элисте есть школа, — рассказывает Арслан, — откуда все выпускники двинулись во власть. Все — одноклассники: бывший президент, премьер-министр... С того времени сколько уж раз менялось правительство, а воз и ныне там. И вот, наконец, пришли к выводу: надо возвращаться к исконному скотоводству. «Калмыки, когда имеют скот, тогда они и людьми считатца могут, а когда ж онаго лишатца, то и сами ничего не стоят». Это заметил наместник Убаши в XVIII веке. Нефть глубоко, — развивает его мысль Арслан. — Люди в основном заняты мелким бизнесом: купи-продай. А скотоводство выгодно, за год вырастил быка. Но это чистое мясо. А переработка? То, что было в советское время — мясозавод и прочее, — разворовали. И те, кто это сделал, ездят на крутых тачках. Мимо степи...»

«У вас не бывает протестных движений?» — «Нет, не бывает...»

Застывшая в веках степь. Только вместо войлочной юрты-кибитки животноводческая стоянка с ветхим домиком и навесом-кошарой — «точка». Это еще хороший район, куда мы едем, газ есть, скважину прорубили, чистейшая вода. А во многих местах своей воды нет — привозят издалека.

Справа — лесозащитные чахлые полосы, давно уже не финансируются, сообщает Арслан. Зато есть мегапроекты. «Вот, например, — рассказывает он, — был суперпроект Волга-Чограй, «стройка века» — хотели, чтобы из Волги пошла вода. А в результате засохли реки. Сейчас новый проект задумывают — Черное море с Каспийским соединить и канал через Калмыкию пустить. Представляете, что будет?»

С экспериментами над природой страна родная, как и все человечество, никак не успокоится. Мне лично известен единственный удавшийся в отечественной истории хозяйственно-экологический проект. В девятнадцатом веке в Якутии, чтобы получить пахотную землю, жители слили большое озеро в Лену.

Арслана этот пример не воодушевляет. Навстречу нам, по дороге к «мегапроектам», мчится рейсовый автобус без капота, все наружу — мотор, прочее. Картина

страшноватая, но шофер лихо крутит баранку. «У нас тут бывает такое, — говорит наш водитель и добавляет про шофера автобуса: — Ну, отчаянный!»

Мы едем мимо степи, где пасутся низкорослые, крепкие лошади и овцы с жесткой шерстью. В Кетченерах, куда мы направляемся, прошло детство Арслана. Городскому ребенку в степи многое открывается. «Самое хорошее дело, — говорит он, — овец пасти. Классно...»

По дороге он тренирует меня в знании калмыцких родов. Предков здесь полагаются знать хотя бы до седьмого колена. Так что полное имя моего спутника звучит так: Баргс арвн Шишинга Шарин Мучкан Эрднин Пюрвян Батрин Арслнг... И кровосмешений не допускалось до седьмого колена. Невесту искали в далеких районах. Обычно муж не видел ее до свадьбы. Но о невесте знали. Когда рождалась девочка, за ней наблюдали, смотрели, как она растет...

Ну, вот мы и в Кетченерах — поселке с пяти тысячным населением. Прежде чем ехать к дяде (его дом на окраине райцентра), заглянули в гимназию имени Хонина Косиева — ученого-просветителя, автора первых калмыцких учебников 20-х годов (они сохранились в школьном музее). Что касается автора, то он был репрессирован и погиб в магаданской тюрьме. И первая учительница этой школы тоже была репрессирована. Типичная история культурных гнезд, откуда выходят основоположники...

В гимназии 461 ученик, некоторые дети участвуют в конкурсе фонда «Мемориал» — «Человек в истории». В других школах района изучают влияние федеральной трассы на экологию. Есть ученический проект: «Трасса как фактор загрязнения». Думают, как очистить...

Чуть не забыл: директор гимназии Замба Кушев — учитель музыки. Редкий случай: школьный директор — музыкант.

Когда поют, акцента нет

Естественно, для нас устроили концерт. В нем участвовали ученики 8-11 классов из вокально-инструментальной студии «Ингилян» («светлая дружба»). Исполняют ребята и учителя не только народные песни и произведения профессиональных композиторов, но и свои собственные. Поют здорово. Очень красивые девушки, прямо хоть на конкурс красоты. Мне, правда, запомнилась смешная ученица, неуклюжая, с полным личиком — а голос низкий, густой, берет за душу.

Дети спели песню о степи, написанную директором школы на стихи «поэта-возвращенца». В тридцатые годы, объяснили мне, этот человек уехал из Калмыкии в чужие края, но не смог там жить, вернулся. Перевод с калмыцкого на русский мне нашептывали на ухо: «...даже во сне я думаю, родина, о тебе, плачу. Широкая степь, она похожа на маму, которая вскормила меня молоком...»

После концерта расспрашивал юных исполнителей о жизненных планах. Подтвердилось: все поголовно идут в институты, университеты. С домашним хозяйством обстоит таким образом: у красавицы Герел (ее имя означает «свет») дома держат шестьдесят дойных коров и откармливают бычков. А у Баины (что значит «богатство») — ничего нет, мама культработник.

А кто, спрашиваю, доит коров? Ээжи, отвечают, бабушка. А по-калмыцки как говорите, как на родном или как на иностранном? Признайтесь по секрету, я никому не скажу. Смеются.

Школьный директор Замба Эренженович говорит, что это зависит от языковой среды. В песне, когда поют, русского акцента нет. А так — акцент. Так что не стоит преувеличивать, и в культурном гнезде — акцент.

Но все-таки в Кетченерах живы традиции, даже название переводится как «человек, который ухаживает за скотом». Села небольшие — по пятьдесят-шестьдесят

дворов, около двухсот пятидесяти человек. И уезжающие на заработки люди возвращаются, строятся здесь, уходят на пенсию. Мясокомбинат — перспектива для работы, но и сейчас не сидят сложа руки: занимаются на подворье, разводят в степи скот, мясо сбывается хорошо.

Может показаться: на дворе XXI век, а они живут, как в семнадцатом. «Производственная сила — пастух и овца. Овца ходит по степи и ест траву, а собака ее охраняет. Лучше не придумать, и, значит, нужен не прогресс, а застой», — заметил Лев Гумилев. И тут же разоблачил миф: никакого застоя в Великой степи не было, народы там развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах.

А что касается инноваций... В начале двадцатого века правительственные чиновники пытались было «модернизировать» калмыцкое хозяйство, заменить мясной скот молочным. На что поступили отчеты с мест с таким заключением: «Холмогорская молочная корова в калмыцких условиях будет давать столько молока, сколько и калмыцкая, если не сдохнет».

Но не всем же заниматься скотом, подправляет розовую картину захватившая в гимназию начальница районного управления образованием Инна Анатольевна Гургутова и поясняет: в Кетченерах нет инфраструктуры, разнообразия деятельности.

Это правда. Хотя — было бы желание...

Знакомые моего спутника Арслана, две подружки, создали в Элисте фирму, изготавливают рамки для картин художников. Другие ребята делают печати. Кто-то занимается предпринимательством. И в Москву не надо ехать. Еще есть знакомая — организовала группу временного содержания детей, преподает им вместе с подружкой английский, русский. Купила четырехкомнатную квартиру, у нее там прачечная и прочее. Развернулась — машину купила. Уверенность появилась! А до этого жила после развода с мужем одна на съемной квартире. Есть еще ребята — выпекают хлеб самого лучшего качества, пирожные. Все они смогли устоять, процветают. А другие — разграбили фермы, птицефабрики... «У нас, — рассказывает Арслан, — из Ставропольского края везут молоко и сметану. Хотя можно все это наладить здесь».

Можно...

В Кетченерах, может быть, не так здорово получается, как у его знакомых, но потенциал налицо. В личных подсобных хозяйствах работают 30—40-летние молодые люди. На животноводческих точках — ребята с высшим экономическим и юридическим образованием. Удивительно. Зачем им это? А представьте, объясняют мне, попадают ребята в Москву, Петербург, Саратов, оканчивают институт, а потом... приходят к пониманию, что это не для них. Не устраивает темп жизни, отношения между людьми, хотят жить на родине — и возвращаются. «У меня, — говорит Инна Анатольевна, — из трех детей двое вернулись».

Люди с высшим образованием пасут скот! Где это видано?

«Ну, вообще-то, для нас это естественно, — замечает Арслан. — Мы же кочевники. Съездил в Москву, на север, за границу, поработал, вернулся и опять поехал...»

«Белого пути вам», — пожелали нам в школе на прощание.

В гостях у дяди

«Мендут, здравствуйте!» — говорит он, встречая нас. Живет Дорджи Нандышев на окраине райцентра, в собственном доме, можно сказать, в деревне. Дядя Арслана — личность разносторонняя. Во-первых, охотник. У него пять норных собак разных пород, включая таксу. Охотится на зайца, степную лисицу, волка, шакала. Иногда, говорит, заходит кабан. Мех приносит только лиса, остальное — для души.

Во-вторых, он сельский хозяин. У него семьдесят овец («это мало», — говорит дядя), четыре лошади, четыре коровы. У курдючной овцы в районе хвоста запас жира:

когда бескормица, она, как верблюд, им питается. Раньше в калмыцкий чай клали курдючный жир, Пушкин попробовал, написал: «Не пробовал в мире гаже напитка», — смеется Дорджи Бадмаевич и жира мне в калмыцкий чай не кладет.

«Мы, — говорит он, — отошли от традиционного питания. Осталось только мясо. Раньше у людей зубы были хорошие — сахар не ели».

В-третьих, он, как и все калмыки, историк поневоле. Многие калмыки, рассказывает он, не приняли революцию. Но так получилось, что одни оказались на стороне красных, другие — на стороне белых. В конной атаке побеждал тот, кто быстрее летел на врага. А калмыки скакали на конях с разных сторон и, встретившись... останавливались. Сели, поговорили, разбежались. А их хотели столкнуть.

Наконец, дядя Дурджин — коневод и народный мастер. Занимается изделиями из конского волоса, выделяет кожу, шерсть. «Я на точке, стоянке чабанской, научился кнут плести, вот такой, — показывает. — Кто живет на точках, те умеют».

Раз услышал, что в Тугтуне дедушка плетет из кожи кнуты, уздечки — поехал к нему «на курсы усовершенствования» (понимал, что должен научиться, пока жив этот дедушка). А бабушка-соседка показала, как валять кошму. Еще человек, из другого села, научил, как выделять кожи, — шкуру замачивают в кислом молоке, счищают мездру... «Все, что ручное, — говорит Дурджин, — очень долгое дело, тяжелое».

Кроме того, он — потенциальный инноватор.

Туризм развивать надо, обсуждали мы с дядей, племянником и начальником районного управления образованием намечающиеся перспективы. Население Севера едет по федеральной трассе через Калмыкию на юга, в Сочи. Заезжают только в Элисту. А надо организовать что-то по пути и в стороне (дороги же есть, даже в селах — гравийка) — ну, хотя бы конные прогулки, ремесла. Это же элементарно. Один предприниматель двух верблюдов поставил — люди фотографируются... На охоту можно приглашать. Есть села, где выращивают лотосы. Сегодня туризм стихийный, а если продумать программу, организовать? Есть грязевые озера, в поселке Соленом, например. Достаточно поставить домик, нанять двух санитаров... «Эх, не предприниматели мы», — вздыхает дядя.

Подобные дела и создают зачатки инфраструктуры, рабочие места, разнообразие деятельности, которой не хватает кетченеровским выпускникам. Поэтому, размышляем мы, нужен проект, который складывает предпринимательские узлы, шаг за шагом. И школа, образование, могут быть активной силой. Можно даже подтянуть к проекту ребят с высшим образованием — с чабанских «точек».

Мы с дядей тут же набросали, что предложить туристам, едущим по федеральной трассе через Калмыкию «на юга»:

показ и продажу изделий народных промыслов;

охоту на лис, зайцев, на кабанов, на водоплавающих в камышах;

рыбалку (в степи много речек, рыба экологически чистая — сазан, карась, щука...);

разыгрывание (по примеру Якутии) калмыцкого героического эпоса «Джангар», выступления сказителей-джангарчи;

экотуризм — приезжают городские жители и погружаются в сельскую среду, в то, что возвращается; поесть с грядки, подойти к корове, попить молока...

Героическую эпопею «Джангар», подаренную мне Дорджи, я читал на русском языке в переводе Семена Липкина — признаюсь, это единственный эпос, который я прочел с начала до конца, испытал невиданную сладость от чтения. Эта книга прославляет подвиги героев страны Бумба, считается, пояснил мне дядя-джангарчи, что это наша страна. Дядя рассказывал мне о «Джангаре» под аккомпанемент двухструнной домбры (музыкальные инструменты — тоже для любознательных туристов), самого любимого и распространенного инструмента калмыков.

«Я сравнивал наш эпос с эпосами других народов. Что мне нравится, —

размышляет Дорджи Бадмаевич, — так это то, что у нас богатырь не всегда выигрывает сражение. Бывает, проигрывает. Ошибается. Как в жизни — всегда найдется кто-то, кто тебя умней, сильнее».

Дорджи ведет в гимназии кружок по ремеслам и традициям, так что он еще и педагог. Еще ведет в селе секцию по гиревому спорту.

Стемнело. «Лошадей не успел показать», — спохватывается дядя. Он берет в руки «Джангар» и подписывает мне книгу на старокалмыцком. У него несколько высших образований. Закончил биофак в Калмыцком государственном университете в Элисте, медицинский институт в Ставрополе, потом еще учился краеведению, природопользованию. «В нашей маленькой степи надо быть универсалом, — смеется он и добавляет: — это все нужно для воспитания не калмыка — человека».

Завтра

На обратной дороге в Элисту останавливаемся в степи. Ночное небо, звездное, густое, как калмыцкий чай. Ковш Большой Медведицы — прямо над землей, кажется, возьми и зачерпни.

Давайте зачерпнем из детских светлых голов. Вот пара ученических проектов...

Драгоценность Калмыкии

«Мы живем на берегу Каспийского моря, в Лагани, где постоянно дуют ветры. Наши земляки страдают от песчаных бурь, покрывающих пылью дома, деревья. Возле домов образуются песчаные заносы, которые мешают людям пройти к дому, детям трудно ездить на велосипедах. Зная эти трудности, мы решили исследовать проблему песчаных заносов. Нам хотелось найти способы защиты от них и таким образом помочь землякам».

Для этого Санал Катышев, ученик 8-б класса гимназии (его исследовательский проект называется «Ветер и песок в Лагани»; научный руководитель — учительница физики Мира Дермяновна Боваева) предпринял вот что. Он изготовил из пластиковых бутылок трубу, использовал различные парикмахерские фены — и провел эксперименты, определив скорость ветра, при которой начинает двигаться песок, и зависимость скорости песка от скорости ветра... И с помощью такого простейшего оборудования и законов школьной физики сделал удивительные выводы.

Например. *«Причиной песчаных заносов является передвижение ветром песчинок исключительно по поверхности земли. А значит, нет смысла, как это нередко делают, строить громоздкие сооружения. Ограждать путь необходимо только лишь от песка, несущегося по поверхности песчаных площадей — от поземок».*

Другое предложение восьмиклассника: строить улицы в населенных пунктах Калмыкии не абы как, а вдоль направления движения ветра.

Практические соображения, основанные на лабораторном эксперименте и умной голове.

Как остановить песок? Можно кустарниками, деревьями или заборами. Но какими? Проведя эксперимент, Санал доказал: *«заборы лучше делать с просветами, а не глухие».*

Ученика заинтересовали песчаные барханы: как они возникли? Почему их количество увеличивается? Откуда вообще появился в Калмыкии песок?

«Каспийское море отступало не раз и оставляло обнаженным песчаное дно. На этом дне и находится наша Калмыкия. Ветер — наш постоянный спутник. Причина ветра — разница давлений между морем и землей. Там, где встречаются песок и ветер, появляются дюны, а в пустынях — барханы».

Как «строится» бархан?

«Он начинается с небольшого песчаного бугорка, образовавшегося возле камня или растения, там, где ветер, несущий миллионы песчинок, замедляя бег, расстается со своей ношей. У такого препятствия постепенно возникает небольшой песчаный холм, который сам становится преградой для ветра. Если направление ветра сохраняется достаточно долго, то холм растет. Его наветренный склон делается пологим и вогнутым, а подветренный — крутым и выпуклым. Так возникает бархан».

А вот как бархан движется.

«По его отлогому склону песчинки, увлеченные ветром, поднимаются к гребню и скатываются вниз, на противоположную сторону песчаного холма...»

Физика Санала напоминает поэзию. Но вот неожиданный практический вывод:

«Песок на самом деле — ценнейший материал, он необходим при изготовлении бетона, асфальта и кирпича, строительного-дорожных материалов, которые используются во всем мире. Но запасы песка не бесконечны. Во Франции, например, песчаные карьеры почти исчерпаны, а рыть новые практически невозможно: либо оставшиеся залежи песка находятся в охраняемых заповедниках, заказниках, либо, затронув их, человек может погубить подземные водоносные горизонты. В других странах положение не лучше. Из-за добычи песка практически исчезли под морскими волнами 24 острова Индонезии».

Какой выход? Санал анализирует приводимые в литературе способы добычи песка и показывает, что практически все они нарушают экологический баланс. Отсюда рождается идея:

«В связи с этим можно назвать песок драгоценностью Калмыкии. Может быть, через несколько десятков лет у нас будут покупать песок за большие деньги другие страны...».

Ничего себе! Продавать пустыню? Хотя говорил же кто-то из великих по другому поводу: «Эта идея недостаточно безумна, чтобы быть верной».

Сайгаки спасаются бегством

Вот еще проект, вернее, ученическая подсказка к нему.

Регина Мукабенова, 10 класс, Черноземельский район, поселок Комсомольский.

«...В нашей степи живет антилопа-сайгак, древнее животное. 50 тысяч лет назад он жил бок о бок с мамонтами и шерстистыми носорогами. Это живое ископаемое. Их всего осталось 20 тысяч.

Летом и зимой сайгаки питаются травами. От морозов и буранов их тело защищено густой шерстью, волоски шерсти внутри пустые, с воздухом, и поэтому они очень теплые, как пуховики у людей. Сайгаки заранее предчувствуют буран, пургу, сильный ливень. Они постоянно в пути, пасутся на ходу, скусывают верхушки растений и бредут дальше. И в этом великая мудрость природы, которая позаботилась о том, чтобы животные не выедали в одном месте всю траву сразу.

Вожак — сильный, старый и опытный самец с могучими, красиво изогнутыми рогами. У сайгаков хорошее зрение и обоняние, а слух развит плохо. Они спасаются от врагов стремительным бегством со скоростью 80 км в час. При быстром беге сайгак держит голову низко и весь окутан облаком пыли, а зимой снегом...

Первые меры по сохранению сайгака в Калмыкии люди приняли более 360 лет назад. В 1640 году, вскоре после переселения из Джунгарии в низовья Волги, на совете ойратов-калмыков утвердили специальный закон о «зонах покоя» для сайгаков, в пределах которых запрещалось охотиться и выпасать скот.

Чтобы животные не вытаптывали траву, люди разводили овец, коров, верблюдов и лошадей таких пород, у которых копыта — как бы «на подушечках». Такими копытами скот только приминает травку, а она выпрямится.

У богатырей в эпосе «Джангар» обувь без каблуков с загнутым носком — чтобы не портить землю, — замечает ученица. — Нам надо не утратить их опыт...»

Вчера сыплется сквозь пальцы, как песок, и сегодня втекает в завтра. Дети подсказывают нам: мы, и никто более, отвечаем за то, что с нами происходит.

Часть III. Русский роман с калмыцкой концовкой

День четвертый. Вчера

Странное путешествие — получается: утром отправляемся из Элисты километров за сто, двести, а к ночи возвращаемся в шахматную гостиницу. Как будто участвуем в турнире, где между партиями — перерыв. Я попросил, если можно, не возвращаться, двигаться дальше. Обещали: когда заедем за триста километров.

Калмыкия в общем-то маленькая по территории в сравнении с иными краями. Маленькая, да чем-то притягивает, ни одна замечательная историческая личность мимо не проедет.

Говорящая география

Ни о какой части бывшего отечества (кроме разве Грузии) не писали так много русские, и не только русские писатели, как о Калмыкии. Отчего так? Из-за невеликого расстояния от столиц (все же не Сибирь). Или по пути на вечные военные передраги, на Кавказ, все равно не проедешь мимо калмыцких степей?

Пушкин целые страницы выписывал из трудов по истории калмыков монаха Иакинфа Бичурина и других авторов. И сказочка, которую рассказывает у него Пугачев в «Капитанской дочке», — калмыцкая. «Нет, брат ворон: чем триста лет питаться падалью, лучше раз выпить живой кровью, а там что Бог даст!» И: «Прощай, любезная калмычка...»

Но и до Пушкина писали, встречаясь с калмыками, если не в степи, так в Париже. Герой Отечественной войны 1812 года, поэт-декабрист Федор Глинка запомнил: «Я видел, как коня степного на Сену пить водил калмык, и в Тюильри у часового блеснул, как дома, русский штык!»

Гоголь в середине 30-х годов XIX века задумал книгу «Земля и люди», вписал для этой будущей книги параграф «Калмыки» и дал такую характеристику: «...несмотря, однако ж, на... бедность жизни, тощие и почти не производящие степи, калмык здоров, строен и гибок. Быстроглаз и видит далеко... Нравом гостеприимен и поделчив. В обращении ровен...»

Русский писатель и путешественник Василий Немирович-Данченко, брат знаменитого театрального деятеля, сравнивает калмыков с греками: «...эллинические юноши едва ли красивее боролись на олимпийских играх».

Илья Ефимович Репин, выросший в украинской слободе, заселенной калмыками, был свидетелем объезды диких лошадей. Запало на всю жизнь: «Калмык с лошастью — одна душа». Бунин, Паустовский, Смеляков — многие писали о калмыках. И все же, не в обиду русским писателям, наиболее обаятельно написал о калмыках француз, знаменитый автор «Трех мушкетеров» Александр Дюма, совершивший в 1858 году путешествие по России («От Парижа до Астрахани» и «Кавказ»).

День четвертый. Сегодня

В Национальной библиотеке в Элисте есть комната, куда родители приводят детей, и сотрудники библиотеки читают с детьми книжки и играют. Очень похоже на то, что я видел в Финляндии, в муниципальной библиотеке Эспо. Вообще, в Элисте замечательные музеи и библиотеки. Еще одна примечательная деталь: на уличных рекламных баннерах изображены лица. Не членов правительства или какой-нибудь партии, а Народного поэта, олимпийского бронзового чемпиона по греко-римской борьбе... «А это наш учитель. А вот, смотрите, смотрите, наш ученик!» — показывает мне лица на баннерах Светлана Ивановна, учитель истории и обществоведения.

Мы ездим по учебным заведениям — тоже вроде путешествия.

Ищем принцесс, бабушек и сестер

В вестибюле калмыцкой национальной гимназии я не заметил флага и гимна (которые наверняка там были), но увидел десять «белых добродетелей», ежедневно встречающих ученика.

«Не убивай, но уважай жизнь».

«Не лги, говори правду бесстрашно, но дружелюбно».

«Не трать времени на болтовню, говори о деле или молчи»...

Не знаю, у всех ли получается соблюдать заповеди, написанные на русском, калмыцком и старокалмыцком языках. К их освоению в гимназии относятся с чувством юмора.

Во время беседы с учителями подошли гимназистки, надели мне на шею «хадк» — белый шарф, символ чистоты, и поднесли чашку калмыцкого чая. О ритуале приготовления и поднесения чая рассказывать не буду, но девочки, которые мне это продемонстрировали, считают, что стоило бы соблюдать эти правила и сегодня. Почему бы нет? Общеизвестны народы, которые строго придерживаются чайной церемонии, и это не мешает их бурному развитию.

«Вообще, девушек у нас всегда хорошо воспитывали, учили правилам поведения, готовили стать хранительницами очага. И мы, — говорит директор гимназии Екатерина Николаевна Ченкураева, — решили продолжить традицию и создали нойхна сургаль — «школу принцесс»».

Школу открывала известный в Калмыкии этнопедагог, профессор Мукаева. Пригласили знаменитых калмыцких артистов, художников. Приехали соплеменники с исторической родины. «Среди них — наша принцесса, потомок джанханской династии, полковник китайской армии, ее зовут Сувен, что означает «жемчужина» — «Молодая?» — «Нет, уже в летах. Но дети видели, какая у нее осанка, какая прямая спина, как держится — сразу видно: человек благородных кровей. И армия, я думаю, помогает».

А самое главное, — продолжает директор, — в нашей гимназии действует институт "эйч" — бабушек. Вот есть же проблема, вы сами заметили: прабабушки говорят дома по-калмыцки, бабушки наполовину — только с мамами и папами, а те с детьми уже по-калмыцки не разговаривают. А мы попытались создать калмыцкую семью: дети, мамы, бабушки-эйчи. Эти эйчи приходят в школу, в сад и рассказывают на калмыцком языке сказки, играют в игры, в которые когда-то сами детьми играли. Среди них есть и бабушки с педагогическим образованием, которые к тому же могут и спеть, и станцевать. Но сейчас таких бабушек трудно найти, вы же понимаете, зарплата учителя небольшая. Поэтому мы ищем сестер — эгче. Сестру легче найти — наш университет готовит кадры учителей родного языка».

Бабушка калмыцкой этнопедагогике

Тут мы ненадолго покинем гимназию и заглянем в Калмыцкий государственный университет, на кафедру педагогики, где работает первая в республике калмычка-профессор Очир Джогаевна Мукаева.

Народная педагогика пережила немало. Сотрудники лаборатории, которой заведует Очир Джогаевна, рассказывали, как во время депортации, в декабре сорок третьего года, от людей требовали уничтожить, сжечь национальную одежду, музыкальные инструменты, книги. Но несколько человек, русских людей, сложили запрещенные вещи в ящик, заколотили и написали на фанерной крышке, что это не калмыцкие, а казахские вещи (с риском для собственной жизни — если бы узнало НКВД, этих людей расстреляли бы), и таким образом сохранили кусочек национальной культуры.

То есть не только калмыки, но и русские, и люди других национальностей, которые тут жили, спасали, поддерживали калмыков. Когда люди разных культур поддерживают друг друга, получается поликультурное достояние. Не в каких-то там лозунгах, в обычной жизни. На Северном Кавказе, в Дагестане, любят пить калмыцкий чай. А вот Петру I возглас калмыков «Ур-ра» понравился, и он подхватил его. До того, в битве под Полтавой, русские кричали «Виват!». А калмыки — «уралан» (вперед), в бою коротко — «ура». Но в силу перепетий судьбы калмыки многое утеряли: военное искусство, степь, ремесла, верблюдоводство, родной язык...

«Бабушка калмыцкой этнопедагогике» профессор Мукаева считает, что этнопедагогика — это наука даже не о возрождении и развитии, а о спасении народа. В государственном университете в Элисте по-калмыцки свободно говорит один только ректор Бадма Салаев. Его здесь называют опорой, надеждой и спасением языка. Задумались: как сделать, чтобы другие заговорили? Личным примером только? Нет. Решили попробовать через буддизм. Через молитвы на родном языке. «Я говорю студентам, школьникам: ты молишься по-калмыцки — ты должен знать язык. Я умру, кто продолжит? Язык это главное, — считает профессор Мукаева. — Как научить говорить так, как говорит Бадма? И как от этнопедагогике, монокультурного, перейти к поликультурному, к освоению культур других народов? Мир один, а народы многообразны. Мои калмыки, мой внучонок будут жить в многомерном мире. Но основа все-таки — родной язык, без которого невозможно национальное самосознание».

Лаборатория в Калмыцком университете, кстати, возникла по инициативе удивительного человека, с которым меня в конце его жизни связали какие-то особенные, близкие отношения. Геннадий Никандрович Волков был основателем этнопедагогике как науки и последние годы жил и работал в Калмыкии. В Элисте будет открыт научно-образовательный центр имени академика Волкова, установлена памятная доска на доме. Съедутся ученики из разных краев России и мира...

Все в голове

О родном языке думают не только бабушки и дедушки.

Виталий Боков — молодой человек, лидер общественной организации «Иткыл». Выпускник петербургского университета. Один из тех ребят с горящими глазами, которые, как рассказывал мне Арслан Эрдниев, не ждут помощи от государства, а сами действуют.

«У меня, — искренне произносит Боков то, что другие стесняются произносить вслух, — с детства была любовь к своему народу. У меня все было — престижная работа, квартира. Но любовь моя... В семье со мной говорили на русском языке. Я выучился, окончил школу, стал заниматься народными традициями, историей, меч-

тал джангарчи стать, сказителем. В студенческие годы организовал для ребят группу по калмыцкой борьбе. Потом переехал домой. И вот уже несколько лет моей основной деятельностью является "Иткыл", который денег не приносит, но это — любовь».

Ничего особенного они, кажется, не делают. Собирают творческих людей. Изучают язык, традиции, деяния предков, привлекают внимание общественности к тому, что происходит в Калмыкии сегодня. Культурно-просветительское общество на фоне наступающей пустыни и угасающего языка.

«Идея "Иткыл" в трех буквах, — расшифровывает Виталий абривиатуру: — И — вера, Т — любовь — к степи, народу, языку, К — единство всех калмыков». Главное — вера. Отсутствие веры в собственный народ мешает восстановить язык, поднять экономику. Ограничение, оно в голове, понимаете?» — говорит лидер молодых образованных калмыков.

В их сообществе люди разных профессий, их объединяет желание пробудить любовь к своей земле. А язык — способ выражения этой любви. «Люди находят кучу причин, чтобы не учить язык. Если бы было так, что на работу нельзя устроиться без калмыцкого языка, за два дня бы выучили. А ведь язык — это же клад: народное творчество, то, что написано замечательными писателями, без языка этого никогда не прочувствовать. Калмык никогда не поймет энергетику, дух воина, не прочувствует своего потрясающего национального эпоса, если не знает языка. И эту пустоту заполняет чем угодно. Нет духовной опоры...»

Молодой человек — идеалист, конечно. Но ведь именно такие возрождали мертвый язык иврит, создавали первые киббуцы в Израиле. А чем калмыцкая пустыня хуже ныне цветущей — той?

«Что-то он мне бормочет, я не пойму»

Но вернемся в гимназию.

В первой половине дня уроки на родном языке: калмыцкая литература, музыка, изобразительное искусство, труд. Математика преподается по учебнику академика Эрдниева на двух языках: одна страничка задачника по-русски, другая — по-калмыцки. Физика на русском. В старших классах все на русском и английском.

Некоторые предметы изучают циклически: основы буддизма, например, — в шестом классе и в одиннадцатом, когда уже созрели. Калмыцкую письменность осваивают с третьего класса по седьмой. Шахматы — с первого по пятый. Народные танцы и песни — после обеда...

В гимназии есть и дошкольная ступень, куда набирают с двух с половиной лет, создавая среду родной речи. В Элисте есть национальный детский сад и около трех десятков дошкольных групп, где погружают в национальную культуру. Позже мы заехали в садик, во дворе которого стояли плетень, кибитка, скульптуры знаковых животных Калмыкии. В саду есть семейный клуб для молодых родителей: вместе с детьми они учатся родному языку, традициям, воспитатели консультируют их перед праздниками, как печь лепешки, какие обряды соблюдать. Ведь дети приходят из сада, что-то узнали, а родители не понимают. Говорят воспитателям: «Что-то он мне бормочет, я не пойму». Дети тянут за собой родителей. И так со ступеньки на ступеньку.

«У нас в городе, — рассказывает директор гимназии, — есть национальный театр, он взял нас под свою опеку. Поэтому дети прекрасно танцуют, выезжали в Китай, Испанию, в этом году — в Польшу. Они там были так удивлены, подходили, фотографировались...»

Предки и потомки

Урок в девятом классе был подготовлен специально для нас, но не в этом дело. Важно, что происходило.

«Как вы знаете, — говорит учительница, — в 1812 году калмыки выставили несколько полков, два из них — астраханские, под началом князей Джамбо Тундутова и Серибжаба Тюменя. В нашем классе учатся потомки участников той войны».

И вот выходит девочка и рассказывает про своего дальнего предка, сотника, есаула Манка Талтаева, героя Отечественной войны. Его фамилия значится в Указе императора Александра I, а орден Святой Анны III степени вручал ему сам Кутузов.

Потом мальчик рассказал о своем предке Беренкине Йондоне, на той войне он был рядовым. «Представители нашего рода пожертвовали сто тысяч рублей на памятник Беренкину. Ведь это очень важно — сохранить память».

И так многие дети выходили к доске и рассказывали о своих предках из далеких времен. Просто рассказывали...

Материальных памятников того времени в Калмыкии не сохранилось, за исключением Хошеутовского хурула в селе Речном, это теперь Астраханская область. Храм построен после войны 1812 года в память героев. На каждом кирпиче стоит родовая печать полководца, князя Тюменя: выпуклое изображение луны со стрелой.

У каждого в семье оказалось что-то личное из истории своего народа — что-то, что за скобкой федерального стандарта патриотического воспитания.

Женихи и невесты

Со второго класса дети учатся играть на домре. В четвертом осваивают обычаи сватовства. Дети показали, как это происходит. (Замечу в скобках, что в прежние времена брачная практика калмыков была необычайно разнообразна: был, например, «покупной» брак, брак «отработкой», обменный брак, утробный или колыбельный сговор, брак умыканием и прочие.)

Девочки («хозяева») сидят за столом. К ним приходят мальчики («гости») с подарками. В коробочках: мясо, сласти, мучные изделия. Невеста подает чай. Гости обращаются к хозяевам по-калмыцки с благопожеланиями. «С чем пожаловали?» — лукаво спрашивают хозяева. «Наш сын, — отвечают гости, — любит вашу дочь. Мы хотим взять ее ему в жены». Здесь учительница поясняет детям: в старые времена у невесты не спрашивали согласия. «Ну, тогда, — отвечают хозяева, — мы согласны».

Гости выкладывают подарки и гостинцы. Потом благославляют жениха и невесту. После этого хозяева и гости договариваются, сколько и чего конкретно надо принести на свадьбу. Поздней пойдут в хурул и определят «благополучный день» для свадебной церемонии. Оденутся соответствующим образом: у каждого рода есть свои цветоталисманы, и каждая девочка знает, какими цветами убраться. Знает, что заплетать надо одну косу, две — знак замужней женщины.

В конце все танцуют и поют. На меня обычай, разыгранный четвероклассниками, произвел впечатление.

Русская школа

Едем в русскую школу имени Сергия Радонежского. Большое современное здание с высокими ступеньками. «Добро пожаловать!» — написано на фронте по-русски и по-калмыцки. Встречали меня тут русским караваем и калмыцким чаем. Здесь интересуются не национальностью, а индивидуальностью. С четвертого класса ученики участвуют в олимпиадах по математике, шахматам, родному языку, выпускники поступают в лучшие вузы страны — МГУ, Бауманский. Институтские препода-

ватели читают лекции, проводят с детьми занятия, очень много кружков, вообще видно: школа работает!

В школьном музее русской культуры, по которому меня водила восьмиклассница Света Курдюнова, я обратил внимание на «писало» — старинную палочку для письма, вырезанную из березы, которая в Калмыкии не растет. Пролистал народный календарь с выразительными местными названиями месяцев: сентябрь — хмурень, ревун, зоревник, октябрь — листопад, грязник, декабрь — стужало... Здесь как-то органично сочетаются иконостас от патриарха Алексия II и подарки друзей из Тибета.

В актовом зале ученики показали слайды из жизни школы, а потом устроили концерт: 5-й «д» пел калмыцкие песни, здорово отплясывал казачий танец. Калмыцкого языка ребята не знают, но кричат «шаваш!», подзадоривая танцоров.

После концерта поинтересовался у старшеклассников, чем, по их мнению, отличается эта школа? Ответили: отношением учителей, атмосферой всеобщей доброжелательности. Куда собираются после окончания? В журналистику. В школу милиции (девочка). В психологию, археологию, лингвистику, инженерами на производство, которого в стране пока нет, но...

И калмыцкая гимназия, и русская — школы светские, священники здесь не преподают. И мне показалось, что главное в этих учебных заведениях — воздух и гуманистическая почва, которая уж не знаю каким образом сохраняется в наше время.

«Одна задачка — никуда не годится...»

Сопровождающий меня в поездке внук привез наконец к своему знаменитому дедушке, старейшему, еще со времен АПН СССР академику, педагогу-математику Пюрвя Мучкаевичу Эрдниеву. Хотя ему девяносто два года и он инвалид войны, недавно еще читал лекции в университете.

— Вы в начальной школе работали? — спрашивает меня.

— Нет.

— Жалко. Повозишься с ними, семилетними, восьмилетними — многое поймешь.

Обычно бывшие фронтовики учились на заочном отделении, а Первя, несмотря на то, что жена еще кормила грудью их первенца, пошел на очное. На войну он уходил из здешнего педучилища, а после войны продолжал образование в Барнауле, потом в Ставрополе работал в пединституте («Тогда же калмыки были сосланы, — говорит он, — перемещение было ограничено»), когда стало возможно — в Элисте. Потом, — продолжает рассказывать свою биографию Эрдниев, — в Академии наук слушал лекции академика Анохина — ученика Павлова. Защищался уже в Москве. Разрабатывал основы проблемы противопоставления.

«Условный рефлекс возникает на основе двух раздражителей на небольшом временном промежутке. Мозг работает, когда сравнивает, когда включается механизм сопоставления. Отсюда я сделал вывод, и это есть в моих учебниках: сложение и вычитание надо изучать вместе, на одном уроке. То же самое дифференциал с интегралом. Минимум две задачи — прямая и обратная. Пара задач — пара раздражителей. Прямая и обратная теоремы», — убеждает меня, как когда-то своих оппонентов, Первя Мучкаевич.

Сколько прошло лет с того времени. Теперь это классика — эрдниевские «укрупненные дидактические единицы», азы методики: на одном уроке дети осваивают сложение и вычитание, прямую и обратную теоремы. А ведь еще и сейчас во многих школах России изучают по отдельности.

Я спросил, как ему удастся так хорошо выглядеть в его возрасте. «Основное тут», — показал он рукой на голову.

(Окончание следует)

Анатолий Цирульников

Страна между двумя берегами

Калмыцкая сказка

Часть IV. Черные земли

День пятый. Сегодня

Южнее излучины Волги, как сообщает Лев Гумилев, «лежит равнина, называемая Черные земли, ибо зимой тонкий зимний покров мешается с пылью и бывают черные вьюги. Эта степь с юга ограничена Тереком, который даже в нижнем течении внушает пусть не страх, но уважение...»

Мы едем с Арсланом по компасу Гумилева — на северо-восток.

Потомки отстаивают школы

Район называется Черноземельским. Через него гонят нефть, и за это, говорит Арслан, нас одаривают. «Чем?» — спрашиваю. Он машет рукой. Ну, чем могут одарить сельские школы, в основном маленькие, бывает всего по двадцать-тридцать учеников? Но Калмыкия знаменита тем, что это единственный из регионов России, который не перешел на «подушное финансирование». Поясним для читателя, не знакомого с этим «изобретением» модернизации: школа теперь получает средства в зависимости не от качества преподавания, а от количества учеников, что в значительной мере способствует уничтожению сельских школ, а с ними и деревни.

Уж как калмыкам удалось вылезти из петли удушающего подушного, не знаю, но потомки героев 1812 года отстаивали школы, которые должны были исчезнуть.

Притом это не север — разброс между населенными пунктами не более ста-двухсот километров. Поселковые дороги плохие, но у многих — газели, уазики... «Мы, — посвящает меня в здешнюю педагогику Арслан, — не пошли на поводу федерального министерства, ни одну школу не сократили. Только структурировали. Если в школе семь учеников — она становится отделением большей школы. Одним словом, «реструктуризация». Черт, слово-то какое, само за себя говорит, русский язык не обманешь. Развивать надо детей в школе, господа, а не подсчитывать, сколько их.

Когда-то в архивах я нашел рассуждения членов комиссии Государственной думы 1915 года о том, что не только государство и общество влияют на школу, но и устройство самой школы оказывает влияние на государственную и общественную жизнь. Пришло в голову это им во время войны. «Война, — замечали депутаты

Государственной думы, — это "огненный экзамен", который держат перед лицом истории различные системы воспитания, обучения и образования».

Анализируя ход Первой мировой, в думе делали сопоставления. Детский сад кайзеровской Германии, который шумит, только когда это дозволено расписанием, двигается, когда раздается команда, играет, когда на дощечке значится: «Игра», — и механический сомкнутый строй германских колонн, расстрел намеченных районов по квадратам, армия-машина, торжество государственного начала над личностью. «Deutschland uber alles» («Германия превыше всего»), система обучения, блестяще формирующая рационализм, рассудочность, рассудительность в ущерб жизни сердца — и чудовищные зверства на войне, отсутствие жалости и сострадания к ближнему... Задавали непривычные для государственных деятелей вопросы: какова связь между миллионными армиями Англии, формируемыми из добровольцев, и пестротой английских школ, предоставленных компетенции местных самоуправлений? Наличием в английском языке одного слова education, объединяющего «обучение» и «воспитание», и частого употребления приставки self («само») — self-government — самоуправление, self-respect — самоуважение, self-control — самодисциплина?.. Английское «само» рифмуется с калмыцким.

«В России, — говорит Арслан, — демократии никогда не было. Но когда Петр I просил калмыков подготовить десять тысяч всадников, те очень быстро собирали их по селам. Не было воинской повинности. Не нуждались в муштре. У каждого калмыка была своя лошадь, своя сабля, свое ружье. Это решало исход боя».

Вот бы сегодня так на мирном фронте, думаю я.

Мишель Жульен, чистая калмычка

«У нас сегодня в республике, — подсчитывает Арслан, — примерно сто пятьдесят тысяч калмыков. А во всем мире — около миллиона. Пятьсот тысяч живет в Китае, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В свое время разработали программу возвращения ста тысяч калмыков на родину. Но проект не пошел, потому что желающих сюда перебраться почти не нашлось. Разница большая, — говорит Арслан. — Даже не в уровне жизни — в отношении к человеку. Китайские калмыки живут в новых двадцатипятиэтажных домах и при этом сохраняют традиционный образ жизни: летом кибитки, зимой — дома. У них сохранилось вертикальное письмо, старокалмыцкая письменность. Ученые, учителя оттуда приезжают к нам преподавать».

Приезжали калмыки и из Америки — много вывезли наших невест. Французские калмыки оказывали нашим медицинскую помощь. Но это поколение калмыков в разных местах мира уходит, а у молодежи уже такого тяготения к Калмыкии нет. У нас была инициатива — в девяносто седьмом году хотели собрать всемирный форум калмыков. Чтобы приехала молодежь — увидеть свои корни. Но не вышло. Указ почему-то не подписали». — «А если снова попробовать?» Арслан пожал плечами.

Нормальные люди в двадцать первом веке собирают не земли (это делает власть со средневековым мышлением), а мозги и здоровый генофонд. Калмыки разыскивают в зарубежье родственников, особенно тех, кто эмигрировал после Второй мировой войны. В Америке есть город Хауэл, рассказывает Арслан, там компактно проживает калмыцкая община, есть хурул. «Самое интересное: они сюда за невестами приезжали, так что их жены из Калмыкии».

И во Франции живут калмыки.

«Мой брат родился с врожденным пороком сердца, — рассказывает Арслан. — Когда приезжали соотечественники, моя мама познакомилась с французенкой калмыцкого происхождения, Жульен. Она оказалась кардиологом, пригласила моего брата во Францию, сделала операцию — спасла. Мишель Жульен — чистая калмычка, потомок эмигрантов, которые в Первую мировую попали во Францию и остались там».

Потомки уже ее поколения — «болдыр», помесь. Они хотели моего брата женить на «болдырке», дочке Мишель Жульен. А у него здесь была девочка-калмычка, и он не остался. У нас много там земляков. Жан Джоркаев, футболист французский — калмык».

В долине плоской, как доска

Степь до горизонта. Одинокое деревце рельефно выделяется на однообразном пейзаже. Степь местами еще зеленая. Но уже осень. Немного кустарников, красноватая почва. Стада точками далеко вдали. Овечья отара — как белые камни. Птичий клин над степью слагается в геометрическую фигуру. Одиноко парит ястреб. Редко блеснет — вроде вода. Приблизись — белая гладь высохшего озера. Солончак.

О калмыцкой степи емко, выразительно сказал поэт Семен Липкин:

В долине плоской, как доска,
Чернеют овцы и собаки —
Начертанные кем-то знаки
Неведомого языка.

За два с половиной часа догнали до райцентра.

«Мы живем во времена исчезающего на глазах вида», — так охарактеризовал ситуацию в районе замглавы Александр Борисович Шагаев. Я вздрогнул, подумав, что это он о нас.

Нет, пока о сайгаках. Двадцать человек — «сайгачий отряд» — пытается охранять древнюю степную антилопу от браконьеров, но ее численность все равно сокращается. Раньше земли, где живут сайгаки и люди, считались отборными, здесь никогда не было снежного покрова, поэтому сюда на зимовку перегоняли скот. Теперь Черные земли превращаются в единственную в Европе пустыню. «Но мы, — говорит замглавы местной администрации, — не рассчитываем на помощь. Собираем семена песчаного овса и высаживаем. Мы тут живем...»

Калмыки перестали быть кочевниками, но все же в степи можно обнаружить людей, рассказывает он, которые живут на автономном обеспечении. Взяли пропеллер от самолета, два аккумулятора — и свет есть. Выкопали колодец. Мимо идет газ — поставили котел в степи.

Калмыцкая порода скота — своеобразная. «У нас раньше особый скот был. Копыта имели такую структуру, что не вытаптывали растительного покрова. А в годы репрессий мы потеряли наших овец. Сюда завезли других. А плодородный слой — двадцать сантиметров; если больше снял — все: песок, пустыня...»

В то время как на глазах одного поколения степь превращается в пустыню, в правительстве рассмотрели десятки проектов ее преобразования. И сейчас рассматривают. «А пока мы все проектируем, рассматриваем, сколько сайгаков погибло...»

Разговор наш проходит в школе, в коридоре которой — картинная галерея. Написанная местными художниками история народа. «Сибирские морщины», «Выселение», «Мать-земля» (на картине изображена старая женщина, вернувшаяся после ссылки на родину). Портреты известных сказителей-джангарчи, иные, как Мукебен Масантов, погибли в сибирской ссылке.

— Дети из ученического научного общества «Черная земля» — наша надежда, — рассказывает Татьяна Михайловна Триго, которая руководит этим сообществом уже тридцать лет. Есть секции зоологии, ботаники, фенологии, лесного хозяйства, заповедного дела. Президент — ученица. Выпускники — биологи, этнографы, правоведы...

Я попал на заседание этого общества будущего, которое обсуждало, что делать с настоящим. Одиннадцатиклассница Инга Густомясова выступила с сообщением:

«Совинные в условиях опустынивания в поселке Комсомольском». Выводы исследования неутешительные. В условиях опустынивания биоразнообразие в регионе уменьшилось на двести видов! На очереди двести первый — уникальная древняя антилопа сайгак, которую изучила десятиклассница Регина Мукабенова.

На опустынивание повлияла распашка степи, подтверждают в своих исследованиях ребята. Чтобы образовался слой почвы в один сантиметр, требуются столетия. А уничтожен он может быть за один сезон. После 50% опустынивания наступает катастрофа.

Как сохранить окружающую среду, не превратить мир в пустыню, а свое здоровье — в труху? Казашка Алты Букенова, ее папа врач, в своем проекте показала, что лучшие лекарства — степные травы.

Мини-проекты начинаются с начальных классов. Исследовательская работа — не только копание в бумагах, а ответ на свои, родные вопросы.

В этой же школе я познакомился и с чеченским мальчиком Алиханом Алхастовым, вице-чемпионом Калмыкии по шахматам (помните его проект «Математика на шахматной доске»?). И с Аней Горяевой, которая проследила взаимосвязь русской, немецкой, калмыцкой и французской культур на основе личных имен. *«Сами мы имени не выбираем, — написала она, — за нас его выбирают наши родители. Но узнать происхождение своего имени хочет каждый. Какие вымерли имена, какие живут. Какие будут жить...»*

Сегодня, уходящее во вчера

«Замолвите слово за нашу маленькую республику».

«Основа благополучия калмыка — скот. Запаха овечьего пота боялись ядовитые тарантулы. Запаха конского пота боялись змеи. Даже волки не подходят к овцам, от которых идет запах шерсти. Как хорошо в степи весной, среди цветущих тюльпанов. Мять траву считалось грехом. Лебеди означали верность — пара лебедей привязана друг к другу, как люди».

Так говорили нам, точно рассказывали сказку, пришедшие в гимназию старожилы поселка, приветливые супруги Манджиевы. Они объяснили мне, как читать по бараньей лопатке. Спели песню собственного сочинения — о поселке, который хорошеет. В нем живут люди разных национальностей: русские, калмыки, даргинцы, казахи, чеченцы... Дружба народов, словом, в наше жесткое время.

Алексею Манджиевичу Манджиеву — восемьдесят лет. Он, как и жена, учитель, заслуженный деятель культуры. Нина Качановна, когда муж пел, подыгрывала ему на домре. Сын Аркадий Манджиев — известный в республике композитор, другой сын, Борис — руководитель театра. Все дети музыкальные. Как это получилось? Когда дети спали, мать играла на домре. И внуки пошли музыкальные.

За столом разговорились. Заместитель главы администрации района Александр Борисович Шагаев сказал простые, проникновенные слова. Про главную для них проблему — воду, которую возят в поселок из Ставропольского края. Про сайгака. «Мне обидно и хочется, чтобы вы замолвили слово за нашу маленькую степную республику — нельзя подходить ко всем с одной меркой. Тем более, нас и осталось-то... Мы — как сайгаки мамонтовой фауны и все же не растеряли свою культуру и хотим, чтобы сохранились наши школы, библиотеки, больницы».

Александр Борисович — один из тех, кого «и осталось-то...» Дед его был фронтовиком и очевидцем операции по выселению калмыцкого народа. Родственники Шагаева строили «дорогу жизни» Кизляр—Астрахань. В Сибирь калмыков везли по только что построенному мосту через Волгу, еще не испытанному. На скорости, разогнавшись от двух паровозов, мчавшихся спереди и сзади, товарняк пошел по мосту. Мост выдержал. А если бы нет?

Вчера

Эти страницы я откладывал, но больше не могу. Стоит прикоснуться к ним — все внутри горит. Слушаешь людей и не можешь уразуметь, как это могло случиться с ними?

Высланные навечно

«Мучаровой Марии Горяевне было тогда шестнадцать лет, по дороге в товарном вагоне умер отец. А поздней умерла мать Зои Бадмаевны Очировой, девочке было тогда семь лет. Хотя в вагоне топились "буржуйка", холодный ветер проникал через щели и не давал согреться. Девочка сидела, прижавшись к матери, и не могла понять, почему они так долго едут и почему умирает так много людей. Но вот и конец пути: старики, женщины, детишки — немые и несчастные, пропахшие мочой и помятые — вываливались из товарника, шурясь от яркого снега, повторяя тревожное и далекое, чужое слово «Сивр». Вот она, Сивр — Сибирь. Мать на работах заболела, ее увезли в дом инвалидов, дочка попала в детский приемник...

Можно ли забыть все, что пережили? — записывает ученица мысли то ли той чудом выжившей, давно повзрослевшей девочки, то ли свои собственные. — С возрастом боль становится оголеннее, острее, в ней что-то глубоко личное, индивидуальное, и одновременно общее, народное».

«Выселенные, но не сломленные»

Дельгира Ходжигирова,

9-а класс гимназии, г. Лагань

«За что?» — спрашивал 28 декабря 1943 года, и позже, каждый калмык.

«За что?» — меняясь в лице, кричали фронтовики.

Но никто не мог дать им вразумительного ответа. «Уверен, что на этот страшный вопрос вряд ли могли ответить и сами организаторы депортации калмыцкого народа, — пишет историк Владимир Убушаев, автор книги "Калмыки: выселение и возвращение. 1943—1957 гг." (Элиста, 1991). — Изучая в архиве материалы так называемой "Особой папки Сталина", я в этом убедился твердо... Серьезных документов и материалов, на основе которых можно было подвергнуть наказанию целый народ, не было абсолютно и не могло быть».

А что же было?

Кавалерийский эскадрон

Всего в 30—50-е годы депортации подверглось 3,5 миллиона граждан разных народов СССР. Для каждого находилась причина. Для калмыков — измена Родине, предательство, совершенное целым народом. Сталинские фальшивки некоторые принимают за чистую монету и сегодня. Поэтому обращаюсь к книге другого авторитетного исследователя этой темы, историка Николая Бугая, «Операция «Улусы»» (Элиста, 1991).

Предыстория обвинения калмыцкого народа такова.

Начав наступление в Крыму, немцы, воспользовавшись просчетами советского командования, в июле 1942 года вышли к Дону. Операция «Зигфрид» ставила целью прорыв на Кавказ и захват Бакинского нефтяного бассейна. Для защиты флангов и прикрытия тыла генералу-фельдмаршалу Паулюсу было необходимо достигнуть Волги в районе Сталинграда. В начале августа территория Калмыкии оказалась под

напором наступавшей фашистской группировки. Несмотря на отчаянное сопротивление советских войск, в том числе 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, пять из тринадцати улусов республики были оккупированы. В занятых районах был установлен режим жестокого террора и насилия. Воины-калмыки продолжали отважно сражаться с фашистами на фронтах Великой Отечественной. Но когда республика была освобождена, верховная власть СССР выдвинула обвинение против калмыков в поголовном сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами и предательстве интересов Родины. Этот миф основывался на том, что будто бы летом 1942 года 110-я Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия в полном составе сдалась в плен.

В действительности кавалеристы совершили подвиг. По иронии судьбы, первыми красноармейцами, упомянутыми в берлинской прессе как «проявившие сумасшедший героизм», были калмыки. Снаряженная за счет народных средств (как и в Отечественную войну 1812 года), калмыцкая дивизия отважно сражалась на Дону в июле 1942 года, прикрывая отступление наших войск. В течение двенадцати суток на линии фронта от станицы Багаевской до станицы Семикаракорской враг атаковал части дивизии силами немецкой пехоты и танковой группы и беспрерывно бомбил с воздуха. Тем не менее фашистские части на этом участке фронта так и не смогли пройти. Одному из героев, сержанту Эрдни Деликову, который, истекая кровью, с оторванными ногами продолжал вести огонь по гитлеровцам, крича «Бейте фашистских гадов! Калмыки не отступают!», посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Были и другие...

Большинство калмыцких кавалеристов полегли на поле брани. А после того как в дивизии осталось одиннадцать процентов личного состава, ее передали на пополнение частей 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса.

Так были ли за обвинением в предательстве целого народа хоть какие-то факты? Да. Оккупационные власти вели беседы со стариками, обещая помочь в организации хозяйств калмыков на основе частной собственности, в создании калмыцкого национального правительства. Был сформирован «добровольный кавалерийский эскадрон» в составе... 150 человек. Но этого «кремлевскому горцу» и окружавшим его «тонкошеим вождям» оказалось вполне достаточно.

Наступили тяжелые времена, о которых поздней напишет Давид Кугультинов: «В то время гнев несправедливый, дикий, нас подавил... И свет для нас потух, и даже слово самое — «калмыки» произносить боялись люди вслух». За день до депортации «всесоюзным старостой» Калининым был подписан Указ №115/144 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Согласно указу, около 120 тысяч граждан калмыцкой национальности выселяли в Сибирь. Впоследствии пришло уточнение — навечно.

Операция была детально спланирована и организована и началась одновременно во всех без исключения населенных пунктах Калмыкии на рассвете, чтобы до наступления темноты вывезти весь «спецконтингент» на железнодорожные станции. Против безоружных стариков, женщин и детей были выставлены 4 пушечных орудия, 18 минометов, 116 ручных и станковых пулеметов... Для перевозок использовалось 1255 машин. Для депортации маленького народа было мобилизовано не менее 10 тысяч воинского контингента (и это в разгар войны, когда каждый солдат и командир были позарез нужны истекавшему кровью фронту).

«Как вы поведете себя там, в Сибири...»

Заключительный этап карательной операции был направлен против воевавших на фронтах солдат и офицеров-калмыков. Фронтовиков, орденосцев, Героев Советского Союза передавали НКВД и сгоняли на Урал, в Молотовскую область, в Широковский исправительно-трудовой лагерь.

На опустевшей родине прочесывали степи, выискивая случайно оставшихся людей. Согласно секретному приказу Берии от 15 апреля 1944 года, принимались «меры по *«зачистке»*» (вот откуда еще идет этот термин!) калмыков. Были депортированы все калмыки из Москвы и других городов. Журналисты, сотрудники ТАСС, депутаты Верховного Совета СССР — все. Ложью были инструкции НКВД о том, что на сбор семей дается 12 часов. Все зависело от доброй или злой воли военных. Иногда военные помогали растерянным людям.

«Помню, — пишет в своей книге историк Владимир Убушаев, — как в нашем доме в хотоне Утта-Номрун два пожилых солдата, родом откуда-то из Сибири, после проведенного обыска сами помогали заталкивать обратно в мешки теплые вещи... посоветовали упаковать швейную машинку, ставшую для нашей семьи в сибирской глубинке кормилицей. Пока мы с солдатами собирали в мешки вещи, молодой офицер, пришедший во главе опергруппы, ни во что не вмешивался, взял патефон и, уйдя с ним в дом дяди, с интересом слушал калмыцкие песни...»

Примеры человеческого отношения к участи бедных выселенцев были. Но больше было других примеров.

«На улицах всех ждут огромные американские военные машины, — свидетельствует писатель А. Балакаев. — Старушек и стариков, женщин и детей, словно арестантов, вооруженные до зубов солдаты выталкивают из родных домов, где жили их предки и откуда на фронт ушли сыновья, мужья и отцы. Всем приказывают садиться в машины, но никто не может забраться за высокие борта... Солдаты хватают за руки и за ноги, бросают в кузов. Я раньше никогда не видел такую дикость, грубость, жестокость... Ох, как скорбно и тоскливо, печально и жалобно мычали коровы, блеяли овцы, ржали лошади, плакали верблюды: от этой какофонии становится жутко и страшно, в жилах стынет кровь...»

Алексей Балакаев рассказывает, как на 3-й разъезд железной дороги Астрахань—Кизляр, сооруженной руками калмыков, свезли всех чабанов и гуртоправов, стоянки которых были разбросаны на обширной территории. «Я не хочу подробно описывать, когда тронулся с места наш эшелон, как за нами гурьбой бросился скот, как до последнего дыхания бежали собаки и замертво падали на рельсах. Я только хочу зафиксировать, каково бывает народу, целому народу, покидать родную землю и могилы ...»

В пути погибали целыми семьями, никого не оставалось от целого рода.

«Мне врезалась в память, — вспоминает инженер Б. Царенов, — трагедия одной семьи, имевшей глубокие корни в прошлом калмыцкого народа», и рассказывает о судьбе человека из станицы Платоновской, с необычным именем Пятеш Пранцузов. Его прадед участвовал в Отечественной войне 1812 года. Провожая, односельчане справили ему лошадь, седло, саблю и одежду и отправили с ним беглого верблюда, который не раз выручал калмыцких воинов, разгоняя французов в жарких сражениях. Верблюд вместе с воином благополучно вернулся в хотон и дожил до старости. Прадед женился и назвал сына Пранцузом, откуда и пошла их фамилия.

И вот правнук, Пятиш Пранцузов, благополучно пережил три российские революции, Первую мировую, гражданскую, голод 1921 года, еще более страшный голод 1932—1933 годов и дожил до... депортации. 28 декабря 1943 года семья Пятиша с четырьмя голыми и босыми детьми была выслана в Сибирь, в далекое село Масловка Омской области. «Слепой глава семьи, его больная жена и заболевшие в пути малые дети, не вынеся лишений, умерли сразу по приезде на новое место один за другим. Некому было даже их похоронить в разваленной заброшенной избушке, так и пролежали до весны, пока не приехал новый комендант и не приказал закопать, завалив их вместе с прогнившей избушкой. Так трагически сгинули в сибирских лесах потомки славного героя далекой войны, мужественного защитника России...»

Более благосклонной была судьба Николая Болдыревича, отца Героя Советско-

го Союза В.Н.Очирова. Его рассказ пронизан чувством огромной благодарности к начальнику станции 9-го разъезда (что под Улан-Холом) Илье Антоновичу Довганю. Не побоявшись сотрудников НКВД, он уговорил отпустить к нему пожить до отправления трех калмыцких ребят, работавших на разъезде, организовал им при отправке более-менее сносные условия в одном из отходивших товарняков и снабдил в дорогу мешком муки, чаем и махоркой. Благодаря его человеческому участию ребята выжили и добрались до нового места расселения в Сибири. «Нельзя без слез читать те места рассказа-письма Н.Б.Очирова, где он рассказывает, как перед отправлением железнодорожного эшелона с калмыками старая больная женщина легла на рельсы и просила ее не трогать, пока поезд не наедет на нее».

20 лет — за похороны матери!

Людей размещали в лютый мороз, без теплой одежды и обуви, в шалашах, амбарах. Снятые с фронта воины-герои были отправлены в уральские лагеря. Бывший сержант 248 стрелковой дивизии 28-й армии, впоследствии заслуженный работник культуры РСФСР Я. С. Джамбинов вспоминал, что их поместили в полуземляные бараки, где до этого жили ээки. Не убрали даже ограждение из колючей проволоки и сторожевые вышки. Основными орудиями вчерашних фронтовиков стали ломы, кирки, лопаты и тачки. «Вечерами, — пишет поэт-фронтовик Давид Кугультинов, — саднило сердце, и было нестерпимо больно. Но гораздо сильнее боли физической я ощущал боль моральную».

Ошельмованный, изгнанный народ выстоял в борьбе с жестоким роком только потому, — считает переживший эту трагедию историк, — что смог опереться на помощь и поддержку сибиряков, русских людей. Вначале, вспоминали бывшие спецпереселенцы, некоторые в деревнях побаивались — ходили слухи, что приехали одноглазые людоеды. Но потом, «увидев и поговорив, женщина сжалилась над нами и пустила к себе на квартиру, где и так было тесно ей с детьми. Простая сибирячка, сама нуждаясь, делилась с нами всем, что имела», — вспоминает В.Н.Нахатинова.

«Неизгладим в памяти, — пишет В.Егоринов с конезавода «Ут-Сала» Ики-Бурульского района, попавший с братьями в Сибирь в двухлетнем возрасте, — образ моей первой учительницы Александры Андреевны Едуновой, которая специально оставляла меня после уроков, чтобы положить в мою тряпичную сумку краюшку хлеба или сухарь. Однажды насильно надела на мои ноги свои чулки, видя, как я в сорокоградусный мороз хожу в рваных кирзовых сапогах. Потом сшила из разных тряпок для меня шапку».

Обычные люди, сибиряки, стремились облегчить печальную участь калмыков, помогали, чем могли. А ведь даже простое человеческое участие к «врагам народа» было небезопасным. Раз в десять дней спецкоменданты-оперсотрудники НКВД проводили учет спецпереселенцев. Самовольная отлучка с места проживания без разрешения коменданта влекла уголовную ответственность до 10—15 лет лишения свободы. А за самовольный выезд (который приравнивался к побегу) из мест обязательного поселения — 20 лет каторжных работ. М.П.Манджиева была осуждена решением Особого совещания при МВД СССР к 20 годам каторжных работ за то, что без разрешения поехала к родным похоронить умершую мать.

А в какие края бежали униженные, не понимавшие, за что наказаны, фронтовики? Вы не поверите. По свидетельству бежавшего с товарищами из Кунгурского ИТЛ Т.М.Ладжи-Гаряева, они стремились «любым путем попасть на фронт. Доказать, что ты ни в чем не виновен, вот это была наша главная мысль». Назывались казаками, киргизами, бурятами — кем угодно, только бы получить право сражаться и умирать за родину! К слову сказать, калмыки в Красной армии считались хорошими солдатами и офицерами, и когда в начале 1944 года последовал приказ о снятии с фронтов

военнослужащих калмыцкой национальности, находились командиры, быстро менявшие национальность своим подчиненным.

Калмыки, наверное, единственный народ России, который не смог до сих пор восстановить численность своего населения.

Ничто не вечно под луной. Постепенно начались послабления. В национальной библиотеке в Элисте я встретил Ивана Нимгировича Басангова. Когда-то он был министром культуры Калмыкии, а сейчас на пенсии, работает над книгой. Он рассказал мне, каким образом после смерти Сталина народ понял, что грядут перемены. У Давида Кугультинова есть об этом стихотворение «Голос» — в 1956 году по всесоюзному радио передали калмыцкую песню. Этот «сигнал» был придуман комиссией по реабилитации. С довоенных времен существовала грампластинка с песней, которую исполняла Улан Лиджиева, известная певица, для калмыков она была — как Лидия Русланова для русских. И вот эту пластинку с ее голосом передали по радио.

Все плакали... Так они вернулись.

Был теплый день. Цвели акации.
Сибирь — за дымкой голубой.
Оставив там лежать полнации,
Калмыки ехали домой.

(Василий Шакуев)

В 1957 году была восстановлена, хоть и в урезанном виде, Калмыцкая область, позже республика.

Часть V. Страна Бумба

Вчера

Что может залечить раны? Для отдельного человека можно найти лекарство, а для целого народа? Чудодейственное снадобье, которое снимет с души тяжесть, вдохнет мужество, залечит раны.

У калмыков есть такое лекарство.

Когда пели «Джангар», плакала верблюдица.
...Счастья и мира вкусила эта страна?
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласые и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все...

Откуда взялось это чудо, а то, что это чудо, понимаешь с первой строчки увесистого тома песен, или сказок, именуемых «Джангар».

Когда именно был создан этот богатырский народный эпос, передаваемый из уст в уста, несущий на себе сотни наслоений, в точности неизвестно. Пятьсот ли ему лет, больше? Некоторые ученые полагают, что «Джангар» создан в середине пятнадцатого века, когда народ разгромил своих извечных угнетателей. Тогда образовалось мощное ойратское государство, и возник небывалый подъем национального самосознания.

Джангариада повествует о золотом веке предков калмыков — ойратов, о народе-богатыре и его стране Бумбе. Главная тема богатырского эпоса-сказки — единение и благополучие народа, защита страны. «В дни гражданской войны, — вспоминал

генерал-полковник Городовиков, — мне приходилось в Конной армии быть свидетелем необычайной силы воздействия "Джангара" на слушателей. Когда во время привала, после трудного и утомительного перехода, убитый сединами джангарчи пел о героях народной эпопеи, которые скакали "дневки не делая днем, не спя по ночам", конармейцы-калмыки распутывали своих скакунов и с утроенной яростью мчались навстречу врагу».

Сказания «Джангара» приравнивались к священной книге, религиозной молитве. Сказители глубоко верили в их «охранительную», магическую силу. Очевидцы исполнения эпоса утверждали: «Когда пели "Джангар", плакала верблюдица».

На русский язык «Джангар» перевел поэт Семен Липкин. Согласен с утверждением, что он сделал не просто перевод, а создал самостоятельное эпическое произведение. Совершенно непонятно и необъяснимо, как это у него получилось.

В «Джангаре» нет апофеоза грубой примитивной силы. Герой побеждает бесчисленных врагов, которым «земля узка», ловкостью и смекалкой. Носителями этих качеств нередко являются дети, которые сражаются с полчищами великанов.

Сегодня

Ванна для младенцев

Мы продолжаем поездку по Черным землям, которые могли бы стать золотыми... В поселках сохранились совхозы. Есть фермерские хозяйства, подсобные. Но молодежь уезжает и не возвращается — нет перспектив. Нефтяная труба ползет, как гигантская анаконда, по территории района. У консорциума счет доходов на триллионы. «А вам что от этого?» — «Подарки новогодние», — отвечают местные жители. Наборы продуктовые ветеранам, первоклассникам — ранцы. Спасибо консорциуму за наше счастливое детство.

Есть и своя нефть. Но Норгалинское месторождение осваивают вахтовым методом, и местных туда не подпускают. Говорят, нет специалистов.

В общем, остается камыш. Море ушло, и выросло много камыша. Из него можно производить корм для скота, если бы найти инвестиции. Можно строить дома — саман делают из глины, а декоративное оформление из камышовых плит. Можно использовать воду из источника с уникальными свойствами, бишофитная ванна хороша для младенцев с кожными заболеваниями. Ну, так что же, построили водолечебницу? Нет, отвечают, осталось на бумаге.

Как будто метеорит упал

А может, и не нужно ничего строить, пусть будет только нетронутая степь?..

Государственный заповедник «Черные земли» занимает восьмую часть территории Калмыкии. В нем охранный зона и зона покоя, акватория, острова. Есть заповедное озеро, вернее болото, Маныч-Гудила, архисоленое. На островах — единственное место в Европе, где водятся розовые пеликаны, вообще много разных птиц. «Боремся за то, чтобы прикрыть охоту, — рассказывал мне в заповеднике заместитель директора Иван Садыков. — Весной летят северные утки, гуси, как правило, парами, одну выбил — все, пары нет» — «Прямо в заповеднике?» — «Нет, но на прилегающих территориях бьют».

В штате заповедника 98 человек, включая охрану и 12 научных сотрудников. Сотрудники помогают учителям, устраивают конкурсы ученических работ, проводят занятия с детьми.

«Главная тема — опустынивание. Не только Калмыкии, но всего региона — Волгограда, Астрахани, Дагестана, Чечни, — замечает Садыков. — Пески наступают. Я, — говорит, — езжу и вижу: огромные участки земель — пустыня».

Пески даже вокруг конторы заповедника. Откуда они взялись? Прерву ненадолго замдиректора заповедника и расскажу то, что услышал от крупнейших в этой области ученых, профессоров и академиков, так что при всей кажущейся немыслимости и невероятности происходящее нельзя назвать мифом.

Мы порой думаем, и учим этому детей в школе, что природные катаклизмы — следствие титанических причин: подвижки материков, извержения вулканов, падения метеоритов. Вовсе не обязательно. Иногда для катастрофы достаточно какой-нибудь овечки. Да, именно она, овца — одна из главных причин превращения степи в пустыню.

До депортации в этих местах разводили особую старинную породу калмыцкой овцы. Называлась курдючной. Привыкшая к кочевью, она не топталась на месте, перемещалась, не вытаптывая степь, ее круглые копыта не срезали травяного покрова. После высылки калмыков в Сибирь эту овцу отправили на скотобойню, а вместо нее завезли овцу совершенно другой породы. Из ее шерсти выходили отличные каракулевые шапки для членов политбюро, но она не была предназначена для кочевья, не двигалась, пока не съела все вокруг, и у нее оказались острые копытца, срезавшие траву под корень. На месте выпаса образовывались голые пятачки, песок разносился ветром. И там, где раньше стояли животноводческие точки, пошло опустынивание. Как будто метеорит упал. Создали крестьянские хозяйства, нагрузка в них должна быть два с половиной — три гектара на одну овцу. А в действительности получается на один гектар — две овцы.

«В 50-60-х годах начались массовые распашки, — продолжает Садыков, — и вот в 80-х — уже открытый песок, пустыня. Это четвертая стадия деградации. А в целом процессом опустынивания охвачено 80% территории. Разница в стадиях.

Был период, опустынивание приостановилось. Из-за чего? В 90-е годы распались хозяйства, зарезали скот — и степь отдохнула. Но теперь началось опять, и последняя, четвертая стадия охватывает уже тридцать процентов земель».

Участвующие в разговоре его коллеги, научные сотрудники заповедника, говорят мне (не сразу догадываюсь, как это связано с тем, что мы обсуждаем): ни в коем случае нельзя вводить подушевое финансирование школы. Видимо, прямая аналогия с опустыниванием.

Сегодня

Но до пустыни мы побывали в оазисе. Две примечательные встречи: одна с сельским ламой, а другая с человеком, который построил на этих землях рай. Без этих людей картина здешней жизни была бы неполной. Разными способами они показывают, что из безнадежной ситуации можно вылезти.

Начнем с ламы и его предшественников.

Смеющийся Будда

Считается, что Смеющийся Будда до сих пор путешествует по миру, принося удачу. Похожего на него человека я встретил в Комсомольском — типичном, советских времен поселке, с памятником Ленина на площади. Указывает рукой — «Правильной дорогой идете, товарищи» — на хурул. Туда нам и надо.

Вот тут-то я и встретил Смеющегося Будду, каким я себе его представляю — огромного, как джинн, молодого мужчину, улыбающегося, вполне земного. Он — буддийский священник, лама. Но не монах, у него есть семья, маленькие дети. К тому же он — наш коллега, педагог, преподает в местной школе основы буддизма. Зовут Санал.

Ламой он стал семь лет назад. Кончил «тринуп гуманг» — буддийскую школу в Элисте (в Тибет китайские коммунисты не пустили). Четыре года учился в Индии, изучал обряды и осваивал начала философии.

«Может, России принять буддизм, тише станет?» — шучу я. Смеется: «Нет. Каждому своя карма».

Приходят в храм человек десять-пятнадцать в день. Дети тоже, бывает, заглядывают перед уроками — сами и с родителями.

В Калмыкии буддизм, но встречаются и элементы шаманизма. Верующие поддерживают традиции, но философии не знают.

«А молодежь, — спрашиваю, — серьезно относится к реинкарнации?» — «А как это определить? — отвечает Санал. — Каждый решает сам». И напоминает известную формулу трех «я». Первое «я» — что о тебе думают люди. Второе — что ты думаешь о себе сам. И третье «я» — какой ты на самом деле. Но Будда утверждает, что «я» нет вообще, это иллюзия, корень страданий.

На прощание Санал, которого я называю про себя «Большим ламой» (поскольку достаю ему до плеча), делает мне подарок. На палочке — трапециевидный лоскут ткани с буддийской иконой-танкой¹. На ней — три божества, рассеивающие тупость. «Если эту вещь повесите дома, — инструктирует Санал, — Будда защитит вас и вашу семью. Очистит карму, поможет решить астрологические проблемы. Предсказывают, допустим, плохой день, а вы выходите с этой вещью на улицу, разворачиваете на четыре стороны света — и день для вас меняется».

Ну, кто откажется?

Как при коммунизме живем

На обратном пути с Черных земель, под вечер, заехали в село Адык, расположенное при дороге. Зашли в среднюю школу. Не маленькую по здешним меркам. Директор Василий Хардаевич Банджаев угостил чаем. До 90-х годов, рассказал, все выпускники оставались здесь. А после стали уезжать — негде работать. «Хозяйство развалилось?» — понимающе спросил я. «Что вы, — сказал директор, — как раз наоборот».

Оказывается, в селе, куда мы заехали, находится совхоз-миллионер, как говорили в советские времена: тридцать семь с половиной тысяч овец, крупный рогатый скот, лошади. Имеется племзавод. Сорок шесть животноводческих точек. Все рабочие места заняты.

Главная драгоценность в степи, вода — бесплатно. Хлеб — шесть рублей. Зерно для подворья — пять тысяч за тонну. Натуроплата по итогам года — ягнятами и сеном. Бесплатное питание в школе. Беспроцентные кредиты. Специалистов на море каждый год отправляют. Ну, кто из такого рая уйдет?

«У нас, — подробно перечисляет директор школы, как будто он директор совхоза (того не застали, был в отъезде), — своя мельница, пекарня, улица новых домов для специалистов, чабанские точки, пастбищный водопровод, свет — все есть».

Калмыцкий кибуц. Остров в океане.

«А опустынивания у вас нет, что ли?» — «Как это нет?» — чуть ли не обиделся директор.

Вокруг этого острова — то же самое, что везде. После войны здесь были отгонные пастбища Ставропольского края. Сажали бахчевые, при Хрущеве — кукурузу, очень много сажали, а гумусный слой тонкий, сильные ветры все вымели. На территории паслось девяносто тысяч овец — это в три-пять раз превышало норму, все вытоптало. В 90-е овец не стало, и выросла трава по пояс. А в начале двухтысячных — опять перенасыщенность. А лесомелиорации-то нет. Прежде сажали вяз, саксаул — низко-

¹ Танка — в тибетском искусстве изображение, преимущественно религиозного характера, выполненное на шелке или хлопчатобумажной ткани.

рослые и засухоустойчивые деревья, они не давали перекапываться песку. Лугомелиоративные службы «ремонтировали» пастбища, засеивали. Но этих служб давно нет. А лесомелиорацию государство поддерживает, но как? Выиграли тендер — сажают, а не выиграли — нет.

В личном хозяйстве овец держат знаете сколько? От сорока-пятидесяти до двухсот. Как реализуют? Приезжают с Северного Кавказа, покупают живьем и мясом — и обратно на Кавказ.

Часть ребят идут в чабаны, гуртоправы, пастухи, табунщики. Черные земли. Снега нет, ветер сметает. Летом солнце все выжигает. Нас спасает орошение.

В других местах нет этого. Что же делают? Едут в Астраханскую область, Волгоградскую, в Ставрополь, косят там — и вывозят сено. Расходы огромные.

А мы — как при коммунизме живем».

И внутри школы «коммунизм» — на общем фоне. Поговорил со старшеклассниками. Ребят в семьях — по четверо-пятеро, в два раза больше, чем в райцентре. В школе можно позаниматься спортом. Домой приходят в половине третьего. Два с половиной часа — на уроки. У телевизора не сидят, хотя у всех тарелки — сто программ. С ребятами из других школ встречаются на соревнованиях. Русский язык доминирует. Одна ученица — участница международной программы, предпочитает разговаривать по-английски.

Какая-то загадка: кругом пустыня, а тут — оазис. Припомнилось, как в Израиле в кибуце Лахомей Хагетаот я спросил старейшего основателя: что такое кибуц? «Молодой человек, — ответил он, — кибуц — это настоящий коммунизм. Только без коммунистов».

Кто же построил этот рай?

Человек, который не отдал землю

Он местный. Окончил эту школу. Работал председателем сельсовета, директором племзавода, прежде чем стал руководить совхозом. Тогда первой проблемой была вода. От Чаграйского канала у них сохранился аппендикс с советских времен. В те времена воровали трубы, сдавали как цветной металл. Директор совхоза сорок сторожей держал — устояли.

Землю в чужие руки не отдал, не пошел на приватизацию. Хотя на него сильно жали. А он, тогда еще молодой директор совхоза, не отдал, как ни давили с самого верха. Стоит запомнить его имя, в назидание потомкам и современникам — Болдырев Валерий Астаевич, депутат Народного хурала (парламента) Республики Калмыкия.

Школу прошел хорошую. Двадцать лет хозяйствует. Построил теплицу — их в Калмыкии единицы. Приличную гостиницу. Газифицировал село. Провел 45 км трубопровода. «Газ есть. Вода есть. Дорога есть. Что еще надо?» — восхищался за чаем у школьного директора наш водитель Валентин.

Уникальная ситуация, но она зависит от человека. Мне интересен этот человек. «Он какой по характеру руководитель?» — интересуюсь у школьного директора. Тот приводит пример. Тракторист на КамАЗ'е поехал пообедать — восемь тысяч заплатил за использование техники, за амортизацию, за бензин. Другой сена украл рулон — отдал телку. Все, больше воровать не стали.

Это невозможно, сомневаюсь я, у нас такой менталитет. «Ничего, можно изменить, — уверен школьный директор, ссылаясь на местный опыт. — В 90-е годы, когда ничего не было, уголь возили. Он дорогой, у населения денег нет. А потребность большая. И вот как стемнеет — ведрами носят. А теперь, сами видите, нет необходимости».

Это ведь не так уж трудно понять — от чего, вернее, от кого зависят процветание или развал. «Вот, — рассказывает директор школы про другое хозяйство, — был когда-

то большой совхоз, более 60 тысяч овец, первое место в России по поголовью. Больше двух тысяч га земли... Но теперь все колодцы вычерпаны. В школе осталось 18 детей. А совхоз был в два раза больше нашего. Они поразбивали его на фермерские хозяйства, пораздавали все, поразбирали. А когда все разделили, один работает, другой гуляет, третий в город поехал. Осталось триста человек». А у них в Адыге — больше тысячи.

Прощаемся со школьным директором, учениками и выезжаем из села. Все видно как на ладони. Ничего не надо доказывать. Под зелеными черепичными крышами частные дома. Новая улица с кирпичными домиками-коттеджами для специалистов. Физкультурно-спортивный комплекс — город позавидует. «Если бы везде так, — вздохнул наш водитель Валентин, — Россия бы другая была...»

Бывает, когда не сдаются люди. Директор этого совхоза не отдал землю. Другой кто-то встал поперек — и республика не закрыла ни одной сельской школы. Это не отменяет того, чтобы искать общие точки роста и пути развития. Но что следует из практики упрямого директора совхоза для других? Что можно и нужно распространять?

Я думаю, опыт воспитания человека. Похожего в чем-то на этого директора.

Завтра

Опыт образования и «выращивания» другой страны. Ее населяют в чем-то такие же, как мы, а в чем-то другие люди. Наши дети. Часто мы их не понимаем. Их занятия, времяпрепровождение кажутся нам пустым делом. Но если прислушаться, о чем они переговариваются, приглядеться к тому, что делают, возникают удивление и надежда. Возможно, что их общество окажется добрее и умнее нашего. Ведь они...

Дети-спасатели

Эта история из поселка Цаган-Аман Юстинского района, куда мы вскоре отправимся. Ученики гимназии Цагана Мунахеева, Баирта Бадмаева и Алексей Ликутин исследовали родные места и выяснили, что когда водоемы пересыхают, обнаруживается очень много мертвых мальков и моллюсков. Их надо спасать. И тогда ребята вместе с ученицей той же школы Олей Дорджиевой, дипломантом всероссийской олимпиады по экологии, организовали экспедицию по спасению мальков Волго-Ахтубинской поймы. Вот методика спасения, которая представлена, как положено в науке, без лишних эмоций.

«Основу материала составляли сборы молодежи во временных и постоянно существующих пойменных водоемах и в протоке Цаганок. Основным орудием лова являлась мальковая волокуша. Пятилетний опыт работы нашего экологического отряда показал, что наиболее эффективный способ спасения мальков — соединение изолированных водоемов с помощью специально прорытых и расчищенных канав.

... Спасение молодежи проводилось из двух временных водоемов во время наводка. Оба водоема безымянны, но мы условно назвали их «Полой-1» и «Полой-2»¹. После расчистки канав и обеспечения беспрепятственного ската по ним молодежи мы провели подсчет скатившихся мальков. Подсчет проводился два раза в сутки: в светлый период (10—11 часов утра) и в темный (22—23 часа).

Во втором водоеме специального подсчета скатывающейся молодежи не проводили. Однако учитывая его большую площадь (примерно в 1,5 раза), мы полагаем, что из этого водоема скатилось не менее 5 млн. особей сеголетков различных видов рыб. Таким образом, спасательные работы даже в таком небольшом масштабе, проведенном нами, позволили сохранить почти 8 млн. мальков рыб».

¹ Полой — глубокая ложбина, где в половодье застаивается вода.

Читатель, вы поняли? 8 миллионов мальков спас за один год ребячий отряд!

Спасать есть кого. Алтана Когаева и ее друзья из той же школы сообщают: *увеличиваются асимметричные признаки у растений, лягушек, ящериц. Резко снизилась численность моллюсков, увеличилась их смертность в результате изменения гидрологического режима (ожог дыхательных путей рыб, аммиак, промышленные сбросы).*

Девятиклассник Эрдни Эрдниев выяснил.

«Наблюдаемое в последние годы снижение уровня воды в проточных (протоки Цыганок и Тахта) и стоячих (озеро Штаны) водоемах в результате зарегулирования волжского стока отражается на качественных и количественных показателях малакофауны¹. Изменение гидрологического режима сказалось на численности всех видов отобранных моллюсков (за один год она уменьшилась в 1,3—3 раза). В оз. Штаны резко (в 1,5 раза) снизилась численность и отмечена высокая смертность (58,3%) лужанки речной как вида, который наиболее остро реагирует на ухудшение условий обитания».

Симпатичная девочка с непростым для произношения именем Самбууудаваа-гин Иджилорон изучала волжскую популяцию миноги, которую включили в Красную книгу. Сравнила собственные данные с литературными источниками и выяснила, что *«миноги, существовавшие ранее, были гораздо крупнее нынешних».* Пишет, что *сам по себе факт занесения в Красную книгу ничего не решает. Необходим ряд мероприятий (мониторинг состояния популяции, усиление борьбы с браконьерством, объявление волжской популяции каспийской миноги федеральной собственностью).*

Оля Кособокова установила, что в поселке Аман *«90% насаждений находятся в сильно ослабленном или в усыхающем состоянии. Здоровых и молодых растений практически нет».*

В то время как взрослые губят, эти дети спасают: усыхающие растения, мальков, моллюсков, реликтовых муравьев *liometorum microscephalum*, занесенных в Красную книгу, малого суслика, который в свое время, оказывается, спас земляков. *«Наши старики рассказывают, — информирует ученица Джиргала Манджиева, — что в годы, когда Нижнее Поволжье охватил голод, и во время Великой Отечественной войны люди с ведрами, лопатами и капканами отправлялись в степь вылавливать сусликов. Многие выжили именно благодаря суслику. Кроме того, его жир — ценное лекарственное сырье при многих болезнях, в частности туберкулезе, широко распространенном в нашей Республике.*

...Трудно представить нашу степь без тюльпанов, полевых жаворонков, степных орлов, журавлей-красавок и, конечно, без малого суслика», — заключает девочка.

Я бы добавил — и без этих детей-спасателей.

Часть VI. Пожнешь пустыню

Сегодня, день шестой

Поутру с водителем Валентином (Арслана вызвали по делам) едем в Юстинский район. От Элисты километров триста. Последние полтора — то гравий, то асфальт, то яма, то канава. Четыре часа ехали до Цаган-Амана...

Счастливый берег

В районной администрации было пусто. Разыскали единственного работника за столом, главного специалиста отдела образования Екатерину Борисовну. Она и рассказала о месте, куда мы приехали.

¹ Малакофауна — фауна моллюсков.

Райцентр Цаган-Аман — единственный в Калмыкии поселок на Волге. В детстве перебирались на тот берег «ракетой», а сейчас обмелело, появились острова, объезжать долго приходится. С каждым годом эти острова все больше и больше становятся, и для нас это проблема, сказала Екатерина Борисовна. Раньше плавали на левобережье сажать картошку. Она хорошо там растет. Лесничество было. Но недолго...

Судя по рассказу главного специалиста, район сильно отличался от тех, в которых мы были до этого. Здесь не занимались скотоводством, такой традиции никогда не было. Теперь совхоз «Волжский» — банкрот. Все позакрывалось: строительные организации, хлебобулочное производство, цех пельменей, деревообработка. Остались одна бюджетная сфера и торговля. У людей нет денег. Нет никакой инфраструктуры. Да и вообще, кажется, нет никакой деятельности (так я думал до встречи с учителями и детьми и, признаюсь, забегая вперед, ошибся).

Явный упадок виден даже по зданию администрации, расположенной в бывшем райкоме: стены и полы обшарпаны, начальника районо не найти. В общем, подумал я, — социокультурная пустыня.

Название поселка можно перевести, сказала главный специалист, как «счастливый берег».

Это этот-то?!

Проехались по поселку. «Ну, что вам еще показать? — спросила Екатерина Борисовна. — В гимназии работают интересные учителя — биолог и географ. Ведут исследовательские проекты ребят по Волге и запустыниванию».

Здасьте, подумал я, так это ж самое интересное.

Вчера, переходящее в завтра

Из исследовательского проекта учащихся Цаганаманской гимназии Елены Бадмараевой и Иджилины Горяевой «Современное гидрографическое и гидрохимическое состояние участка нижнего течения р. Волги в районе п. Цаган-Аман».

«В результате неумелого, неразумного, безграмотного хозяйствования Волга оказалась на грани экологической катастрофы. Район нашего села — единственный уголок Калмыкии, который расположен на берегу Волги, в ее низовьях. Ситуация здесь печальная: продолжается деградация природного комплекса. Изменяется русло реки, появляются островки, идет процесс интенсивного обрушения правого берега. Возникают серьезные проблемы с функционированием объектов водоснабжения, которые обеспечивают потребности половины населения Калмыкии, проблемы с ее экономикой, жилым фондом, охраной и воспроизводством рыбных запасов...»

Целью нашей работы являлось изучение современного гидроэкологического состояния участка нижнего течения Волги в пределах Республики Калмыкия. Мы поставили следующие задачи: наблюдения за сезонными и многолетними изменениями уровня реки; измерения скорости течения реки; топографирование островов и береговой линии; анализ качества речной воды.

Как показало наше исследование, с середины 60-х гг. XX века по настоящее время на Волге происходит образование и срастание островов. Происходят постоянные колебания уровня воды, растет количество сульфатов, фосфатов...»

Школа, которая сопротивляется ржавчине

Цаганаманская гимназия, в которую мы заехали, — школа с экологическим уклоном. «Не от хорошей жизни», — заметила учительница биологии Нина Очировна Хаджаева. Более пятнадцати лет она и ее ученики ведут отслеживание островов — как они появляются, с какой скоростью и на сколько растут.

Всего три года назад появился остров прямо перед поселком и растет на глазах.

«Вот он, — показывает мне остров на мобильнике одиннадцатиклассница Булгун Нарзонова. — Вырос, как в сказке, стал местом отдыха, купания. Но там находятся наши насосные станции! И насосы забиваются песком. Теперь воду подают три раза в неделю, бешеные деньги платят за воду».

Одиннадцатиклассник Бадман Зараев, призер общероссийской олимпиады по экологии, считает, что причина образования островов на Волге — бездумная деятельность человека. Техногенные объекты — неправильно поставленные причал, насосная станция — изменили русло реки. Появляются аллювиальные отложения (более крупные камни ломают мелкие), и образуется песок.

А затонувшие судна, баржи... «Чтобы их вытащить, — говорит учительница, — нужны огромные деньги. Во время войны в районе нашего поселка затонуло семь барж, с тех пор вытащили только одну».

Директор школы Борис Сергеевич Горяев утверждает, что в их акватории есть баржа, которая затонула в 1903 году. «А если баржа, — поясняет учительница биологии Хаджаева, — то начинается круговорот воды и, соответственно, заносы» — «Раньше, — добавляет одиннадцатиклассник, — работали драги, перегоняли песок из более мелких мест в глубокие. А сейчас реку не чистят» — «Чего удивляться, — добавляет директор, — если Волго-Донской канал не чистят, о чем уж тут говорить...»

То, что дети и взрослые мне рассказывают, — не абстрактные рассуждения, это их жизнь.

«Мы решили сделать сравнительный анализ процесса появления островов у нас и в Астраханской области. И этот анализ показал: большинство причин — антропогенные. В селе Ветлянка Астраханской области около трех лет работал земснаряд — чтобы острова не образовывались. Это же большая река. Баржи ходят, везут нефть, лес, пиломатериалы. А острова появились — проход транспорту закрыт. И вот они вынуждены были три года чистить дно Волги. И говорят, что в результате острова исчезнут. Мы сравнили с нашей ситуацией и увидели, что разница не в нашу пользу — у них три насосные станции работают, на поле качают воду, на поселок. И в селе Копановке тоже нет проблем, острова есть, но они далеко от села».

Несколько раз в году, летом и осенью, учительница с учениками ездят по Волге и замеряют длину островов, исследуют динамику роста, изучают космические снимки. Начали они эту работу еще в 90-х, с тех пор остров в Цаган-Амане уже с правым берегом соединился. А начинался... «Сейчас даже трудно определить, где он начинался, так интенсивно зарастание идет. В разы увеличивается, — говорит мне на основе точных измерений одиннадцатиклассник Бадман. — Мы не понимаем — народ купается, радуется жизни и не представляет, что скоро мы окажемся без воды. Жить на Волге и не иметь воды...»

Происходит это на глазах одного поколения.

Волжская протока Тахта еще недавно была широкой и глубокой. Восемь лет назад начали строить питомник и рыбокомбинат — в Тахте было много рыбы. Прорыли каналы, зацементировали. «Это рядом с нашим палаточным лагерем, — рассказывает учительница Хаджаева, — мы каждый год туда ездим, измеряем протоку. А в этом году приезжаем — там, где глубина была больше двух метров, сейчас, смотрите, — показывает снимок, — по щиколотку. Причины мы тоже знаем, не все, конечно, но главная — экологическая безграмотность: миллионы вложили в рыбопитомник, а результат не предвидели. Нам не хватает ученых, — говорит учительница, — чтобы провести полный анализ ситуации, выявить все причины обмеления. Но некоторые нам хорошо известны. Загрязнение Волги. Низкий пропуск воды в Волгоградской ГЭС (где пускают воду, только если заплатишь). Засорение протоки — сотни деревьев падают в нее».

А кто очищает? Да вот эти дети и учителя. Собственными силами распиливают и вытаскивают деревья. Роют каналы. Спасают молодь. А те, кто отвечают за жизнь реки, по праздникам, наверное, собираются, поют: «Издадека до-олго, течет река Во-олга...»

Жатвы много

В школе триста восемьдесят детей. Из тех, кто пытаются спасти природу, — учительница биологии, учительница географии, школьный директор, не много. Но когда еще было сказано: «Жатвы много, а делателей мало». Те, что есть, пытаются что-то сделать.

Каждый год в экологическом лагере «Импульс» собирается около восьмидесяти учащихся, не только из Цаган-Амана, но из Астрахани, Волгоградской области, других мест, и изучают реку, помогают другим понять, что с ней происходит. Учителя с ребятами участвуют в международной программе, издают учебники, рабочие тетради...

В протоке Тахта дети посадили лотосы. Выращивали дома цветы из семян — в банках и аквариумах, в воде, под водой... Вырастили и посадили на Тахте в укромном месте — чтобы никто не тронул — на мелководье, чтобы лотосы закрепились. Приживутся ли?

Кристина Рот занимается лекарственными растениями. У них здесь очень богатое разнотравье, много краснокнижных растений, насекомых, птиц. Борис Сергеевич знает все места, где они растут и селятся. Озеро Рогатое. Большой Бакланий остров. Могутки. Озеро Штаны... «Есть хорошая работа ребят по орлану-белохвосту, — рассказывает учительница биологии Нина Очировна. — Он расширил свой ореол. Все больше гнездовой. Это говорит о том, что наша парковая зона — хорошая, и орлан на зимовье не улетает, мы с ребятами уезжаем из лагеря — он парит над берегом. Мы даже с ребятами спасали орленка. И лебедя-шипуну вынянчили и отправили на озера».

Директор школы дополняет: еще у нас савка краснокнижная. А во дворе школы живет сирийский дятел.

Ачир Манджиев, когда еще учился в шестом классе, обнаружил особенного калмыцкого сулика — песчаного, или желтопалого. Ребята стали искать и нашли целую популяцию. «Мы уже знаем расстояние между колониями. Мы удивились, увидев, что это другой сулик, не тот, что в степи», — говорит учительница. Тот самый сулик, о котором, помните, дети этой школы рассказывали, что во время войны люди выжили благодаря ему?

Десятиклассница Данара Мингтеева с шестого класса занимается канюком-курганником. Эта хищная птица из семейства ястребиных является как бы древней меткой степи, занесена в Красную книгу. Ребята хотят поднять процент выживаемости курганника, и Данара изучает стадии развития птенцов.

Ребята подарили мне изданный в Элисте сборник своих исследовательских и спасательных работ — всего не перечислишь. Экспедиции по следам Великого Шелкового пути, в которых они участвуют; капельное орошение, с помощью которого они пытаются остановить деградацию земли хотя бы на небольших участках; исчезающие виды животных, рыб, птиц, которых спасают от полного исчезновения...

Я попросил свозить меня на Волгу, чтобы увидеть своими глазами вырастающие там острова. «Ничего, что я вас отрываю?» — спросил учительницу биологии. «Ничего, — отвечает, — я уже тридцать лет в школе и двадцать работаю с ними. Многие из них призеры олимпиад, в МГУ поступают... Надо детям помогать. А то кто сельским детям поможет?»

Я спросил, чем могу быть полезен. Стесняясь, она ответила: если будете в министерстве, скажите, что нам бы 15 тысяч рублей на поездку в Москву для участия детей во всероссийской олимпиаде.

Мне стало стыдно.

Последний бастион

Несколько лет назад по телевизору показывали сюжет об исчезающем под напором пустыни городе. Свистит ветер, течет песок, города уже почти нет... Где же это было: в Азии? Африке? Зачем так далеко — теперь это можно увидеть под боком, в России.

На нашей машине ехать туда и думать нечего. Но нам повезло: в Цаган-Амане познакомились с директором Бергинской школы Сарынгом Ульяновичем Шоволдаевым. Он взялся доставить нас до Бергина, там у него дома переночуем и дальше, если найдем узик, отправимся по пустыням в исчезнувшее село Смушково.

Впрочем, говорит директор, чего туда ехать? Пустыня уже в Бергине. Утром, как ветер поднимет песок, почувствуете. Видно, что ехать в Смушково ему не хочется, и он пробует вместо путешествия заманить нас верблюдами. Услышав, что меня это интересует, Сарынг Ульянович стал связываться по мобильнику с верблюжьей фермой, которая находится в пяти километрах от села. Впрочем, «находится» лишь номинально, верблюды ходят сами по себе неизвестно где. Директор звонит куда-то, выясняет: «Алё, не придут верблюды ваши? Нет? А пить когда они будут? Неделю не будут?»

Я намекаю директору, что верблюды — это неплохо, но нам бы все-таки попасть в съеденное пустыней Смушково. По схеме, которую нарисовал мне в блокноте Шоволдаев, путешествие вроде не длинное: шестьдесят километров по трассе, потом сорок по грунтовке до села Бергин, а затем сорок пять километров по бездорожью до Смушково.

Свернули с трассы и двинулись вслед за отважной «десяткой» школьного директора. Нда-а... Та еще дорога. Здесь уже не пыль, а песок. Еще до Бергина не доехали, как пошли американские горки. Дорога в Смушково представляет собой серпантин; слева бархан, справа бархан. «Ужас, — говорит Валентин, — первый раз такое вижу. Как будто в Сахаре едем».

Дышать становится труднее. На степь находит пустыня, кругом настоящие барханы. Школьный директор впереди нас прыгает по барханам на своей «десятке» — тоже не вездеход. А у нас машина чуть ли не пузом по земле елозит, Валентин беспокоится.

Встретили старого чабана на мотоцикле из совхоза «Польнский». Чабана зовут Михаилом Дюсенбаевым. Его сын, Дамир, учился в школе нашего директора, а родился в том самом съеденном пустыней селе Смушково, куда мы направляемся. Чабан завез нас на свою «точку» — домик в степи, еще не ставшей пустыней. Они здесь живут уже шесть лет втроем. «Мы тут в раю, — говорит жена чабана. — А в поселке барханы, ветер задул — жить нельзя. Нам тут лес нужен, он остановит пустыню».

К ночи добрались до поселка Бергин. Поселок как поселок. Свиньи ходят по дороге. Светит месяц. Свет, вроде, есть...

Бархан во дворе

В доме школьного директора уютно — стол с угощением, большой экран телевизора, забываешь о пустыне. Родители Сарынга Ульяновича тоже были выселены. Сарынг, пятый ребенок в семье (а всего было девять), родился уже тут. Учился в той самой школе, где теперь директорствует. В той старой школе было четыреста учеников, в селе — тысячи полторы-две народу. Жизнь кипела. Только в 90-е начали уезжать. Но совхоз и сейчас крепкий, двадцать тысяч овец, две тысячи лошадей, полторы тысячи коров, пятьсот верблюдов. «А свиньи — это пришло из Сибири», — говорит директор.

Люди живут здесь достойно. Первый председатель колхоза был уважаемым человеком, имел орден Ленина. После войны колхоз преобразовали в совхоз «Полюнный», теперь кооператив с тем же названием. Руководит им местный житель, Феликс Хуцаев. Десять лет уже руководит, рассказывает школьный директор, а до того начальники часто менялись, все были не местные. «Неужели дело в том, что пришел человек из местных?» — спрашиваю. «Конечно, — отвечает Сарынг. — У него же ответственность перед людьми».

Но и Бергин, опасается Шоволдаев, ждет судьба Смушково, где еще двадцать лет назад были школа и клуб.

Самец агрессивным бывает, а богатырь — маленьким

Утром Сарынг Ульянович нашел-таки по мобильнику верблюдов. Поехали смотреть. Верблюдов тут разводили и прежде, когда пустыни еще не было. Но традиция утеряна. Пытаются восстановить. Из Монголии пригласили две семьи, живут в юртах и учат местное население ухаживать за верблюдами, доить, готовить молочную пищу, валять войлок... Несколько ребятишек, дети верблюдоводов, учатся в калмыцкой школе.

Верблюды, которых мы разыскиваем, — бактрианы. Огромные животные, до тонны весом. «Самец у нас, — рассказывает директор, — называется «бура», во время гона агрессивный бывает».

Искали-искали и нашли-таки. Сто верблюдов, представляете? Фантастическая картина. Ходят сами, без пастуха, круглый год, в жару и стужу, вожак ведет. Пытаюсь сфотографировать, как маленький верблюжонок пьет материнское молоко. Подбираюсь поближе. Как бы не так — уходят. Любознательные. Но очень пугливые.

В роду у Сарынга Ульяновича тоже встречались богатыри. «Моя мать из рода Эрдниевых. Ее дед весил шестнадцать пудов — двести пятьдесят шесть килограммов. Борьбой занимался. А когда заболел, — рассказывает Сарынг, — похудел сильно и все плакал — совсем, говорил, я стал маленьким и бессильным. Это когда от него всего сто пятьдесят килограммов осталось».

Смушково

«Вот он, наш знаменитый поселок», — показывает Сарынг на вынырнувшие из песка, почти засыпанные строения. Живут здесь четыре семьи: «Максим, Тамара... — считает директор, — нет, пять получается».

Вот история этого места, записанная в 2004 году ученицей Цаганаманской гимназии Еленой Бадмаевой.

«Смушковое было центральной усадьбой каракулеводческого совхоза. Здесь проживало 467 человек. Функционировали школа, больница, клуб, почта, магазин. Никто не думал тогда о перегруженности пастбищ, о том, что это зона рискованного земледелия и нельзя распахать степь с небольшим слоем гумуса. Смушковцы думали, что они будут жить здесь всегда. В колодцах была пресная вода, и колодезь-то было предостаточно. Теперь же привозят пресную воду из колодца, который расположен в 4 км от села. Из 87 семей осталось 17. Не жизнь, а существование... Лишь кое-кто имеет корову. Телефонной связи нет. А посмотрели бы вы на кладбище. Оно заброшено. Его занесло песком. Но и на новом месте не лучше — ветер выдул песок, и начал разрушаться грунт: вот-вот покажутся останки. Чего же ожидают смушковцы? Помощи от правительства республики, России? Здесь не ЧП, а постоянное чрезвычайное положение!

...Опустынивание и люди неразделимы, — заключает ученица. — Люди — причина опустынивания, они же — его жертва».

И вот девять лет спустя я добрался до этих мест. Что изменилось? Уже не семнадцать семей, а пять. Самые упертые.

«Парень один, отсюда родом, — рассказывает Сарынг, — поехал в Москву на заработки, купил КамАЗ, пять лет назад вернулся на родину. Поставил стоянку, приобрел скотину, построил маленький домик. И еще один человек вернулся. Сейчас более-менее: можно получить под проценты в долг. 14% берет Россельхоз, а 12% — дотация от республики, получается всего два процента. Деньги с задержкой, но приходят».

Из-за барханов стали появляться смушковцы. Наш приезд для них — событие. Тут редко кто появляется. Однажды, вспомнил Сарынг, в район приехали из Москвы — снимать фильм про басмачей. В поселке Эрдниевском, у федеральной трассы, тоже пустыня, но им для фильма мешали столбы электропередач. Поехали в Смушково, здесь уже ничто не мешало.

Ландшафт как раз для того фильма: песок, несколько домов на барханах и ковьялющий среди песка, собирающийся в связи с нашим приездом «народ».

Подошел «парень» лет за шестьдесят, тот, что купил Камаз и вернулся на родину. Здесь, говорит, сплошные барханы были. Лесхоз засеял, пошел дождь, и вот выросли, — показывает на кусты саксаула и песчаного овса, торчащие кое-где среди песка. «Сколько людей живет?» — спрашиваю. «Восемь человек», — отвечает смушковский патриот. «А дети есть?» — «Нет, кто в городе, кто в селе», — говорит он так, будто Смушково уже не деревня, не село, а что? Первобытная стоянка? Напоминание о милой родине?..

Вот живет он в этом странном месте, Петр Текеев — в прошлом учитель истории, директор смушкинской школы. Тут, вспоминает он, было по пять, шесть, десять детей в каждом дворе. Все закрыли — школу, детсад, магазин, фельдшерский пункт, контору, почту... Он рассказывает словно про мертвый древний город, занесенный песками в Африке. Будто про утонувшую Атлантиду.

«Но вон там растительность поднялась», — показывает он на дальние барханы. «Значит, может подняться?» — «Запросто. Вот эти деревца я ограждал — и поднялись, вяз, клен... Года бы три-четыре без скота — уже лес был бы. Земля богатая, капля воды — сразу растительность поднимается».

Слушаю его и думаю: немного и надо — чуть-чуть дождя, глоток свободы — и поднимется.

Идем посмотреть здешний храм, один человек вернулся и построил. Поднимаемся к хурулу на бархане. Маленький храм, вроде часовенки. Деревца с повязанными ленточками-молитвами. «Вот наш молельный дом, — говорит Петр. — Собираемся по праздникам, все, кто тут живет, восемь человек. Когда дождя нет, дождя просим». Ветер колышет ленточки желаний, звенят колокольчики... «Как думаете, будут еще сажать?» — «Вряд ли. Лесхоз распался. А раньше там, — показывает в пустыню, — был завод, делали кирпичи из красной глины, обжигали. Там вода пресная» — «Осталась?» — «Ничего нет, все песок засыпал».

Мы спускаемся вниз. Еще два человека вышли из домов, идут к нам. Интересуются: откуда? Из Москвы? Приехали пески наши посмотреть? А что, хорошо тут, — улыбаются жители Смушково, — тишина, ветер дует.

Я переписал тех, кто вернулся в пустыню. Алексей Борисович Сомпаев, 1950 года рождения, приехал с родителями из Сибири в двухлетнем возрасте. Александр Улюмджиевич Ачиров, 1964 года рождения, уехал в девяностые годы, но приезжает сюда молиться и чем-то помочь. Петр Макеевич Текеев, 1949 года рождения. Семья Мушаевых. Тамара Санджиева...

Тамара пригласила нас в гости. Живет в доме за барханом. Сидим-разговариваем, пьем калмыцкий чай, едим густую, как масло, сметану, хлеб, который сами выпекают.

Хозяйка и соседи выставили на стол все, что у них было, — собственного производства и то, за чем изредка ездят в поселок. Наберем, говорят, еды на месяц и возвращаемся.

Смеются, шутят люди за столом. Живут в пустыне и шутят, а как же, говорят, без этого тут проживешь?

Я вспоминаю девочку из Цаганаманской школы, написавшую историю Смущково. Она написала, что песок ветром переносится в другие селения. Пустыня расплзается. Ветер как бы сеет семена. Давно посеяно. Может быть, той зимой сорок третьего. Посеешь ложь, страх, лагерную пыль — пожнешь пустыню...

Что же делать? Возможно ли, после стольких потерь восстановить пастбища, вернуть земле плодородие?

Ответ профессионального сообщества — можно, но дело это долгое и трудное. Нужна комплексная кропотливая работа. Аэросев или наземный посев песчаного овса — кустарника, зацепляющегося в пустыне. Оставление земли под пар, террасирование или сохранение растительности вдоль русла водотоков. Нужны кадры специалистов, нужна сеть постоянных питомников и семенных плантаций. Восстановление «опустыненных водоемов» — замечательных озер и водохранилищ, которые когда-то снабжали питьевой водой поселки, использовались для полива фруктовых садов, парников, огородов, а теперь стали непригодными для хозяйственного использования.

Или уже поздно, произошла катастрофа, «опустынивание человека», его души, интеллекта, памяти?..

На развилке дороги

Возвращаемся в село Берин, а оттуда в Элисту. «Волков тут много появилось во время чеченской войны, — сообщает наш добровольный проводник, школьный директор Сарынг. — Сейчас по краю села ходят. А раньше служба была, у нас совхоз давал за волка овцу. Сейчас перестал давать. Бывает, приезжают люди, охотятся — экстрим-туризм». Сплошной экстрим, жизнь — экстрим.

Возвращаемся по крутым горкам на директорском автомобиле. Добираемся до села. В доме Сарынга пообедаем, пересядем на свою машину, не предназначенную для пустыни, и засветло докатим как-нибудь до трассы.

Дочка Сарынга, первоклассница, вернулась из школы и смеется, смеется. Показывает дневник, в нем кружок-наклейка «Отлично». Родственница-подружка тоже показывает кружки в тетрадке: «Спасибо за старание», «Молодец». И все уже про эту школу понятно...

Тепло прощаемся с хозяевами. Сарынг Ульянович провожает нас до развилки дороги, дальше — сами.

Вечер. На горизонте из проема сгустившихся облаков низвергаются снопы света, расходятся, образуя купол, небесную кибитку кочевника. Кто мы, если не вечные кочевники?

И опять — белые с розовой, кровяной жилкой озера, солончаки. Осенняя бурожелтая степь. Как пахнет она! Дышишь и не надышишься, пьешь свежий, чуть горьковатый полынный напиток и не напьешься. Но теперь я понимаю: эти песчаные гряды, заросшие холмики — знак надвигающейся беды. Равнина степи горбатится под напором всепроникающей пустыни. Степь будет лысеть и горбиться, пока не превратится в безвременье, где свистит ветер, течет песок...

Пустыня — не внешний враг, которого придумывают для оправдания бед и нищеты народа жаждущие власти. Она не приходит со стороны, она здесь, под тонким слоем почвы, ждет своего часа. Вытоптал траву, скovyрнул корни — а ветер довершил дело, нанес барханов. И вот оно, застывшее в безвременье песчаное море...

Завтра

Из исследовательского проекта Олега Настаева, Цаганаманская гимназия.

«Упадок многих процветавших древних цивилизаций был вызван не внешними врагами, а медленным экологическим самоубийством — неспособностью сохранить земельные и водные ресурсы. Северная Африка, некогда снабжавшая зерном Римскую империю, теперь по большей части представляет собой пустыню. Ученые считают, что упадок некогда процветавшей в Центральной Америке культуры Майя, был вызван потерей плодородия почвы вследствие эрозии...»

Олег изучил проблемы землепользования в родном районе и пришел к выводу: дело близко к тому, от чего погибли Древний Рим и майя. Надо что-то делать. Но что школьники, учителя и родители могут сделать против пустыни, съедающей Смушково, Берегин и другие пока еще населенные пункты? Оказывается, могут.

Экспедиция для будущих граждан

Это была первая в истории современной России караванная экспедиция на верблюдах. Она получила название «По следам Великого шелкового пути», и ее организовал знаменитый путешественник Федор Конюхов. В международной экспедиции вместе с учеными-археологами, экологами, медиками, биологами участвовали 12 школьников поселка Цаган-Аман. Вот фрагмент отчета в то время старшеклассницы Гиляны Улюджаевой.

«Наблюдения проводились с помощью бинокля, кроме того велись фотосъемки и видеосъемки. Во время дневных маршрутов регистрировались все встреченные виды растений и животных.

...В ходе движения каравана мы иногда отклонялись от основного маршрута, чтобы осмотреть интересные стабидища и урочища. А в населенных пунктах проводили опрос местного населения».

Ребята имели собственные задания. Вот один из выводов, сделанных учениками.

«Считаем, что необходимо принять Закон о степи, в котором бы оговаривались взаимоотношения человека с природой, его обязанности по отношению к земле».

«Дни, проведенные в составе экспедиции, — заключает Гиляна, — стали открытием для большинства учащихся. Мы увидели и ощутили не только физическую, природную сущность нашей республики, но ее духовные начала. И это главное, что дала экспедиция будущим гражданам Калмыкии».

Часть VII. Ушедшее море

День седьмой. Сегодня

У въезда в Лагань нас встретили представители администрации и, пока ехали, рассказывали: район компактный, восемьдесят километров в диаметре. Живет 19 тысяч человек, в городе — семь тысяч. Пять сел. Население — калмыки, русские, татары, даргинцы...

Когда-то была развитая промышленная инфраструктура: машиностроительный завод, рыбокомбинат, мясокомбинат, пятнадцать строительных организаций. Были рыболовецкие колхозы. А когда море стало уходить (оно уходит раз в пятьдесят лет), рыбаки переквалифицировались в бахчеводов. «У нас, — сказали хозяева района, — арбузы были по 25 килограммов, а яблоки до Сибири доходили и дальше».

Все, о чем они рассказывают, в прошлом. В девяносто пятом году, после наводнения почва засолилась, зверосовхоз смыло вместе со зверями, и процветание закончилось. Земли нет — отдали Дагестану в аренду, а обратно взять не могут. От нефтяной трубы ничего не имеют. Кирпичзавод стоит. «А какой был район в советское время, — повторяют встретившие меня руководители, — один из богатейших. Пушнину на золото меняли...»

Что-то с того времени еще осталось: газ, вода, твердые покрытия. Фабрично-заводские дома, построенные для рабочих. «А на машиностроительном заводе, — вспоминает начальник управления образования и культуры Юрий Багаев, — я сам работал. Комплектующие поставляли из Горького, а у нас собирали — автоклавы, автомагазины, автофуры; было много чабанских точек. Мастера были, слесари, токари, инструментальщики, деревообрабочники. Профессиональное училище работало. Сейчас в сельских школах нет специальности тракториста, через пять лет некому будет пахать землю».

Хотя он и изображает катастрофическую картину, но сам что-то делает по мере возможностей. Заключили договор с университетом, создали в школах филиалы учебного комбината, подобрали опытных инструкторов — и вот уже несколько рабочих мест возникло.

«Когда б вы знали, из какого сора...»

Если бы собрать людей, умеющих что-то делать лучше других, они бы научили еще кого-то. Все больше убеждаюсь: необходимо сообщество народных мастеров, связанных со школами, пронизывающее все общество, как в Якутии.

В Лагани мастера тоже встречаются. В районном доме культуры познакомился с талантливыми преподавателями прикладного искусства. У Светланы Гонтаревой сорок учеников, начиная с восьмилетнего возраста. Берет всех, занимается четыре раза в неделю рисунком, живописью, скульптурой и фигурной работой по гипсу. Работают и с местной глиной.

Елена Солганова учит детей создавать шедевры из соленого теста на картоне, из тополиного пуха на черной ткани. Другая мастерица, Светлана Державина, занимается с детьми соломкой. Сорняковыми травами, которые растут на здешних просторах. «Когда б вы знали, из какого сора...»

Вот из этого сора, с помощью горячей обработки, дети научились извлекать более восьмидесяти цветовых оттенков. «Вот собор Василия Блаженного, а это василек из отходов, видите, изящный какой?»

Маленький концерт

Местный ансамбль, которому уже полвека, показал танец буддистского божества — Зеленой Тары. Спели «ута-дун» — старинную протяжную калмыцкую песню, без сопровождения. Бабушка в национальном костюме высказала благопожелания. На русском объясняется с трудом, а как перешла на родной язык, так живо, бодро заговорила! «У нее, — пояснили мне, — есть даже сборник стихов».

В районном доме культуры шесть народных коллективов.

Девушки танцевали, держа в руках лотосы.

На сцене появился сказитель. Признался: хочет, чтобы из девяти школ хотя бы по два человека научились декламировать «Джангар», было бы восемнадцать сказителей. Сам он эпос не декламировал, а пел, и я представлял себе степь, всадника на коне...

Концерт завершил школьный ансамбль. Девочка в красном, с черным нагрудником, и мальчик в черном, с красным нагрудником. Здорово у них получалось — мелкое дрожание в танце...

Прокуратура под крылом

Спрашиваешь: что можно развивать в Лагани? Отвечают, как повсюду: туризм, охоту, рыбную ловлю.

«Государство должно взять под крыло школы, — говорит директор Лаганьской гимназии Спицкая. — А оно взяло под крыло суды, у нас здания судов дважды, трижды ремонтируют. Раньше суды, прокуратуры были незаметны. А теперь — школы, сады, больницы незаметны. Но мы же растим будущее страны, почему она не берет под крыло свое будущее?»

Помалкивает страна, будто воды в рот набрала...

Каждые пятьдесят лет море отступает, а потом наступает, принося с собой наводнения. Каспий опасен не только из-за погоды — из-за незнания. После наводнения построили дамбу — начали засоляться земли.

По протоке

Идем на катере в Каспий. Вода в протоке зеленая, застойная. Капитана суденышка, на котором мы отправились в плавание, зовут Александром Юрьевичем Красномеровым, спокойный бывалый человек. Рассказывает, что изменилось в мореплавании. Всюду контроль, вместо одной инспекции — пять, и всем давай.

Вода становится чище и темнее ближе к морю. Подплываем к посту пограничного контроля — деревянному строению с облупленной синей краской. Капитан привязывает трос, и начальник районного управления образования поднимается с нашими документами, отметиться. Наш старый облупленный катер кашляет, но тарыхтит. До моря сорок километров.

Я поговорил с капитаном. Он на пенсии, как и катер. Тарыхтит пока. Оклад капитана — пять тысяч тридцать рублей (я выматерился про себя). Государственное бюджетное учреждение «Севгафтрыбвод» — федерального подчинения, приписано к Астрахани. «Если бы было республиканского подчинения, вообще сгнули бы», — смеется капитан.

Биография Багаева такова. Окончил техникум в Москве, вернулся в Лагань, пошел рабочим на завод, думал теорию с практикой совместить. Начальство вызывает, говорит: нужен человек с высшим образованием. И отправляет учиться в Калмыцкий государственный университет по инженерной специальности, информатике, программированию, сельскохозяйственному труду, агрономии, психологии, педагогике — словом, на все случаи жизни. Получил диплом. Приехал на завод в девяносто втором году. А дальше завод начал разваливаться. И Багаев ушел (вот где пригодились «на все случаи жизни»), работал учителем, заведовал домом для пожилых людей. Потом в администрации работал в отделе молодежи и спорта, начальником отдела образования. Новый глава района предлагал в мэры. Он отказался — неинтересно. Ему, говорит, с детства хотелось учителем работать. Тогда иди в школу, сказал глава. И он пошел — директором сельской школы. А потом пришел прежний руководитель района, и его вернули в команду...

Тем временем по протоке мы вышли в открытое море.

Иван Караул

В море мы встретили лодку с двумя рыбаками, отцом и сыном. Обветренные лица, заглубевшие руки. Иногда сутками не видят берега. Получают от хозяина гроши: 14 рублей за килограмм сома, 17 рублей — за сазана. Добыча на дне лодки — четверо

суток лова, объяснили рыбаки. Капитан наш вздохнул. «Обиделось море, — сказал, — рыбы совсем нет. Каспий уходит, но когда ты в нем — как будто уходишь с ним, чтобы вернуться снова. Каждые полвека, каждый век, уходит и приходит море, и дует моряна, и рыбаки идут в путину».

До наводнения у них были «байды», шести—двенадцатиметровые деревянные катера с двумя навесными моторами. «Соответственно и ловля была», — добавляет сын. «Стоит одну белугу поймать, — подхватывает отец, — она окупает и байду, и мотор. А сейчас? Белуга, осетр сюда даже не заходят. Море уходит, и все, видимо, уходят. А самим ловбилет получить нереально» — «А скооперироваться и билет выкупить?» — задаю наивный вопрос я. «Бесполезно, — вмешивается капитан, — не дадут. Нас ловят, как рыбу, четверо-пятеро проверяющих».

Пару лет назад еще были цены более-менее, говорят рыбаки. Потом предприниматели — сборщики улова резко снизили. Рыбаки бастовали в поселках. Людей догола раздели, хоть кричи «караул!» Рыбаки обращались в правительство, писали, телевидение приезжало — ничего.

То же, что полтора года лет назад, думаю я, вспоминая записки о каспийском рыбацком промысле. Самыми оплачиваемыми были, как и сегодня, надзиратели, охранники, а самыми низкооплачиваемыми — «неводные рабочие».

...Мы прощаемся с рыбаками и плывем дальше. Вон остров Иван Караул, показывают мне на что-то чернеющее в морской дали. Там часовня. Хотели трикотажную фабрику открыть, работающую с помощью воды, на солнечных батареях. Построили, и станки стояли, и вся система работала через солнечные батареи. Но — заглохло. Теперь на острове живет один сторож — сторожит дачные домики.

Еще один *проект*: выстроить на острове посреди моря-океяна чудо-фабрику, которая почудит и заглохнет...

Возвращаемся в Элисту. Дождь. Я листаю проекты ребят.

Завтра

Они разные: о священнике-художнике Владимире Фаворском, иллюстраторе эпоса «Джангар». О возрождении храма Николая Угодника — покровителя моряков. О семейных ценностях лаганцев. О выселенных, но не сломленных. О рыбацком жаргоне и местных песнях о море и рыбаках. «У нас очень талантливые люди, мы же фосфор едим», — смеялась директор лаганьской школы.

Школьное научное общество «Дебют» опубликовало сборник ученических работ, некоторые из них я уже приводил. Жизнь можно улучшить, доказывают эти дети и взрослые.

Каким образом? Вот некоторые способы...

Школа контролирует рынок

Маленький, но очень разумный и полезный проект выполнила ученица Анастасия Чистова (под руководством Маргариты Дермяновны Батаевой, учительницы физики лаганьской гимназии).

Называется: «Контрольная закупка "Школьные мелки"».

В разных магазинах города купили пять упаковок школьных мелков различных производителей. Задача ученицы состояла в том, чтобы выяснить, какой мел лучший.

Используя расчетные формулы по физике, были определены прочность и плотность мела. Результаты опытов показали, что самый качественный мел имеет самую низкую цену. По итогам исследовательской работы ученики выпустили реклам-

ный листок: *«Лучший школьный мел продается в магазине "Йиси". Прежде, чем купить мел для урока, сделайте контрольную закупку в нашей гимназии!»*

Работа вместе с объявлением была напечатана в районной газете и вызвала живой интерес всех учителей и учеников района (не говоря уж о родителях).

А автор работы, Анастасия Чистова, заняла второе место на республиканской, а потом и всероссийской научно-практической конференции «Первые шаги в науке».

Моряна приглядывает за детьми, а дети за ней

Много проектов на морскую тему. Это неудивительно, ведь рядом море. И дочь морского царя ведет себя по-разному, сообщает в своей работе «Моряна в Лагани» девятиклассница Анжелика Полянская (руководитель Нина Николаевна Саликова, учитель географии). *«Она может спасти тех, кто по неосторожности упал в воду во время бури. Она приглядывает за детьми, резвящимися в воде, и помогает рыбакам в их морских промыслах. Но худо будет тому, кто ее рассердит или обидит морских обитателей...»*

Потому что не в легенде, а в жизни моряна — ветер, наподобие бриза, дующего с моря. Так в разговорной речи называют его жители северного Каспия. Сухой и теплый ветер, угнетающий растительность. Анжелика постаралась разглядеть его с разных сторон.

«Дуют моряны осенью и весной, вызывая ветровые нагоны, продолжительностью от нескольких часов до нескольких дней. Моряна — это добро или зло?

Когда долго не бывает моряны, рыбаки говорят: «Ты подуй, подуй, моряна, пригони леща, сазана». Для рыбака это время хорошего улова, так как моряна гонит рыбу с моря к камышу. Но если задует штормовая моряна, то срываются сетки с якорей. Во время ветра волны достигают 1,5—2 метров и создают опасность для жизни. Моряна может дуть три, семь, десять суток».

Сделав ряд выводов о моряне и ее последствиях и высказав свои рекомендации по решению проблемы затопления вследствие сгонно-нагонных явлений в районе, Анжелика и ее соавторы обратились в администрацию города Лагани.

«Мы изложили свои предложения на бумаге и отнесли в земельно-кадастровый отдел, где их посчитали актуальными и значимыми, тем более что они решают и экологическую проблему, и проблему водоснабжения в городе Лагани».

Мосты и опоры

Неутомимая учительница физики Мира Дермяновна Батаева хочет, чтобы ученики, будущие граждане, брали на себя ответственность за то, что происходит вокруг. «Мы все, не только учителя, — говорила мне она, — хотим, чтобы они осознали, как меняется река, ее течение. Почему заносится песком дома. И мост у нас развалился, опасно для населения переходить по этому мосту».

Мира Батаева и ее ученики провели расследование и предложили другую конструкцию моста. Они проанализировали природные факторы, геологические и климатические, измерили основные параметры моста, рассчитали давление в разных его частях и в целом (это долгая кропотливая работа, но интересно, что для нее оказалось вполне достаточно школьного образования, если оно, конечно, такое, как у этих ребят).

В результате своих опытов и расчетов ученики 8 класса пришли к следующим выводам: *«Разрушению моста способствовали действие постоянных сильных ветров, аномально низкие для нашей местности зимние температуры и жаркое лето, неровный рельеф дна — то есть при строительстве моста не учитывались гео-климатические факторы. Проекта моста не было: об этом свидетельствуют разные расстояния между опорами, выбор разнообразного материала в качестве балок. Не был произведен строгий математический расчет...»*

И в конце — предложения восьмиклассников: *в их ветреном крае, с учетом низких температур, большой толщины льда, постоянного течения воды в реке и нагонов воды во время моряны, лучше строить мост вантовый.*

Теперь вот о чем я думаю. Не о том, почему эту работу, сделанную детьми, не могли сделать взрослые. Не о безграмотной и равнодушной, плевать ей на всякие мосты, власти, не о горе-строителях, которыми наводнена страна.

Я думаю об этих удивительных ребятах и учительнице из маленького городка Лагани. В каждом поколении находятся такие, как они, а потому остается надежда, что мост построят.

Послесловие

В детской шахматной академии, где я провел последнюю ночь, разговорился со сторожем. Он сам завел со мной разговор. И говорил не о безработице, зарплате, инфляции, а о культуре. «Народ обездушел, единственное счастье для человека — культура, — сказал он. — Духовность вроде пришла, а не проросла. Интеллект — это не высшее образование, а состояние ума».

Если сторож — правда, шахматной академии — так мыслит, это что-то говорит о народе?

Перед отлетом в Москву в элистинском аэропорту познакомился с калмычкой-экологом, которая работает в нефтяной компании. Она рассказала мне, что мировые компании нашли шельф около села Смущково, вырыли скважины, провели изыскательские работы, и уже сдан отчет, прошли общественные слушания. Так что засыпанное пустыней Смущково может и ожить, что-то вокруг появится.

Степь может возродиться, если нам хватит ума и заботливости.

Каждый оставляет после себя что-то: голый пяточок песка, переносимого ветром, или крепко вцепившийся в землю куст. Волгу по щиколотку, уходящее или приходящее море, в котором ты — песчаный остров или протока. Что ни говори, а выбор всегда есть, он за нами. Есть записанная в судьбе кочевка — только пока неизвестно куда.

...Курить, обламывая спички, —
Одна из тягостных забот.
Прощай, любезная калмычка.
Уже отходит самолет...

(Ярослав Смеляков)

«А как, — спросил я встретившуюся в аэропорту калмычку, — нефтяники относятся к экологам? Кто они для них: вынужденная необходимость или...» — «Это зависит от хозяина, — ответила калмычка и уточнила: — От человека».

Я думаю о мосте, связывающем два берега. Старое и новое. Вчера и завтра. Без моста так и будем висеть между берегами, потому что в прошлое вернуться нельзя, а будущее туманно и пугающе, и кажется, что нет сил идти. Но и так, зацепившись за гнилое бревно, долго не протянешь. Старая скособоченная переправа. Внизу лед. При таянии он сдвигает опоры. И неизвестно, как поведет себя новая конструкция. Как пройдут испытания в этом ветреном крае.

Прогиб, риски, страшная высота... Но иного выхода нет. Не однажды это уже случилось. «Куда двинемся?» — вспомнил я вопрос одного из своих спутников. Он имел в виду калмыцкую историю, а прозвучало шире.

Этот вопрос сегодня задают себе многие.

Мы повисли между двумя берегами — памятью и забвением, немотой и речью, разумом и безумием, рабством и свободой...

Что выберем?